

Н. С. ЦИНЦАДЗЕ

**ГОСУДАРСТВО,
ОБЩЕСТВО
И ПРИРОДА**
В РОССИИ КОНЦА XIX-
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Т А Н Г О В Т Р О Ё М

Нина Цинцадзе

**Государство, общество и природа
в России конца XIX – первой
трети XX века. Танго втроём**

«Алетейя»

Цинцадзе Н. С.

Государство, общество и природа в России конца XIX – первой трети XX века. Танго втроём / Н. С. Цинцадзе — «Алетейя»,

ISBN 978-5-907189-23-2

Монография подготовлена в русле экологической истории – современного и актуального междисциплинарного научного направления. В ней представлено историческое исследование государственно-общественного восприятия, осмысления и решения социоприродных процессов, протекавших в позднем аграрном обществе европейской части России в конце XIX – первой трети XX века. Источниковую основу исследования составили как архивные документы, так и разнообразные опубликованные материалы. Часть архивных источников вводится в оборот впервые. В заключение обобщается исторический опыт и модель взаимодействия Российского государства и общества в процессе осмысления и регулирования экологических проблем деревни, подчеркивается необходимость расширения партнерства власти и социума в формировании здорового национального экологического менталитета и решении современных проблем окружающей среды. Издание адресовано специалистам, научным сотрудникам, преподавателям и учащимся вузов, а также всем, кто интересуется экологической историей России.

ISBN 978-5-907189-23-2

© Цинцадзе Н. С.

© Алетейя

Содержание

Предисловие	5
1.	12
1.1. Источниковедческий обзор	14
1.2. Историографический очерк	27
2.	43
2.1. Царское правительство и социоприродные проявления аграрного кризиса	44
2.2. Экологические аспекты аграрной политики Временного правительства	72
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Цинцадзе Н. С. Государство, общество и природа в России конца XIX – первой трети XX века: танго втроём

Предисловие

Как сохранить и приумножить экокапитал России?

«...человеком называется такое существо в природе, которое действует так, будто нет бога, закона и вообще нет ничего, кроме человека – царя природы.

В этом самообмане – все существо человека».

М. М. Пришвин, 1919 г.

Представленная книга – результат моих многолетних исследований в области экологической истории России конца XIX – первой трети XX века (до начала Великой Отечественной войны). Во многом она стала продолжением аналогичного изучения периода поздней империи¹. Немаловажным фактом является то, что обе книги были изданы в рамках государственной грантовой поддержки, что свидетельствует о значимости исследований по экологической истории для «новой», постсоветской России. Становлению и развитию этой отрасли знаний посвящена следующая глава, поэтому сейчас я не буду подробно останавливаться на этом сюжете. В общих чертах отмечу лишь то, что экологическая история изучает взаимодействие природы и общества в различные периоды развития цивилизации. Это не является абсолютно новым явлением в науке: известно, что идеи ландшафтно-социальных детерминант существуют давно – как минимум со времен Геродота, Страбона и др. Рассуждения античных авторов о взаимозависимости общества, природы, климата развили арабские и персидские мыслители периода расцвета Арабского халифата (Аль-Масуди, Аль-Идриси и др.). Не остались в стороне от данной теории и российские ученые, значительно обогатившие ее новыми методологическими и концептуальными подходами: В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, П. Н. Милюков, М. К. Любавский, С. М. Широкогоров, В. И. и Г. В. Вернадские, Л. Н. Гумилев, Л. В. Милов, В. И. Козлов, Н. Н. Крадин и многие другие. Однако принципиальное отличие экоистории состоит в том, что предметом ее внимания является не просто общество и просто природа, а их взаимовлияние (коэволюция), принятое за аксиому, комплексно изучаемое гуманитарными и естественными науками. Подобная теоретико-методологическая симфония создает целостное представление об экзогенно-эндогенных факторах социоприродного развития.

Оформление экоистории в виде самостоятельного научного направления во второй половине XX века было связано с видимым ухудшением состояния окружающей среды обитания, порой доходившим до деградации природных объектов (озеро Байкал в России, Великие равнины в США и др.) и техногенных катастроф (взрыв на Чернобыльской АЭС и пр.). Логично, что защитники природы и государственные профильные ведомства задумались над ретроспективным состоянием проблем и в связи с этим стали востребованы историко-экологические исследования. Стали популярны междисциплинарные исследования природных

¹ Цинцадзе Н. С. Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX – начале XX века в восприятии современников / отв. ред. В. В. Канищев. Тамбов, 2012.

катаклизмов прошлого, которые отразились на развитии отдельных стран и всего мира. Так, ученые до сих пор постигают загадки извержения в 1815 г. вулкана Тамбора в Индонезии, вызвавшего такой феномен, как «вулканическая зима» – резкое сокращение температуры воздуха и, как следствие, неурожай и эпидемия холеры в Европе и Северной Америке. В России последствия извержения, казалось бы, далекого вулкана выразились в эпидемии холеры в 1830–1831 гг., неурожае и голоде 1833–1834 гг. Учитывая это, очень важно, что у эко-истории появилась отдельная полоса для движения на широкой научной магистрали. Однако при этом важным является консолидация ученого сообщества вокруг единого поля исследования, что, несомненно, повысит статус научного направления и эффективность исследований, не только междисциплинарных (что и так очевидно), но и международных.

Природа и общество – это стратегический ресурс, залог безопасности страны, который позволяет адекватно реагировать на экстремальные условия ухудшения глобальной ситуации, в т.ч. социально-экономической и климатической. Для того чтобы так и происходило, необходимы фундаментальные исследования в рамках экоистории, которые инициируют активные междисциплинарные взаимодействия, вовлечение российских научных исследований в мировую науку. Глобальные вызовы в системе «Человек–Природа–Технологии–Социальные институты» требуют совместного исследования и решения в рамках диалогов «государство–общество», «Россия–мир».

Важно понимать и то, что проблема выживаемости социума в условиях экологической напряженности волнует сегодня не только ученых, но и широкую общественность. Во многих странах мира она поставлена на самый высокий государственный уровень². В России эта проблема вызывает особую тревогу, поскольку страна находится в состоянии нестабильного экологического и демографического развития, актуализируются вопросы экологической и продовольственной безопасности, адекватного ответа на глобальные вызовы современности. Несмотря на высокий уровень совокупного экокапитала России (воспроизводимый природный капитал, включающий географическую территорию страны, площадь лесов, сельскохозяйственных угодий, объем запасов пресных вод и пр.), очевидно, что природные ресурсы исчерпаемы и их дальнейшая хозяйственная эксплуатация требует разумного подхода. Преобразующая природу деятельность человека имеет пределы. Изучение прошлых трендов, текущего состояния и перспективной динамики развития экокапитала для нас жизненно и стратегически необходимо.

Для решения проблемы требуются специалисты различных областей знания, т.к. она должна рассматриваться комплексно. В связи с этим большую важность приобретает изучение истории взаимодействия природы и человека, поскольку для решения социоприродных проблем необходимо знание их исторических корней³. В этом помогает экологическая история. Экоистория, изучая взаимодействие и взаимовлияние природы и человека, не только расширяет сферу знаний об этом процессе, но и выступает как аккумулятор и аналитик негативного и позитивного опыта, что имеет практическую востребованность. Экоистория связывает воедино социальную и экологическую историю, выявляет взаимосвязи между природой и социумом, определяет характер этих взаимодействий и их динамику в историческом развитии, помогает сделать достоверный научный прогноз⁴. Благодаря междисциплинарным связям гуманитарных и естественных наук экоистория создает многомерное, системное представление о взаимосвязи природы и общества.

² Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. Ю. А. Полякова. М., 2003. С. 3.

³ Поляков Ю. А. Исторические корни экологических проблем // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. Ю. А. Полякова. М., 2003. С. 8.

⁴ Светлов С. В. Историческая экология, демография и биотехнология // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. Ю. А. Полякова. М., 2003. С. 27–28.

В рамках объемного научного поля исследований экоистории малоисследованной и крайне актуальной является проблема государственно-общественного восприятия и осмысления социоприродных процессов, протекавших в позднем аграрном обществе Европейской России в конце XIX – первой трети XX века, когда разворачивались принципиально важные для последующего развития страны события как антропогенного, так и природного генеза. В переходный период от аграрного к индустриальному типу общества происходила кардинальная смена моделей природопользования и природовосприятия вообще. Весьма интересным представляется изучение механизма трансформации российского традиционного природопользования и замены его на природопокорительное. Уже в 1930-е гг. были заложены важнейшие предпосылки экокритика в аграрной сфере, отголоски которого слышны и теперь: идеологические и организационно-хозяйственные, дополненные после индустриализации еще и безграничными техническими возможностями. Индустриальные принципы организации сельскохозяйственного производства, настойчиво внедряемые советской властью, окончательно сломали веками устоявшееся общинное экофильное природопользование⁵. Выявление этой смены парадигм, в особенности через призму государственного и общественного восприятия, стало также весьма важной научной задачей в рамках проведенного исследования.

Экологическая память, формировавшаяся в процессе рефлексии государства и общества по поводу трансформации модели природопользования, является частью коллективной исторической памяти народа. Она транслируется через поколения и оказывает влияние на современное отношение государства и общества к экологическим проблемам, а значит, и на разработку и эффективность конкретных мер их устранения. Особым объектом внимания экоистории является ментальность – сложный феномен, формирующийся под воздействием многих факторов. К тому же в современной мировой экоистории идет смещение фокуса исследовательского внимания с констатации негативных экопроцессов в окружающей среде обитания к субъективному человеческому восприятию опыта общественного взаимодействия с природной средой. Ретроспективное изучение особенностей коллективного и индивидуального восприятия социоприродного взаимодействия значительно расширяет горизонт научных исследований, позволяет высветить то, что ранее находилось в тени, на обочине научного поиска. Этот подход помогает также выявить основополагающие закономерности в триединой системе «Природа–Хозяйство–Ментальность».

В этом контексте чрезвычайно интересным и важным стало исследование взаимодействия традиционного крестьянского природопользования и модернизовавшегося его понимания государством и общественностью в лице ученых-естественников, экономистов, статистиков, писателей, интеллигентов, обывателей. В книге отражены также альтернативные подходы в решении экологических проблем советской доколхозной деревни, которые обсуждались в государственно-общественной среде в изучаемый период. Вообще, подход, основанный на научном изучении исторических альтернатив, сравнительно новое и перспективное направление в гуманитарной науке.

Цель нашего исследования состоит в изучении исторического опыта и модели взаимодействия Российского государства и общества в процессе осмысления и решения острых социоприродных проблем аграрной сферы. К последним мы относим антропогенные изменения природной среды обитания аграрного общества: истощение природных ресурсов, в особенности земли, сокращение площади лесов, обмеление рек, быстрое оврагообразование, а также ответные реакции на эти процессы со стороны природы: частые засухи, суховеи, широкое распространение вредителей сельского хозяйства, эпизоотии и пр.

⁵ Денисова Л. Н. Экологическая память российской деревни XX в. (по материалам социологических обследований 1990-х годов) // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. Ю. А. Полякова. М., 2003. С. 215–216.

Задачами исследования стали рассмотрение особенностей государственного восприятия и решения социоприродных проблем позднего аграрного общества; анализ реакции крестьянства на истощение природных ресурсов; выявление роли научного сообщества в актуализации экопроблем деревни; отражение изучаемых аспектов в художественной литературе; сравнение государственного и общественного отношения к экопроблемам села; построение модели взаимодействия государства и общества в процессе осмысления и решения острых социоприродных проблем аграрной сферы.

Темпоральными границами нашего исследования мы выбрали позднеимперский и раннесоветский, довоенный период. Логика выбора обусловлена, во-первых, продолжающимся характером исследования (ранее нами были изучены особенности государственно-общественного восприятия экопроблем пореформенной деревни Европейской России), во-вторых, сложностью объективных исторических процессов в указанный отрезок времени, когда в широком общественном сознании формировалась новая ментальная «матрица» природовосприятия и природопользования, о чем мы упоминали выше.

Географический фокус нашего внимания сосредоточен на Европейской, в особенности Центральной России, в силу нескольких взаимосвязанных причин. Во-первых, именно там еще с пореформенных лет наиболее остро стоял аграрный вопрос, ярко проявлялись признаки истощения природных ресурсов под влиянием многовекового их хозяйственного использования. Согласимся с Л. Т. Сенчаковой в том, что «центральные губернии, губернии «коренной России, – это район, который во многом определял пореформенное социально-экономическое и политическое лицо страны». До крестьянской реформы 1861 г. в Центре России были сосредоточены крупные помещичьи имения и основная масса крепостных крестьян. В пореформенное время этот район долгое время сохранял старые крепостнические пережитки⁶. Присутствие на этой территории страны всей мощи государственного аппарата и высшая степень концентрированности взрывоопасных для основ самодержавия социальных элементов превращал Центр России в место, где вершилась судьба российского крестьянства, традиционного пути развития всей страны.

Во-вторых, в Волго-Окском междуречье, коренной Великороссии, к XV–XVI вв. был сформирован тот тип ведения сельского хозяйства, традиционного землепользования, который просуществовал до первой трети XX в. и который распространился на другие регионы страны. Для нас важным является и то, что сложившийся в историческом центре Российского государства в течение многих столетий экологический опыт природопользования был основой хозяйствования, транслировавшийся на различных исторических отрезках времени и в менявшихся природно-географических условиях⁷.

В-третьих, данная компактная природно-климатическая территория представляет относительно единую экосистему с некоторыми внутривидовыми различиями, что позволяет в рамках нашего исследования делать вполне верифицированные выводы.

При этом Центральный регион страны (в границах дореволюционной России и довоенной РСФСР) рассматривается нами в соседстве с другими частями Европейской России: с Северо-Западом, Поволжьем и Югом. Это продиктовано тем, что Центр России не замкнуто-изолированная территория и, конечно же, испытывала влияние соседних региональных образований, одновременно воздействуя на них. Помимо этого, на стыке с иными частями Европейской России существовали пограничные, трансграничные природно-территориальные образования со схожими экопроблемами, без учета которых наше исследование было бы неполным. При определенных различиях отдельных частей Европейской России все они связаны общей судь-

⁶ Сенчакова Л. Т. Крестьянские наказания 1905–1907 годов // Судьбы российского крестьянства / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1995. С. 58.

⁷ Данилова Л. В. Крестьянский опыт природопользования в историческом центре средневековой Руси // Традиционный опыт природопользования в России / отв. ред. Л. В. Данилова, А. К. Соколов. М., 1998. С. 59.

бой становления и развития. В конечном счете фактологические и субъективные материалы из разных мест европейской части страны позволяют видеть экопроблемы объемно, в сравнении друг с другом.

Существующий массив разнообразных **исторических источников** как официального, так и личного происхождения позволил нам достигнуть поставленных научных задач. Сочетание новейших методов гуманитарных, социальных и естественных наук способствовало успешному изучению научной проблемы. В ходе исследования были использованы как общенаучные и специальные исторические **методы познания**, так и междисциплинарный методологический инструментарий. В качестве основного методологического подхода избраны **идеи социоестественной истории** о взаимосвязи, взаимозависимости и взаимовлиянии процессов, явлений и событий в жизни общества и природы, недопустимости преувеличения роли антропогенного фактора в покорении природы и необходимости большего внимания историков и обществоведов к изучению влияния природных сил на человеческое общество в прошлом. Этот базовый метод органично дополнил **синергетический подход**, ориентированный на изучение явления самоорганизации в социоприродных системах и явлениях. **Междисциплинарный подход** обогатил наш инструментарий познавательными приемами и принципами социологии, исторической демографии и др.

Методы исторической науки помогли выявить массив эмпирических фактов и нарративных источников, отразивших содержание и специфику осмысления современниками позднего аграрного общества его социоприродных проблем. В частности, **собственно исторический метод** помог определить происхождение и становление данного явления, выявить причинно-следственные взаимосвязи и закономерности в его возникновении и существовании.

Существенную помощь при изучении данной проблемы оказали **метод системного анализа**, который позволил всесторонне изучить проблему в совокупности и целостности ее компонентов; **метод комплексного анализа**, направленный на рассмотрение социоестественных явлений в совокупности с иными политическими, социально-экономическими и социокультурными явлениями и процессами; **сравнительный метод**, позволивший провести сопоставление экологических процессов в позднеимперском и раннесоветском периодах, особенностей восприятия их различными представителями власти и общества; **структурный метод**, который содействовал выделению элементов социоприродных процессов и их государственно-общественного восприятия; **функциональный метод**, который был использован для выделения структурных частей изучаемого явления, определения их назначения, функции, роли и связей между ними и иными общественными отношениями; **метод моделирования**, позволивший построить модель государственно-общественного осмысления социоприродных процессов в позднем аграрном обществе, взаимодействия разнообразных политических, социальных и профессиональных групп при их обсуждении и решении; **социологический метод** помог проанализировать общественное восприятие социоприродных процессов, результатов статистических исследований того периода; **прогностический метод** был ориентирован на выявление перспективных тенденций в развитии изучаемых социоестественных явлений и их связи с последующими изменениями в аграрном комплексе страны.

Нарративный материал был частично обобщен при помощи использования **количественных методов анализа**, в частности метода контент-анализа. При анализе солидного объема однотипных нарративных материалов (декреты первых лет советской власти) мы обратились к методу контент-анализа, который направлен на выявление и количественный подсчет частоты упоминаний ключевых слов и словосочетаний (смысловых единицы, по терминологии контент-анализа) во внешне разнородных многочисленных текстах⁸. Он позволяет ана-

⁸ Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984; Бородкин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

лизировать количественные показатели смысловых единиц большого массива нарративного материала, выявлять взаимосвязь между заранее определенными единицами счета и делать обоснованные выводы. Использование данного метода позволило нам выявить динамику государственного регулирования социоприродных проблем в период Гражданской войны и «военного коммунизма», закономерности последующих действий в довоенной природоресурсной политике СССР, уловить ее тонкие нюансы.

Научная новизна результатов исследования определяется получением новейших, научно обоснованных представлений об особенностях государственно-общественного восприятия и осмысления экологических проблем позднего аграрного общества России конца XIX – первой трети XX в. Причем не просто общих, абстрактных сведений о них, а конкретных, с учетом детально рассмотренного государственно-общественного диалога и имевшихся альтернатив решения застарелых социоприродных проблем российского села. Полученные результаты позволят также провести обобщение национального опыта и модели государственно-общественного восприятия изучаемых проблем на значительном отрезке времени аграрной модернизации, начатой Александром II и завершенной И. В. Сталиным, выявить определенные закономерности, «болевы точки», знание которых, несомненно, стоит учитывать в современных условиях развития.

Научное и практическое значение нашего исследования повышает и то, что в современной как российской, так и зарубежной экоиории отсутствуют комплексные исследования по указанной проблематике. Ею накоплены лишь фрагментарные и преимущественно локальные представления об этом явлении, многие из которых разрозненно представлены в сфере аграрной истории, крестьяноведения, социальной истории, экономической истории, ментальной истории, этноэкологии и др. Безусловно, результаты этих смежных исследований нами были учтены и востребованы.

Представленные нами научно обоснованные исторический опыт и модель взаимодействия государства и общества в процессе осмысления и решения острых социоприродных проблем аграрной сферы, в т.ч. с учетом нереализованных инициатив и альтернатив, восполняя существующие научные лакуны, могут быть полезны в обобщающих исследованиях взаимодействия природы и общества в условиях глобальных эковызовов, при разработке моделей взаимодействия природной среды обитания и общества и их отдельных подсистем (социальных, экономических, политических и иных институтов), выявлении причин и последствий неравномерного развития отдельных территорий и др. Комплексное изучение проблемы взаимодействия природы, общества, государственных и социальных институтов в исторической ретроспективе позволит Российскому государству и обществу эффективно отвечать на большие вызовы современного этапа глобального развития в части обеспечения экологической и продовольственной безопасности. В условиях современной глобализации результаты данного исследования помогут осуществлять научно обоснованное прогнозирование будущей траектории социоприродного развития, в т.ч. кризисных ситуаций. В конечном итоге полученные результаты наряду с иными будут способствовать сбережению российского экапитала как минимум и его преумножению в перспективе как максимум.

Данное исследование подготовлено в русле мировой тенденции в экоиории, выражающейся в тяготении к регионалистике при одновременной глобализации в изучении экологических процессов. При этом оно не имеет зарубежных аналогов, являясь, с одной стороны, национально-историческим, с другой – обладает перспективой транснациональности в части обмена научным опытом.

В завершение предисловия отмечу, что данная книга не состоялась бы без ряда факторов, удачное сочетание которых вызывает у меня искренние чувства радости и признательности. Во-первых, я счастлива оттого, что меня сопровождала моральная поддержка моей семьи. Во-вторых, я благодарна Российскому научному фонду за предоставленный грант в рамках «Пре-

зидентской программы исследовательских проектов, реализуемых ведущими учеными, в том числе молодыми учеными»; экспертам Фонда – за высокую профессиональную оценку заявленного плана и полученных результатов научного проекта, экспертные рекомендации, которые, несомненно, улучшили мое исследование.

В-третьих, не могу не отметить ученых и их работы, оказавших на меня идейное и концептуальное влияние: Э. С. Кульпин-Губайдуллин, Л. В. Милов, Л. Г. Протасов, В. В. Канищев, В. Л. Дьячков, С. А. Нефёдов, В. И. Дурновцев, Ю. А. Лайус, Э. Г. Истомина, И. Е. Кознова, В. Г. Мордкович, Е. И. Гололобов, В. А. Ильиных, Г. В. Любимова, Д. Мун (David Moon), М. Таугер (Mark Tauger), Э. Бруно (Andy Bruno) и многие другие.

В-четвертых, я благодарна главным редакторам, членам редколлегий и рецензентам ведущих научных журналов, которые способствовали публикации промежуточных результатов данного монографического исследования.

В-пятых, я особенно признательна руководству и сотрудникам РГИА, РГАЭ, ГА РФ, РНБ, Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А. С. Пушкина за профессионализм и внимательное отношение. В-шестых, теплые слова благодарности я адресую И. А. Савкину, руководителю издательства «Алетейя», коллективу редакции за подготовку к печати и издание данной книги.

1.

Обзор источников и научной литературы

Существенное значение для научного исследования имеют правильно и максимально полно подобранные для изучения факты и явления. В сфере экологической истории, как и в истории вообще, эту функцию выполняют исторические источники – остатки прошлого, ставшие его памятниками, которые с разной степенью информативности и достоверности насыщают научный поиск необходимыми фактами. Они, в свою очередь, в процессе критического познания создают искомое знание. Источниковой основой для нашего исследования послужили разнообразные архивные и опубликованные материалы. Имея в виду то, что наше внимание сосредоточено не на фиксации негативных проявлений взаимоотношения общества и природы, ведь экоистория не должна быть историей экокатастроф, как справедливо заметил современный немецкий историк Й. Радкау⁹, а на изучении довольно «тонкой материи» – рефлексии государства и общества над опытом взаимодействия с природной средой, т.е. на явлении из области психологии, то значительную видовую часть источников составили различные нарративные источники.

При отборе источников мы руководствовались двумя главными соображениями: во-первых, нас интересовали материалы, отразившие восприятие современников изучаемого периода времени (принцип аутентичности), во-вторых, тех из них, которые были связаны со сферой сельского хозяйства, экономики в целом и государственного управления (посредством личного труда, управления, изучения – крестьяне, чиновники разных уровня и ведомств, руководители государства, ученые), хорошо знали жизнь села изнутри, а значит, с большой долей вероятности могли оставить верифицированные наблюдения-характеристики об исследуемых нами явлениях. С учетом этого большой информационный потенциал содержат источники личного происхождения, которые при этом требуют дополнительного критического анализа с тем, чтобы отличить единичное мнение от общепринятого и распространенного. Дополнительные краски в исследование добавили художественная литература, произведения живописи, а также фотографии. Последние помещены в приложения книги и передают не только дух времени, но и черты экокрисиса, попытки устранения его последствий. Причем нам встретилось больше изображений с позитивным содержанием (процессы мелиорации, например).

Относительно выявления особенностей восприятия государством социоприродных аспектов в аграрной политике, то ведущую роль сыграли многочисленные делопроизводственные документы, программы политических партий, властные решения органов управления, законодательные акты и пр. Для нас важной задачей стало определение властной воли, лежавшей в основе принятых решений в отношении ресурсопользования. Одновременно мы всякий раз оговариваемся о том, что в современном нам понимании (и наименовании) экологическая политика в конце XIX – первой трети XX в. еще не существовала, однако некоторые ее элементы могут быть обнаружены применительно к объекту нашего исследования в аграрной политике. В частности, в регулировании землепользования, лесопользования и водопользования, концентрации и распределения проживания людей на той или иной территории, что напрямую влияло на интенсивность хозяйственной эксплуатации природных ресурсов. В традиционной историко-аграрной литературе земля, лес и водные источники рассматривались как объекты аграрной политики. Как правило, историки-аграрники не видят в государственной политике в отношении них экологическую составляющую. Между тем названные хозяйствен-

⁹ Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды / пер. с нем., сост. указ. Н. Ф. Штильмарк. М., 2014. С. 13.

ные ресурсы изначально являются природными, ставшие в процессе экономического использования уже окультуриваемыми объектами окружающей среды. Когда государство задавало параметры извлечения материальных выгод из природопользования, имея в виду цель либо восстановить нарушенный баланс в природе, либо подчинить себе законы природы, то речь уже идет об экологии.

Нас интересовал механизм сознательного регулирования, при котором государство ставило/снимало пределы эксплуатации, преследуя свои цели, либо вводило/убирало ограничения на чрезмерное давление на ресурсы со стороны общества, исходя из ситуативных обстоятельств. К тому же мы проследили корреляцию между властными решениями и позицией общественности, различными альтернативами, заложенными в отдельных предложениях и мнениях современников.

Одной из закономерностей развития науки является опора на предшествовавшие исследования, конкретизация, дополнение их и, в идеальном случае, создание на этой основе нового знания, которое, в свою очередь, будет фундаментом для последующих изысканий и открытий. Новое знание может продуцироваться и в результате качественного скачка, отрицания ранее достигнутого, смены парадигм, но и в этом случае предшествующие знания являются отправной точкой для такой трансформации. В этом проявляется круговорот и преемственность в науке. Чем больше междисциплинарных связей окутывают объект исследования, тем интересней получаются процесс и результаты изучения. Нам повезло: наше междисциплинарное исследование щедро напитано имеющимися научными теориями и концепциями разных сфер знания.

1.1. Источниковедческий обзор

Основу **неопубликованных источников** составили архивные материалы трех федеральных архивохранилищ страны: РГИА, ГА РФ, РГАЭ. Многие из них вводятся в оборот впервые. Типологически источники, выявленные в их фондах, относятся к разряду делопроизводственной документации. В РГИА мы изучили фонд № 381 «Канцелярия Министерства земледелия». В нем мы выявили журналы заседаний комиссий, протоколы, отчеты, обзоры заседаний отделов и комиссий министерства, делопроизводственную переписку подразделений по текущим вопросам, докладные записки, доклады чиновников и пр. Очень интересны материалы этого фонда, содержащие доклады-отчеты министров земледелия и государственных имуществ о совершенных ими поездках в отдельные районы империи, адресованные императору. По итогам рабочих поездок министр составлял также адресованные подчиненным замечания по отдельным вопросам и сводный доклад для императора, в котором он обобщал собранные факты и в зависимости от этого предлагал варианты улучшения сельского хозяйства. Как исторический источник материалы министерских поездок весьма информативны и интересны в контексте изучаемых нами аспектов эконентальности.

В фонде № 426 «Отдел земельных улучшений Министерства земледелия и государственных имуществ» мы изучили материалы о проведении оросительных и обводнительных работ в Европейской России, укреплении берегов рек и пр. В фонде № 427 «Гидрологический комитет Министерства земледелия и государственных имуществ» были исследованы журналы заседаний Гидрологического комитета за весь период его существования (1904–1917 гг.). Выявленные источники отразили содержание конкретных направлений деятельности сельскохозяйственного ведомства, внутреннюю переписку по поводу возникавших проблем и, что важно, включавшие предложения отдельных членов министерства по тем или иным вопросам.

В ГА РФ наше внимание было сосредоточено на фондах № 1796 «Главный земельный комитет Министерства земледелия Временного правительства» и № 1797 «Министерство земледелия Временного правительства». Оба фонда значительно расширили наше представление об изучаемых аспектах аграрной политики власти того периода. Мы исследовали разнообразные документы: делопроизводственную переписку, материалы к отчетам, отчеты, доклады, проекты постановлений, циркуляры, записки, предложения о развитии лесной отрасли, рыболовства, проекты аграрной реформы, в которых отразились предпринятые действия и планы Временного правительства. В особенности информационно насыщены оказались материалы различных комиссий и подкомиссий, специально созданных для разработки земельной реформы. В структурном отношении Министерство земледелия было разветвленным, состоявшим из департаментов (Департамент земледелия, Лесной департамент и др.), отделов (отдел земельных улучшений, отдел рыболовства и охоты, отдел сельской экономии, статистики и др.), а также многочисленных комиссий (по вопросам переселения и колонизации; о нормативных началах в распределении земельного фонда; по организации рыболовного хозяйства; по организации водного хозяйства; лесная комиссия; комиссия по организации мелиоративного дела и др.). В августе были созданы дополнительные подкомиссии: по организации земельной площади промышленных растений; организации земельной площади семенных хозяйств; по составлению плана мелиоративных работ; по вопросу о финансировании мелиоративных работ; о частном мелиоративном строительстве; по вопросу о мелиоративных работах в Туркестане; по вопросу о разных опытных учреждениях в мелиоративном деле и др.¹⁰ Предполагалось, что к началу работы Учредительного собрания комиссии и подкомиссии Министерства земледелия должны подготовить основы аграрной реформы. Представление о периоде Вре-

¹⁰ ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 592. Л. 4.

менного правительства существенно дополнили материалы фонда № 1799 «Временный Совет Российской Республики (Предпарламент)».

В РГАЭ мы изучили отдельные описи фонда № 478 «Народный комиссариат земледелия РСФСР» и фонда № 7486 «Министерство сельского хозяйства СССР». Они содержат докладные и аналитические записки о развитии отраслей сельского хозяйства, материалы совещаний по конкретным проблемам, справки и сведения о ходе общественно-мелиоративных работ и др. Большой интерес для нас представили материалы о работе агрономического поезда имени В. И. Ленина, организованного в 1925 г. для наглядной агропропаганды среди сельского населения.

Наше внимание привлекли предложения и заявления крестьян, направленные в 1921 г. в Плановую комиссию этого ведомства по инициированному ею запросу. Многие из них содержали проекты по рационализации и интенсификации сельского хозяйства. В их содержании явно усматриваются те социоприродные проблемы, которые волновали крестьянство¹¹. История появления этих материалов такова. После засухи и голода 1921 г. правительство активизировалось в части поиска способов борьбы не с последствиями засух, а их причинами. Одной из мер стало создание в 1921 г. при Управлении сельскохозяйственной экономии и плановых работ НКЗ РСФСР Комиссии по приему предложений и изобретений по сельскому хозяйству. Как отметили члены комиссии, несмотря на трудности времени и перебои связи центра с отдельными регионами на ее рассмотрение поступило 41 заявление, которые они объединили в 4 группы: изобретения по сельскому хозяйству (5 проектов), предложения по сельскому хозяйству, животноводству, огородничеству, землеустройству, мелиорации и т.п. (17 предложений), указания, просьбы и жалобы на неправильность действий местных органов власти (6 случаев), заявления о приеме, переводе, командировании на сельскохозяйственные курсы и службу в центральные и местные органы НКЗ РСФСР (13 просьб). Подавляющее количество заявлений и предложений (26 заявления, или 60%) поступали от крестьян.

В зависимости от содержания заявления направлялись в различные отделы НКЗ, где рассматривались по существу. Однако их изучение и внедрение затягивались. Особенно это касалось проектов изобретений: они вначале направлялись на содержательный анализ в Главсельмаш, затем передавались в комиссию изобретений ВСНХ, которая оценивала техническую составляющую изобретений. Для того чтобы изобретение было одобрено, та комиссия требовала модели изобретения и показательных опытов. Специальных денежных средств у НКЗ на это не было. Лучше была судьба предложений по рационализации сельского хозяйства: после изучения в центральном ведомстве и положительных отзывов от корреспондентов с мест они внедрялись в практику. Большинство предложений о сельскохозяйственной интенсификации поступало от крестьян, побывавших в немецком плену и видевших агрокультурные методы хозяйствования на практике¹².

Конкретное содержание лесомелиоративных работ в 1930-е гг. представлено в материалах фонда № 9465 «Главное управление лесного хозяйства и полезного лесоразведения Министерства сельского хозяйства СССР». В основном это делопроизводственная документация: отчеты, доклады, записки. Особо ценным для нас стали обнаруженные отзывы специалистов.

Из фондов специализированных учреждений мы изучили документы фонда № 32 «ВНИИ им. В. Р. Вильямса. Главное управление животноводства Министерства сельского хозяйства СССР» и № 401 «Почвенный институт им. В. В. Докучаева ВАСХНИЛ». Найденные замечания, отчеты и предложения ученых-практиков значительно обогатили наше представление о реальных альтернативах в природопользовании. К сожалению, ряд дел из фонда №

¹¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 138.

¹² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 138. Л. 13–13 об.

8378 «Учреждения по руководству водным хозяйством и водохозяйственным строительством НКЗ СССР», прямо имеющих отношение к изучаемой проблеме, были уничтожены. Это были очерки по проблемам орошения и мелиорации земель в СССР и обзор, посвященный «крупным водохозяйственным проблемам», составленные в середине 1930-х гг.¹³

Опубликованные источники мы сгруппировали следующим образом. Во-первых, это большая и разнообразная группа источников **официального происхождения**. Самой обширной частью являются **делопроизводственные материалы государственных учреждений**. Среди них отметим аналитические обзоры деятельности государственного аграрного ведомства (в разные годы оно именовалось Министерством государственных имуществ, Министерством земледелия и государственных имуществ, Главным управлением землеустройства и земледелия, Министерством земледелия), подготовленные им же за определенный период времени, как правило, за несколько лет и десятилетий. Такие очерки и обзоры были приурочены к крупным юбилейным датам в развитии ведомства (50, 75 лет), подведению итогов его работы в период правления монархов, освещению конкретных мероприятий в узких отраслях (водное хозяйство, лесоустройство, мелиорация и др.). Отметим, что за 1914–1917 гг. в условиях шедшей Первой мировой войны и вновь разгоравшегося революционного процесса не было подготовлено развернутых аналитических обзоров деятельности ГУЗиЗ: последний обзор был подготовлен за период 1909–1913 гг., а последний годовой обзор – за 1914 г. (годовые обзоры деятельности ведомства выпускались за 1895–1914 гг.). Далее обзоры о деятельности созданного в октябре 1915 г. Министерства земледелия отсутствуют – война и революция сделали их попросту невозможными. К этой группе источников относятся и различные доклады, подготовленные по результатам работы специально созданных государственных, как правило, межведомственных комиссий, совещаний; печатные адресованные Николаю II доклады-отчеты министров земледелия и государственных имуществ о совершенных ими поездках по стране. Дополняют эти материалы обширные сведения о деятельности правительства в области мелиорации, публиковавшиеся ГУЗиЗ в период 1909–1915 гг. в «Ежегоднике отдела земельных улучшений». Редактором издания выступил управляющий Отделом земельных улучшений, видный сельскохозяйственный деятель, ботаник – князь В. И. Масальский. Помимо подробных отчетов о проделанной мелиоративной работе, данный Ежегодник включает сотни фото природных ресурсов накануне, во время и после восстановительных действий. Эти изображения стали для нас ценнейшим фотоисточником, позволившим воочию ознакомиться с социоприродными проблемами и способами их решения. Некоторые их копии помещены в приложении к нашему исследованию (см. приложение 2).

Нами были использованы опубликованные материалы деятельности Лиги аграрных реформ, Главного земельного комитета, Государственного совещания и Демократического совещания. Не менее информативным для нас явились опубликованные журналы заседаний Временного правительства, хранящиеся в ГА РФ¹⁴. Они являются ценным источником о конкретной деятельности власти того периода. Всего опубликован 181 журнал заседаний Временного правительства.

Создать общее представление об изучаемом явлении помогла такая группа источников, как **программные документы ведущих политических партий России начала XX в.**, в особенности аграрные разделы программ.

Следующая группа источников – **советские законодательные источники и близко примыкающие к ним директивные, распорядительные документы партии большевиков по хозяйственным вопросам**. Особенности восприятия государственной властью демографических и экологических проблем развития советской довоенной деревни зафиксиро-

¹³ РГАЭ. Ф. 8378. Оп. 2. Д. 231, 232.

¹⁴ Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года: в 4 т. М., 2001–2004.

рованы в декретах, директивах, решениях и предписаниях правительства, резолюциях съездов большевистской партии, ее Пленумов и пр. Важными источниками для изучения данной проблемы являются, во-первых, декреты первых лет советской власти, во-вторых, директивы ВКП(б) и комплекс партийно-правительственных решений по хозяйственным вопросам. Большинство из названных документов уже опубликованы и доступны для широкого круга исследователей.

Среди названных источников особое место принадлежит академическому восемнадцатитомному изданию **законодательных актов первых лет (1917–1921 гг.) советской власти в России**. Это ценнейший источник по политической, социально-экономической, культурной истории страны того периода. Оно издавалось (первоначально Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС совместно с Институтом истории АН СССР, затем – Институтом российской истории РАН совместно с Российским государственным архивом социально-политической истории) с перерывами на протяжении чуть более полувека с 1957 по 2009 г. и насчитывает более чем 5,5 тыс. документов. Многие из них печатались впервые, что придает этому изданию археографическую и источниковедческую уникальность. Есть в нем и информация, отражающая реакцию власти на демографические и экологические проявления и последствия сельскохозяйственных кризисов и аграрных проблем в государстве. Причем реакция понимается нами широко: и как статичное восприятие-фиксация того или иного социоестественного явления, так и практически действенное. Законодательный источник в этом смысле лучше всего демонстрирует емкость и многосторонность такого восприятия-действия – ведь в нем отразилась проблема, по поводу которой принимался нормативный акт, и ее властное решение.

Надо иметь в виду, что экологическая проблематика, тогда, в условиях недавней победы большевиков в политической борьбе, ожесточенной Гражданской и завершившейся Первой мировой войн, не была приоритетной. Казалось бы, что власть должна была больше беспокоиться о решении продовольственного вопроса, застарелого земельного, нежели о сохранении лесов, лугов, восстановлении экосистемы и пр. Ведь гибли люди, рушилась старая жизнь, и в этом сломе было не до этого. Однако в постановлениях властных и партийных органов мы все же обнаружили вкрапления социоприродных мотивов. Они в большей мере были не на первом плане, а в связи с необходимостью решения многочисленных хозяйственно-экономических проблем. Однако их присутствие позволяет проанализировать и названный исторический источник, и действия советской власти под новым углом зрения социоестественной и демографической истории.

Правом издавать законы в те годы обладали все высшие органы государственной власти: съезды Советов РСФСР, ВЦИК и его Президиум, СНК и СТО. Нередко ВЦИК и СНК принимали законы совместно. Центральные правительственные ведомства (ВСНХ, наркоматы и др.) были наделены правом законодательной инициативы, что отражалось в подготовке ими проектов будущих законоположений, а также издания распорядительных актов по вопросам своего ведения¹⁵. Распространенными формами законодательных актов были декрет и классическое постановление, издаваемые высшими органами государственной власти. Причем все они имели одинаковую юридическую силу. Наиболее важные стороны общественной жизни регулировались основными законами. Помимо этого, издавались предписания, в т.ч. секретные, распоряжения, положения, инструкции, резолюции, воззвания. Учитывая обстоятельства революционного времени, «военного коммунизма» и Гражданской войны, некоторые распоряжения для оперативного их распространения осуществления облекались в форму радио- и телеграмм.

¹⁵ Журавлев В. В. Декреты Советской власти 1917–1920 гг. как исторический источник. М., 1979. С. 15–16.

Четкого назначения той или иной формы нормативного акта законодатель не придерживался: в декрете могли содержаться подробные инструкции реализации властного предписания, в то время как в положении указывались общие черты регулирования, а в инструкции они конкретизировались, резолюции составлялись как предписания и т.д. Воззвания в большинстве имели декларативно-политическую направленность. Такая практика понятна – юридическая техника государственных органов и служащих при разработке властно-распорядительных актов находилась еще в стадии становления, нормативный массив формировался стихийно, по мере появления проблем; его систематизация и иерархизация были тогда не самыми главными вопросами революционного нормотворчества.

Официальным печатным изданием правительства с 1917 по 1938 г. было «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР», с 1939 по 1992 г. – «Собрание постановлений и распоряжений правительства РСФСР». Однако надо иметь в виду, что не все нормативные акты были представлены в этом издании, а опубликованные подвергались предварительной редактуре так, что отличались от архивных оригиналов. В связи с чем приоритет нами был отдан публикациям, основанным на архивных материалах.

Законодательные и распорядительные акты по изучаемой проблеме нашли отражение также в *директивах ВКП(б) по хозяйственным вопросам*. Они были подготовлены к печати в начале 1930-х гг. руководителем Секретариата И. В. Сталина А. Н. Поскрёбышевым и экономистом и журналистом М. А. Савельевым¹⁶. Издание включает директивные предписания партии и некоторых высших органов власти (СТО и СНК) за 1919–1931 гг.: резолюции съездов партии, пленумов ЦК партии, конференций партии, постановления ЦК партии. Целью издания было продемонстрировать эволюцию экономической политики государства в переломный период его истории. Составители отмечали, что сборник не является исчерпывающим: в него вошли только те предписания, которые получили формальный характер, т.е. были формализованы по правилам юридической техники и практики. В сборник помещены партийные директивы, начиная с VIII съезда партии (март 1919 г.), т.к. до этого их оформление не отличалось тщательностью, многие из них публиковались в виде постановлений СНК¹⁷. Очевидно, что отсутствие разделения властей и слитность партии и правительства создавали синкретичность подобных нормативных решений государства.

Позже официальные тексты законов РСФСР были представлены в специально подготовленном Министерством юстиции РСФСР в 1949 г. «*Хронологическом собрании законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР*»¹⁸. Оно также включало постановления и решения партии и правительства по различным отраслям управления. В нем нашли отражение узаконения, не противоречившие послевоенному законодательству.

Дополняет общую картину партийно-властного восприятия-регулирования социоэкономических проблем советской деревни пятитомное издание «*Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам*», охватившее 50 лет, с 1917 по 1967 г. Применительно к нашему хронологическому периоду относятся первые два тома¹⁹. Социоприродные вопросы нашли отражение в таких видах документов, как резолюции съездов и конференций РКП-ВКП(б), резолюции пленумов ЦК партии, постановления съездов Советов СССР, постановления ЦИК СССР, постановления СНК СССР, совместные постановления ЦИК и СНК СССР. Помимо партийных решений в нем содержатся постановления высших органов власти. Это издание, подготовленное в 1960-е гг., включило постановления и решения, ранее не вошедшие в ана-

¹⁶ Савельев М., Поскрёбышев А. Н. Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам. М.-Л., 1931.

¹⁷ Там же. С. XIV.

¹⁸ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР: в 6 т. М.-Л., 1949.

¹⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. Т. 1. 1917–1928 гг. М., 1967; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. Т. 2. 1929–1940 гг. М., 1967.

логичные сборники документов, что повышает их ценность для исследователей. Необходимо учитывать, что в условиях всеохватывающей идеологизации и тотального контроля даже эти сравнительно немногие документы, ставшие публичными, приоткрывали окно в «кухню» принятия властных решений и знакомили с их содержанием.

Наиболее обширная научная публикация важнейших партийных документов была осуществлена в 1980-е гг., когда был издан многотомный сборник «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988)». В нем нашли отражение все партийные решения с первого съезда РСДРП в 1898 г. до последнего XXVIII съезда КПСС в 1990 г.²⁰

Из современных изданий весьма информативным оказался сборник документов «Трагедия светской деревни. Коллективизация и раскулачивание», подготовленный международным коллективом авторитетных специалистов по аграрной истории России под руководством В. П. Данилова, Р. Маннинга и Л. Виолы²¹. Благодаря проведенной работе многие архивные документы, ранее имевшие гриф секретности, стали известны широкой публике. В основном они касались проблемы коллективизации. Для нас подборка этих источников оказалась чрезвычайно важна в силу отражения восприятия власти экосоциальных проблем деревни и установок на насильственный слом традиционных аграрных отношений.

Весьма информативна официальная переписка И. В. Сталина и его ближайших помощников – В. М. Молотова и Л. М. Кагановича. Эти письма носили полуофициальный-полунеофициальный характер: являясь по форме источником личного происхождения, они все же касались проблем управления государством на период отъезда лидера страны в отпуск, содержали указания Сталина о конкретных действиях, информирование его помощниками об их выполнении и состоянии дел в стране, за рубежом и в партии. Заметим, что в сборнике писем Сталина Молотову за 1925–1936 гг., переданных в 1969 г. Молотовым в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, мы не нашли ни одного упоминания об интересующих нас проблемах²². Это, конечно, не означает, что такие вопросы вовсе не обсуждались в ближайшем круге вождя, т.к. выборка из 77 писем была подготовлена самим фондообразователем, т.е. В. М. Молотовым, отобравшим для потомков наиболее нейтральные письма, а кроме того, мы имели дело лишь с сохранившимися документами.

Больше же информации мы почерпнули из переписки В. И. Сталина и Л. М. Кагановича²³. До 1935 г. она носила развернутый характер, а с появлением в 1935 г. выделенной телефонной линии между югом и Москвой приобрела деловой, официальный характер. Помимо экономических, внешнеполитических проблем, в переписке мы обнаружили экологические сюжеты. Позиция власти хорошо прослеживается также по выступлениям, докладом А. И. Рыкова, председателя ВСНХ, а с 1924 г. – и СНК СССР²⁴.

Анализ **делопроизводственных материалов ВЧКГПУ-ОГПУ-НКВД** мы провели, опираясь на сборники документов, подготовленные международной группой историков под руководством известного специалиста по аграрной истории России В. П. Данилова²⁵.

²⁰ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. М., 1983–1990.

²¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. М., 1999–2006.

²² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов / сост. Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М., 1995.

²³ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001.

²⁴ Рыков А. И. Избранные произведения / отв. ред. Л. И. Абалкин. М., 1990.

²⁵ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 1998–2012; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. М.: РОССПЭН, 1999–2006.

Информационные сводки и земсводки информотдела ВЧКГПУ до середины 1923 г. были основным источником информации о положении в советской деревне. Они были краткими и носили учетный характер. Более информативны и ценны были развернутые аналитические записки, готовившиеся с 1923 г. по материалам, присылаемым с мест. Нами были выявлены документы за 1918–1937 гг., в которых упоминались случаи малоземелья, ухудшения скотоводства, неудобств в землепользовании (чересполосица, длинноземелье, плохое качество почв и пр.), нехватки тех или иных природных ресурсов (земли, леса, сенокосов и пр.), массового голода и переселений, природных бедствий (град, засуха, суховеи). Сообщения за 1932–1933 гг., в большей степени касавшиеся коллективизации, мы опустили, т.к. тема голода в них не коррелировала с природными явлениями.

Одним из видов источников по теме нашего исследования стали **мирские приговоры** – скрепленные личными подписями письменные решения крестьянских сходов, ставших с конца XIX в. массовой крестьянской документацией. Крестьяне посредством мирских приговоров заявляли власти свое видение событий, указывали на проблемы и желаемые пути их решения. Наиболее полное исследование сельских мирских приговоров в Центральной России (664 приговора из 16 губерний) периода Первой русской революции осуществила Л. Т. Сенчакова²⁶. Как она отмечает, крестьянские приговоры часто направлялись в газеты и там же печатались. Многие из них дошли до адресатов, о чем свидетельствует их хранение в архивных фондах Совета Министров и Государственной Думы. Такая форма коллективного социального общения крестьянства с властью была популярна в начале XX в. В приговорном движении участвовали широкие слои сельского населения. Однако наиболее социально активными были крестьяне Центрально-промышленного района, чем их сотоварищи из Центрально-земледельческих губерний²⁷. Среди опубликованных ею выдержек из мирских приговоров и наказов мы выявили социоприродные проблемы того времени, на которые обращали внимание и жаловались крестьяне.

К группе источников, отразивших прямое крестьянское восприятие и отношение к происходившим событиям, относятся **письма селян в земские управления**. Интересные выдержки из писем крестьян Московской губернии в земское управление привел М. Н. Сурин²⁸. Большею частью они касались вопросов земельного обеспечения в поздний пореформенный период.

Следующей группой источников стали **периодические издания**. Например, официальное печатное издание Временного правительства – ежедневная газета «Вестник Временного правительства», вышедшая вместо «Правительственного вестника» с 5 марта по 24 октября 1917 г. В газете публиковались обращения правительства, законы и законопроекты, распоряжения, дипломатические ноты, отчеты о заседаниях правительства, Временного комитета Государственной Думы, Государственного совещания, Временного совета Российской республики (Предпарламента) и др., освещалось положение в стране, события на фронтах Первой мировой войны и за границей.

Нами также изучены выпуски журнала «Известий Главного земельного комитета», в которых отражалась деятельность Временного правительства, ГЗК, местных земельных комитетов, публиковались указы и постановления крестьянских собраний, съездов и организаций. Во многом эти материалы восполнили информационные пробелы о деятельности Министерства земледелия.

²⁶ Сенчакова Л. Т. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1989.

²⁷ Сенчакова Л. Т. Крестьянские указы 1905–1907 годов // Судьбы российского крестьянства / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1995. С. 60, 62.

²⁸ Суриш М. Н. Что говорят крестьяне о нуждах деревни. М., 1906.

Для изучения особенностей понимания ученой общественностью социориальных аспектов развития советской довоенной деревни мы проанализировали специализированные **периодические издания 1920–1930-х гг.** В частности, журнал «Сельское и лесное хозяйство» – ежемесячный журнал сельскохозяйственной экономики, статистики и техники, издаваемый НКЗ в 1921–1924 гг. Его преемником стало издание 1925–1929 гг. «Пути сельского хозяйства» – это научный орган НКЗ и Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. В 1930–1938 гг. издание было переименовано и стало называться «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства». Журнал «Социалистическое сельское хозяйство» – это печатный орган Института социалистической реконструкции сельского хозяйства, издававшийся в 1931–1934 гг.

Некоторые размышления о путях развития сельского хозяйства в период НЭПа в виде печатных версий докладов ученых, представленных ими на заседаниях Сельскохозяйственной секции Госплана СССР, нашли отражение на страницах журнала «Труды Земплана», периодического издания Плановой комиссии при НКЗ, издаваемого в 1924–1930 гг. Данные материалы весьма информативны, т.к. содержали взгляды ученых о способах восстановления сельского хозяйства и решения его социо-природных проблем. Многие их рекомендации и предложения были положены в основу первого пятилетнего плана развития аграрного сектора советской экономики.

«Плановое хозяйство» – это был ежемесячный политико-экономический журнал Госплана СССР, издаваемый в 1920-е гг. «На аграрном фронте» – ежемесячный журнал, выпускаемый Аграрным институтом Коммунистической академии в период с 1925 по 1935 г. «Хозяйство ЦЧО» – в 1928–1930 гг. ежемесячный политико-экономический журнал, печатный орган Облплана Воронежской области. «Научное слово» – ежемесячный журнал, посвященный актуальным вопросам науки, который издавался в 1928–1931 гг. Государственным издательством. В 1931 г. он влился в журнал «Социалистическая реконструкция и наука».

Примечательно то, что авторами многих статей выступали в основном дореволюционные специалисты – агрономы, статистики, экономисты и др. Материалы их публикаций отразили внутреннюю сторону дискуссий, различные мнения о развитии сельского хозяйства, допускавшиеся до начала 1930-х гг. Часть авторов статей была репрессирована в 1930-е гг. В связи с этим большую ценность имеет изучение нереализованных альтернативных предложений, продуцированных учеными в 1920-е гг.

Были также изучены материалы Центрального бюро краеведения, руководящего органа краеведческого движения: журналы «Известия Центрального бюро краеведения» (1925–1929 гг.), «Краеведение» (1923–1929 гг.), «Советское краеведение» (1930–1936 гг.). В них дискутировались организационно-методические вопросы краеведческого движения, деятельность его местных организаций, содержалась официальная документация о движении. В материалах деятельности этой общественной организации мы выявили информацию о социоприродных проблемах аграрной сферы в 1920–1930-е гг.: проблемы истощения природных ресурсов под влиянием сельскохозяйственной деятельности позднего аграрного общества. Обнаруженные сведения отразили место экологических проблем села в работе краеведов-практиков, особенности их восприятия и дополнили картину общественно-государственной рефлексии социоприродных аспектов развития довоенной деревни.

Большой блок источников составили научные книги изучаемого периода. Среди них мы отметим материалы созданной Российской императорской академией наук в 1915 г. по инициативе академика В. И. Вернадского Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) для проведения фундаментальных и прикладных исследований в области естественных и технических наук. Издаваемые КЕПС ежегодные «Отчеты», «Труды» своих отделов, «Материалы для изучения естественных производительных сил Рос-

сии», научно-популярное издание «Богатства России» и прочее послужили для нас достаточно информативным источником.

Значительную часть источников, отразивших мнение ученых-современников, составили **научные работы**, написанные в 1890–1930-е гг. Среди их авторов – агрономы и почвоведы К. Д. Глинка, А. А. Зубрилин, Э. Э. Керн, Б. Б. Польшов, Л. И. Прасолов, Н. М. Тулайков, В. Р. Вильямс, Д. Н. Прянишников, В. П. Мосолов, А. С. Козменко; ботаник Р. Э. Регель; геоботаники Г. И. Дохман, Л. Г. Раменский; географ В. П. Вошинин; биолог, зоолог, географ Л. С. Берг; лесоводы М. М. Орлов, М. Е. Ткаченко, Н. П. Кобранов; гидролог И. А. Легун; экономисты и статистики С. С. Маслов, Н. П. Макаров, И. А. Кириллов, Н. А. Каблуков, А. Н. Челинцев, А. В. Чайанов, Л. Н. Литошенко, А. И. Хрящева, Л. И. Лубны-Герцук, А. С. Либкинд и другие.

Известно, насколько важны и ценны для историка документы личного характера – письма, дневники, мемуары. Они позволяют заметить то, что в иных документах не могло отразиться. В некоторых случаях, например, при изучении социальной истории, мнения современников, субъективизм является желанным для историка искомым элементом прошлого. Именно он передает колорит эпохи, нюансы изучаемых явлений, отражает многоцветность изучаемых исторических явлений и процессов, поэтому в качестве источников мы привлекли **документы личного происхождения**. Присущая данному виду исторических источников субъективность и индивидуальность восприятия их составителей для нас является ценной особенностью, позволяющей выявить личностное восприятие изучаемых явлений современниками. Зачастую в мемуарах и письмах отражаются уникальные сведения, сообщаются новые детали известных событий и явлений. Особую ценность документы личного происхождения приобретают в исследованиях ментальности, общественного мнения по тем или иным проблемам прошлого.

Мы исследовали письма, воспоминания представителей интеллигенции: ряда деятелей сельского хозяйства, агрономов, писателей «по совместительству», хорошо знавших жизнь села (А. П. Платонов, М. М. Пришвин, М. А. Шолохов, а также агрономы П. Я. Гуров, А. Сергеев, Анвельд, организатор сельскохозяйственной коммуны в Подмосковье Л. Шварц, ученый-лесовод И. Р. Морозов). Подобная исследовательская выборка позволила уловить и нотки профессионального взгляда интеллигентов на экопроблемы довоенной деревни.

При том, что российские крестьяне, даже будучи грамотными, не стремились выразить себя на бумаге («если это не крик души в адрес власти»)²⁹, были далеко не молчаливыми и отстраненными наблюдателями происходивших событий. История сохранила нам разные источники, зафиксировавшие отношение крестьян к политическим, социально-экономическим и экологическим изменениям первой трети XX в. Для изучения крестьянской экоментальности особо информативным источником для нас стал сборник документов из серии «Социальная история России XX века», подготовленный коллективом историков и архивных работников под редакцией А. К. Соколова³⁰. В книге социальные катаклизмы первой трети XX в. представлены глазами их рядовых участников. Основу издания составили источники личного происхождения: письма в редакции газет, в особенности популярную и массовую в 1920-е гг. «Крестьянскую газету» (ее тираж к концу десятилетия достигал 1,5 млн экземпляров), в партийные и государственные учреждения, отклики на различные мероприятия советской власти. Помимо статей рабочих и сельских корреспондентов на местах – рабселькоров, – в сборнике представлены письма рядовых крестьян в редакцию газеты. Ценность их публикации для нас состоит в том, что в издании по преимуществу представлены письма, не опубликованные и не подвергнутые редакторской обработке. Все они пример особого жанра – народной

²⁹ Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. С. 32.

³⁰ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. М., 1997.

публицистики, – отражающей общественную рефлексию по поводу происшедших событий 1920-х гг. Некоторые из писем передавались в зависимости от их содержания в профильные государственные учреждения. Текстовый материал писем включен в исторический контекст посредством комментариев от составителей сборника. Заметим, что явившийся продолжением сборник «Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах»³¹ содержит наряду с документами личного происхождения материалы партийных и политических органов РСФСР, раскрывающие различные аспекты коллективизации и др. В нем мы не обнаружили изучаемые эксюжеты.

Это издание дополняет подготовленный позже С. С. Крюковой сборник писем крестьян в редакцию «Крестьянской газеты», где также помещены ценнейшие материалы из фондов РГАЭ и РГАСПИ: письма, жалобы, воззвания, приговоры сельских сходов, вопросы и пр.³² Объем корреспонденции в газету был очень велик, в издании представлены самые яркие документы, отразившие различные стороны жизни советской деревни 1920-х гг. Помимо этого, мы использовали материалы из сборника писем смоленских крестьян в редакцию той же газеты, что позволило изучить некоторые региональные особенности восприятия исследуемых проблем³³. Часть писем крестьян в «Крестьянскую газету», раскрывающих отношение крестьянства к социоприродным явлениям 1930-х гг., мы нашли в сборнике документов, подготовленном под редакцией В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого, посвященном жизни деревни накануне и в ходе сплошной коллективизации³⁴.

Интересным источником являются **материалы устной истории**: записанные с крестьянских слов рассказы-воспоминания о событиях 1910–1940-х гг. Предпринятое историком В. А. Бердинских и его студентами интервьюирование пожилых людей Кировской области в 1980–1990-е гг. создало богатейший материал по истории повседневной жизни традиционного села России³⁵. Уровень доверительности записанных рассказов старожилов очень высокий, т.к. опросы проводились их внуками. Встречались среди опрошенных уроженцы и других областей Центральной России.

Многочисленные материалы устной истории российского села XX в. представлены в специальном издании, подготовленном по результатам социологического опроса крестьян, проведенного в 1990-е гг. Социологи опубликовали выборку «семейных историй», рассказанных пятью женщинами и тремя мужчинами из разных регионов страны, чья молодость пришлась на 1930–1940-е гг.³⁶

Еще одним источником послужила **художественная литература**. Бесспорно то, что история и литература выполняют воспитательную, гуманизирующую функцию, но при этом опираются на разные методы познания: история стремится к точности, в то время как литературе как виду искусства свойственны образность выражения и право на вымысел³⁷. Строго говоря, художественная литература – не исторический источник, однако она, наряду с иными видами нарративных источников, может помочь в изучении явлений и процессов прошлого – например, при исследовании истории культуры, быта и нравов, общественной и общественно-политической мысли. Ценность литературного отражения состоит в самобытности и

³¹ Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / отв. ред. А. К. Соколов. М., 1998.

³² Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / сост. С. С. Крюкова. М., 2001.

³³ Письма смоленских крестьян в редакцию «Крестьянской газеты»: матлы по социальной истории провинции середины 1920-х гг. / сост. М. В. Каиль, О. В. Кобец; под ред. Е. В. Кодина. Смоленск, 2011.

³⁴ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе сплошной коллективизации, 1927–1932 гг. / под ред. В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого. М., 1989.

³⁵ Бердинских В. А. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011.

³⁶ Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / сост. и обраб. Е. М. Ковалев. М., 1996.

³⁷ Биск И. Я. Методология истории: курс лекций. Иваново, 2007. С. 116–117.

субъективно-психологическом осмыслении проблем минувшего, что позволяет историку уловить нюансы прошлого и проникнуть в суть происходившего.

Литературные произведения оказались весьма информативны в сфере изучения особенностей общественного восприятия социоприродных явлений позднего аграрного общества России. Литературные тексты довоенной поры передали историю деревни в самые непростые годы Гражданской войны, военного коммунизма, НЭПа, коллективизации. Есть в них и социоестественные зарисовки, описывающие негативные последствия хозяйственного использования природных ресурсов, антропогенной нагрузки на них, внедрения основ рационального хозяйствования. Для изучения мы отобрали лишь часть художественных произведений, созданных в изучаемый период или написанных несколько позже. Важным при источниковедческом анализе явилось то, что большинство авторов исследованных литературных произведений были уроженцами села Европейской России, очевидцами происходивших в нем событий, что придает их творческим работам исторический колорит. Особую ценность для нас имели повести и романы автобиографического происхождения, обладающие высоким уровнем достоверности в отражении прошлого. Правдивому изображению тягот сельской жизни первых десятилетий советской власти способствовало то, что некоторые писатели знали ее экологические проблемы изнутри: Г. Н. Троепольский по образованию был агрономом, а А. П. Платонов, будучи инженером-гидротехником, в 1920-е гг. руководил общественными мелиоративными работами в Воронежской и Тамбовской губерниях.

Мы изучили 20 художественных произведений двенадцати советских писателей: Ф. И. Панферова, Н. И. Кочина, П. И. Замойского, К. Я. Горбунова, Г. Н. Троепольского, Е. Я. Дороша, В. А. Каверина, В. В. Овечкина, М. А. Шолохова, Н. Е. Вирты, Л. М. Леонова и А. П. Платонова.

Колоритным и ярким гимном новой жизни в деревне стала тетралогия уроженца Саратовщины Ф. И. Панферова «Бруски». В романе, созданном в 1926–1936 гг., предстает жизнь одного из волжских сел на протяжении периода от «военного коммунизма» и до 1937 г. На примере села Широкий Буерак прослежен трудный путь коренной ломки русского села, перехода его от традиционного типа производства к механизированному, индустриальному. В этом романе с удивительной точностью, меткостью подмечены и художественно переданы типичные заботы, тяготы, горести и радости крестьян. На страницах тетралогии его герои переживают и проблемы нового землеустройства, и трудности организации сельскохозяйственной артели, позже колхоза «Бруски», и засуху, и голод 1920-х гг., и мелиорации земель и повышения урожайности, и коллективизацию.

Схожий с сюжетом романа Ф. И. Панферова «Бруски» был роман «Лапти» П. И. Замойского, уроженца Пензенской губернии. На страницах произведения, написанного в период с 1922 по 1936 г., предстает картина жизни одного из сел черноземной губернии Центра России в конце 1920 – начале 1930-х гг. Жители с. Леонидовки проживают в романе непростые годы восстановления сельского хозяйства и перехода к коллективизации. В этом селе автор отразил типичные для того исторического времени и той территории социоприродные явления: частые переделы земель, чрезмерная распаханность угодий, замусоренность их сорняками и пр.

В произведениях писателя Н. И. Кочина, уроженца Нижегородской губернии, очевидца коренных изменений в деревне 1920–1930-х гг., предстает картина трагических событий тех лет. В романе «Девки», написанном в 1928–1932 гг., сразу же по следам своих воспоминаний и впечатлений юности, предстает жизнь деревни Немытая Поляна Нижегородской губернии в период НЭПа. В автобиографическом романе 1938 г. «Юность» Н. И. Кочин от имени крестьянина села Тихие Овраги Нижегородской губернии Семена Пахарева повествовал о событиях предреволюционной, послереволюционной и нэповской деревни. Н. Е. Вирта в автобиографической повести «Как это было и как это есть» (1973 г.) вспоминал свою молодость, проведенную в довоенные годы в Тамбовской губернии, оставив описание ландшафта лесостепи.

Специально сельскохозяйственному и природному бедствию – засухе – был посвящен рассказ В. А. Каверина «Суховей» (1930 г.). Речь в нем шла о продолжавшемся в 1930 г. в течение пяти суток засухе где-то в степном регионе страны. Главный герой рассказа механизатор по прозвищу Бой-Страх переживал за погубленный урожай³⁸. Обмеление р. Волги отразилось в романе К. Я. Горбунова «Ледолом» (1929–1953 гг.).

Уроженец юга России писатель и журналист В. В. Овечкин в рассказе «Прасковья Максимовна» (1939 г.) представил образ заведующей опытной станцией одного из колхозов Краснодарского края Прасковьи Максимовны Бондаренко, которая энергично боролась за повышение урожайности колхозных полей, опираясь на достижения науки, методы мелиорации. Не у всех односельчан ее порыв вызывал понимание, а у руководства колхоза – поддержку³⁹.

Знаменитый роман М. А. Шолохова «Поднятая целина», посвященный начальному этапу коллективизации на Дону в 1930 г., также изобилует зарисовками изучаемых нами социо-естественных проблем. Писатель Е. Я. Дорош в очерке «Дождь пополам с солнцем» (1959 г.) через воспоминания сельского агронома Н. С. Зябликова отразил историю о том, как в Ярославской губернии во второй половине 1920-х гг. активно занимались развитием животноводства.

В произведениях советского писателя Г. Н. Троепольского, больше известного широкому читателю как автор повести «Белый Бим Черное Ухо», рельефно запечатлена центрально-черноземная деревня Европейской России. Правдивому изображению тягот сельской жизни первых десятилетий советской власти способствовало то, что Троепольский был уроженцем с. Новоспасское Борисоглебского уезда Тамбовской губернии (ныне Воронежской области), детство провел в деревне, в 1924 г. окончил сельскохозяйственное училище им. К. А. Тимирязева в с. Алешки Воронежской губернии, работал сельским учителем, затем агрономом. Он хорошо знал жизнь села изнутри.

Перипетии ломки старых общественных отношений и построения новых были в центре его внимания в романе «Чернозем», написанном им в конце 1950-х – начале 1960-х гг. и впервые опубликованном в 1961 г. В романе воссоздана жизнь центрально-черноземного села Паховки в период с 1921 по 1930 г. Наряду с главными героями произведения – семейством Земляковых, сиротой Иваном Крючковым, бывшим красноармейцем Андреем Вихровым, бывшим членом антоновской банды Игнатом Дыбиным, кулаком Семеном Сычевым и др. – героем романа являлся русский чернозем. Именно на его степных просторах разворачивались человеческие драмы.

Писатель Л. М. Леонов в первом своем романе «Барсуки» (1924 г.) воссоздал жизнь одной из северных губерний страны в годы Гражданской войны и «военного коммунизма». Впервые экологическая проблематика в Советской России громко была поставлена в романе Л. М. Леонова «Русский лес» (1953 г.).

Особое звучание экологические проблемы советской деревни нашли в произведениях А. П. Платонова: в повестях «Епифанские шлюзы» (1926 г.), «Эфирный тракт» (1926–1927 гг.), написанных, когда автор работал инженером-мелиоратором в Тамбовском губернском земуправлении, «Впрок. Бедняцкая хроника» (1929–1930 гг.), «Хлеб и чтение» (1932 г.).

Выявленные группы источников создали для нас вполне репрезентативную источниковую базу исследования. Конечно, она не является исчерпывающей и может быть количественно расширена, однако выбранные нами для анализа виды источников создают всестороннее представление об изучаемом вопросе, позволяют определить основные тренды в государственно-общественном восприятии социоприродных проблем российской деревни первой трети XX в. Большой исследовательский потенциал скрыт в источниках, содержащих нереализованные предложения и инициативы современников. К их числу, например, отно-

³⁸ Каверин А. В. Суховей // Под чистыми звездами. Советский рассказ 30-х годов. М., 1983. С. 45–50.

³⁹ Овечкин В. В. Очерки о колхозной жизни. М., 1953. С. 214–228.

сятся научные труды ученых 1920-х гг., которые отразили различные мнения о развитии сельского хозяйства страны.

1.2. Историографический очерк

Изучаемые нами исторический опыт и модель взаимодействия Российского государства и позднего аграрного общества в процессе осмысления и решения острых социоприродных проблем аграрной сферы не становились предметом специального изучения ни в российской, ни в зарубежной экоистории. Однако вокруг нашего поля исследования сложилась весьма обширная и разнообразная научная литература, для удобства характеристики которой, а также с целью структурирования нашего обзора мы выделили в ней четыре блока: мировую экоисторию; генезис экоистории в России; зарубежную экоисторию России; смежные научные исследования, примыкающие к проблемам экоистории России.

Мировая экоистория. Несмотря на то что мировая экологическая история конституировалась в 1960–1970-е гг. сначала в США и Западной Европе, затем в 1980-е гг. – в Австралии, Новой Зеландии, Индии, Южной Африке, еще позже – в Китае, Японии, на Ближнем Востоке, ее идейные истоки лежат в древности – в античных философских и исторических трактатах о роли природного фактора в развитии цивилизации. Географический детерминизм Нового и Новейшего времени развил эти идеи и транслировал далее. Возникнув далеко не на пустом месте, экоистория вобрала в себя оригинальные научные парадигмы разных эпох и народов. И все для того, чтобы осмыслить роль человека и природы в эволюции, изучить исторические корни экологических проблем, разработать способы их предсказания и предупреждения. Столкнувшись с экокризисом в середине XX века, западная научная мысль, аккумулировав многие теории, предложила искать ответы на проблемы в прошлом. Так появилась экоистория как результат повышения общественного экосознания и экокультуры.

Впоследствии новое научное направление значительно разветвилось, установив тесные и разнообразные междисциплинарные связи с гуманитарными и естественными науками. Последние, по образному выражению Питера Берка (Peter Burke), питают экоисторию подобно тому, как притоки наполняют реки. При этом первыми ее «притоками» стали география и экономическая история⁴⁰. Важную роль в становлении экоистории посредством повышения внимания государства и общественности к экологическим процессам и проблемам окружающей среды сыграли международные естественно-научные издания, такие как журналы «Nature» и «Science». На страницах этих авторитетных изданий анонсировались результаты актуальных исследований, обзоры и рецензии новейших публикаций, дискутировались различные вопросы и др.⁴¹

Количество адептов этого научного направления в мире довольно велико и постоянно расширяется. За полвека активного научного поиска в каждой стране накопился огромный пласт исследований, поэтому в рамках данной книги мы не претендуем на составление обширного и тем более исчерпывающего историографического обзора об экологической истории – это задача отдельного, самостоятельного изучения. При этом стоит упомянуть классические работы зарубежных ученых (в хронологическом порядке их появления), заложившие научно-теоретический и методологический фундамент для последующих исследований: Сэмюэла Хэйса (Samuel Hays) о природозащитном движении в США в 1890–1920-е гг.⁴²; Рейчел Кар-

⁴⁰ Nature's End. History and the Environment / eds. S. Sörlin & P. Warde. London, 2009. P. 350 (Afterword).

⁴¹ См., напр.: *McTaggart-Cowan I. Conservation and Man's Environment // Nature. 1965, December 18. No. 5016. P. 1145–1151; Jones C. J. Environmental History. The Architecture of the Well-Tempered Environment. By R. Benham. London: Architectural Press, 1969. 295 p. // Nature. 1969, July 19. Vol. 223. P. 325–326; Clapham A. R. Balanced Environment. The Environmental Revolution: A Guide for New Masters of the World. By M. Nicholson. London: Hodder and Stoughton, 1970. 366 p. // Nature. 1970, January 24. Vol. 225. P. 389–390; Environmental Postgraduates // Nature. 1970, February 14. Vol. 225. P. 580; Knystautas A. Steppes for Conservation. Environmental Policy in the USSR. By C. E. Ziegler. London: University of Massachusetts Press, 1987. 195 p. // Nature. 1987, December 10. Vol. 330. P. 527.*

⁴² *Hays S. P. Conservation and the Gospel of Efficiency: The Progressive Conservation Movement, 1890–1920. Cambridge, 1959.*

сон (Rachel Carson) о последствиях загрязнения окружающей среды пестицидами⁴³; Родерика Нэша (Roderick Nash) об экосознании и экологической этике в США, отношении американцев к дикой природе⁴⁴; Альфреда Кросби (Alfred Crosby) о культурно-биологических последствиях открытия Америки, названного им «Колумбовым обменом», под которым понималось перемещение большого количества растений и животных, технологий и культурных достижений, а также групп населения из Старого Света в Новый и наоборот, распространение новых болезней и пр.⁴⁵; Дональда Хьюза (Donald J. Hughes) об экологии в древних цивилизациях⁴⁶; Ричарда Уайта (Richard White) о произошедших под влиянием хозяйственной деятельности коренных жителей Америки и прибывших переселенцев социоприродных трансформациях в одном из округов штата Вашингтон (США)⁴⁷; Дональда Уорстера (Donald Worster) об антропогенном происхождении пыльных бурь на Южных равнинах в 1930-е гг. и о взглядах на использование природных ресурсов в экономике⁴⁸; Каролин Мерчант (Carolyn Merchant) о восприятии природы в период НТР и женской эмансипации⁴⁹; Стивена Пайна (Stephen J. Pyne) о росте лесных пожаров в дикой природе под влиянием сельскохозяйственной деятельности американцев⁵⁰; Уильяма Кронона (William Cronon) об изменении природной среды обитания в Новой Англии (США) в результате жизнедеятельности коренных американцев и европейских переселенцев⁵¹; Джона МакНейла (John R. McNeill) о беспрецедентных масштабах изменения человеком природы в XX в.⁵²; исследование Иоахима Радкау (Joachim Radkau), посвященное глобальной экоистории⁵³. Бесспорно, экоистория за полвека своего существования «заняла равноправное место в структуре исторической науки»⁵⁴.

Авторитетными центрами по изучению глобальной экологической истории являются центр «Окружающей среды и общества» имени Рэйчел Карсон (г. Мюнхен, Германия); Сент-Эндрюсский и Стерлингский университеты (Шотландия); Центр изучения мировой экологической истории в Университете Сассекса в Великобритании (директор – Винита Дамодаран (Vinita Damodaran)); Ланкастерский экологический центр Ланкастерского университета в Великобритании и др. Появляются новые центры – например, Эстонский центр экоистории (КАЖАК) в Таллинском университете (руководитель – Ульрика Плат (Ulrike Plath)), Экологический гуманитарный форум и Междисциплинарный центр изучения окружающей среды и авторитарных режимов Университета Хельсинки, объединяющие 27 ученых из Европы, Северной Америки и Латинской Америки и др.

Наиболее крупными объединениями экологических историков являются Американское общество экологической истории (American Society for Environmental History), Европейское общество экологической истории (European Society for Environmental History), Ассоциация восточноазиатской экологической истории (Association of East Asian Environmental History),

⁴³ Carson R. *Silent Spring*. Boston, 1962.

⁴⁴ Nash R. *Wilderness and the American Mind*. New Haven, 1967; Nash R. *The Rights of Nature. A History of Environmental Ethics*. Madison, 1988.

⁴⁵ Crosby A. *The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492*. Westport, 1972.

⁴⁶ Hughes D. J. *Ecology in Ancient Civilizations*. Albuquerque, 1975.

⁴⁷ White R. *Land Use, Environment, and Social Change: The Shaping of Island County Washington*. Seattle, 1979.

⁴⁸ Worster D. *Nature's Economy: A History of Ecological Ideas*. Cambridge, 1977 / Worster D. *Dust Bowl: The Southern Plains in the 1930s*. New York, 1979.

⁴⁹ Merchant C. *Death of Nature: Women, Ecology, and the Scientific Revolution*. New York, 1980.

⁵⁰ Pyne S. J. *Fire in America: A Cultural History of Wildland and Rural Fire*. Princeton, 1982.

⁵¹ Cronon W. *Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England*. New York, 1983.

⁵² McNeill J. R. *Something new under the Sun. An environmental history of the 20th century world*. New York, 2000.

⁵³ Radkau J. *Nature and Power: A Global History of the Environment* / trans. Dunlap, Thomas. New York, 2008 (книга впервые вышла в Германии, в 2000 г.)

⁵⁴ Дурновоц В. И. «Environmental History» как «экологическая история» (историографические заметки) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6. С. 11, 13.

Международный консорциум историко-экологических организаций (International Consortium of Environmental History Organizations). Все они нацелены на развитие международного сотрудничества в области экологической истории.

В современной глобальной экоистории обозначились, по меньшей мере, три крупные научные направления: 1) проблемное (экоистория отдельных экосистем, природных ресурсов, промышленная, урбанистическая экоистория и т.д.), 2) территориальное (экоистория отдельных стран и континентов), зачастую состоящее из пересекающихся ответвлений, которые образуют проблемно-территориальный дискурс, 3) транснациональное с элементами сравнительного анализа. Иллюстрацией этого тезиса могут служить, например, сравнительно недавно изданные в Оксфорде сборники статей по проблемам экоистории, в которых отражены результаты исследований всех упомянутых направлений⁵⁵.

За последние десятилетия появились историко-экологические исследования на стыке устной истории, этноистории, политической истории, экологической экономики, политической экологии, истории науки, экологической археологии и др.⁵⁶ Активно осмысливается проблема изменения климата в рамках такого междисциплинарного направления, как экологическая гуманитаристика (Environmental Humanities)⁵⁷. Очевидно одно: интерес к этому направлению растет, четче становятся запросы государства и общества на осуществление подобного рода научных практик. Так, экодвижение давно приобрело социально-политическую форму – экологические партии «зеленых», которые являются полноправными участниками политической дискуссии, членами парламентов и правительств. В России в 2017 г. – в Год экологии – успешно состоялся ряд международных и всероссийских научных конференций по экологической истории, в результате которых круг ученых, идентифицирующих себя с экоисториками, расширился⁵⁸.

Генезис экоистории в России. Экоистория в России имеет давние традиции и научные корни в виде концепций С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, С. М. Середонина, Л. Н. Гумилева, Г. В. Вернадского, Л. В. Милова и многих других. В советское время проблематика взаимодействия природы и человека разрабатывалась представителями исторической географии⁵⁹. В течение последней четверти века отечественная наука влилась в международное научное направление под названием «экологическая история» и достойно представлена там видными учеными и фундаментальными исследованиями. Отмечается стабильный интерес зарубежных коллег к экоистории России и о России. Одним из актуальных трендов в указанном направлении является изучение проявления не конкретных негативных экологических проблем (что было характерно для предшествующего периода), а их рефлексии государством, обществом, влияние на ментальность.

⁵⁵ A Companion to Global Environmental History / eds. J. R. McNeill and E. S. Maudlin. Oxford, 2012; The Oxford Handbook of Environmental History / eds. A. Isenberg. Oxford, 2013.

⁵⁶ Telling Environmental Histories. Intersections of Memory, Narrative and Environment / eds. K. Holmes & H. Goodall. London, 2017; Endres D. Environmental Oral History. Environmental Communication: A Journal of Nature and Culture. 2011. Vol. 5. No. 4. P. 485–498; Paavola J., Evan D. G. Fraser Ecological Economics and Environmental History // Ecological Economics. 2011. Vol. 70. Is. 7. 1266–1268; Wolloch N. Nature in the History of Economic Thought: How Natural Resources became an Economic Concept. Abingdon, 2016; Thinking through the Environment: Green Approaches to Global History / ed. T. Myllyntaus. Cambridge, 2011; Anker P. Environmental History versus History of Science // Reviews in Anthropology. 2002. Vol. 31. No. 4. P. 301–322; Cohen B. R. New Natures: Joining Environmental History with Science and Technology Studies // Environmental History. 2014. Vol. 19. Is. 3. P. 575–576; Deagan K. A. Environmental Archaeology and Historical Archaeology. In: Case Studies in Environmental Archaeology. Interdisciplinary Contributions to Archaeology / eds. E. J. Reitz, S. J. Scudder, C. M. Scarry. New York, 2008. P. 21–42.

⁵⁷ Climate Change and Humanities. Historical, Philosophical and Interdisciplinary Approaches to the Contemporary Environmental Crisis / eds. A. Elliott, J. Cullis, V. Damodaran. London, 2017.

⁵⁸ Виноградов А. В., Гололобов Е. И. Экологическая история в России и о России в 2017 году // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6. С. 104–107.

⁵⁹ Аверьянов К. А. Историческая география: между историей и географией // Человек и природа: История взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и исследовательские практики: мат-лы XXX Междунар. науч. конф. Москва, 25–26 апреля 2017 г. / отв. ред. В. И. Дурновцев. М., 2017. С. 11–21.

Время появления экоистории в России наряду с обозначающим это научное направление понятием «экологическая история» относятся к числу дискуссионных. Полагаем, что институционализацию экоистории в России можно отнести к началу 1990-х гг., когда Э. С. Кульпин-Губайдуллин разработал и предложил научной общественности новое научное направление – социоестественную историю (СЕИ), обладающую мощным эвристическим потенциалом⁶⁰. Эта оригинальная теория вобрала в себя блестящие научные концепции социально-психологической теории капитализма М. Вебера, учения о биосфере В. И. Вернадского, теории евразийства, французской школы «Анналов», теории коэволюции биосферы Н. Н. Моисеева и др.⁶¹. Издаваемые с 1992 г. по инициативе Э. С. Кульпина-Губайдуллина сборники статей по итогам проведения ежегодных «крымских» конференций «Природа и человек. Проблемы социоестественной истории», а с 2005 г. – выпуски журнала «История и современность», давно стали значимыми научными событиями для специалистов.

Со второй половины 1990-х гг. и в особенности в течение 2000-х гг. в отечественной науке стало активно распространяться междисциплинарное научное направление «экологическая история» (Environmental History), к которой первыми обратились историки, биологи, географы и др., увидевшие в нем перспективы поиска ответов на современные экологические проблемы. Тогда же появились сборники статей и документов, уже ставшие классическими в сфере экоистории⁶².

Однако в период научной рецепции возникало дежавю – идеи о влиянии природного фактора на историческое развитие ранее уже обосновывались в исследованиях по истории, исторической географии, этноэкологии и др.: в частности, в работах В. О. Ключевского, С. М. Соловьева, П. Н. Милюкова, М. К. Любавского, В. И. Вернадского, Г. В. Вернадского, А. П. Шапова, С. М. Середонина, А. Л. Чижевского, С. М. Широкогорова, Л. Н. Гумилева, Л. В. Милова, В. И. Козлова, Н. Н. Крадина и многих других, которые были современниками-единомышленниками Ф. Ратцеля, Л. Февра, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри и иных авторитетных мыслителей-кумиров иностранных экоисториков. Долгий процесс становления этого направления в России связан с господством в отечественной науке исторического материализма, в целом признававшего роль природного фактора в историческом развитии, но не в качестве существенного. Период забвения в советский период природно-детерминированных взглядов на историю страны, однако, не означал полного игнорирования советскими учеными проблем взаимосвязи природы и общества в различные исторические периоды. Интерес к ним возрос с 1980-х гг., что было связано с обострением экопроблем⁶³.

Известный историк И. Д. Ковальченко полагал, что история людей неотделима от истории природы, а при изучении истории необходимо учитывать весь комплекс экзогенно-эндогенных факторов, включая естественно-природные⁶⁴. Не менее знаменитый историк С. О. Шмидт также писал о необходимости разработки методики изучения традиционных исторических

⁶⁰ *Кульпин Э. С.* Социоестественная история. От метода – к теории, от теории – к практике. Волгоград, 2014.

⁶¹ *Олех Г. Л.* Источники и составные части концепции СЕИ // Человек и природа: мат-лы XXVII Международной междисциплинарной конференции «Проблемы социоестественных исследований» и Международной междисциплинарной молодежной школы «Стратегии экологической безопасности» / под ред. Н. О. Ковалевой, С. К. Костовска, А. С. Некрич, О. А. Салимгареевой. М., 2017. С. 106.

⁶² *Экология и власть. 1917–1990. Документы* / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. И. Пономарева и др.; вступ. ст. акад. Н. Н. Моисеева; консульт. О. Р. Лацис. М., 1999; *Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст.* / под ред. Ю. А. Полякова. М., 2003; *Человек и природа: экологическая история* / под общ. ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемейера, Ю. Лайус. СПб., 2008.

⁶³ *Альтицлер И. А., Мнацаканян Р. А.* К вопросу об экологической истории СССР // Русский космизм и ноосфера: Тезисы докладов Всесоюзной конференции, Москва, 1989 / ред.-сост. О. Д. Куракина. Ч. I. М., 1989. С. 99–101; *Тихонова Н. Е.* Решение экологических проблем в СССР: история и современность. М., 1989; *Лисина Л. Ю.* Экологический компонент исторического процесса: автореф. дис... к. филос. н. Волгоград, 1988 и др.

⁶⁴ *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 303.

источников с целью извлечения из них информации о взаимодействии общества и природы, а также приемов использования данных естественных наук для исторических исследований⁶⁵.

Иными словами, российский поиск в историко-экологической проблематике имел как общемировые, так и свои, национальные корни. Он, так же как и зарубежный, актуализировался в условиях роста экокритика, мировых экоугроз, дисбаланса природы и окружающей среды обитания. Особый колорит эко-истории России придает обширность территории и природно-географическое разнообразие страны. Это породило явление неснижающегося интереса зарубежных ученых к экоистории России, создав почти двухмерный уровень исследований – национальный и зарубежный, последний развивается интенсивнее. На этот «парадокс» указывает и американский историк Энди Бруно (Andy Bruno), который отметил несоответствие, с одной стороны, между громадностью территории России и ее запасами природных ресурсов, высоким статусом в глобальной окружающей среде, а с другой – количеством научных исследований по экоистории России⁶⁶. Видимо, причиной этого является то, что Россия с ее богатейшими ресурсами на бескрайних территориях всегда привлекала внимание иностранцев.

Итак, в сфере экоистории России мы имеем как внутренний, так и внешний пласт научных исследований, породивший концепты «экологическая история в России» и «экологическая история о России». Думается, такая ситуация имеет много шансов обрести «третье измерение» – объединение российских и зарубежных исследований, совместное научное творчество, ведь экоистория России является частью всемирной, а экопроблемы носят глобальный характер. Однако, учитывая международное соперничество за мировые ресурсы, ученым-энвайронменталистам потребуется изрядный запас научной прозорливости и дипломатии для создания эффективной коллаборации.

Современное состояние исследований в сфере экоистории России характеризует теоретический, тематический и методологический плюрализм. Историография экоистории России настолько обширна, что требует систематического изучения и специального обобщения. Отдельные фрагменты историографии экоистории России представлены в различных авторитетных изданиях⁶⁷. За прошедшие десятилетия в России появились отдельные научные центры и региональные группы по изучению экоистории: Лаборатория экологической и технологической истории Центра исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (руководитель – Ю. А. Лайус), основными направлениями исследований которой являются экологическая и технологическая история природных ресурсов (особенно водных, лесных, рыбных и минерально-сырьевых), культурная история рек, история Арктики; Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. Н. И. Вавилова РАН, изучающий историю науки и техники (А. А. Федотова, В. А. Куприянов и др.); Лаборатория социальной истории в Тамбовском государственном университете им. Г. Р. Державина (руководитель – В. В. Канищев); Лаборатория экологических исследований Сургутского государственного педагогического университета

⁶⁵ Шмидт С. О. Проблема взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия / отв. ред. М. П. Ким. М. 1981. С. 275.

⁶⁶ Bruno A. Russian Environmental History: Directions and Potentials // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8. No. 3. P. 636.

⁶⁷ См., например: *Калимуллин А. М.* Историческое исследование региональных экологических проблем. М., 2006; *Человек и природа: экологическая история* / под общ. ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемейера, Ю. Лайус. СПб., 2008; *Дурновцев В. И.* Человек и природа: взаимодействие в истории в глобальном, региональном, локальном измерении // *Человек и природа: История взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и исследовательские практики: материалы XXX Междунар. науч. конф. Москва, 25–26 апреля 2017 г.* / отв. ред. В. И. Дурновцев. М., 2017. С. 57–68; *White R.* Environmental History: The Development of a New Historical Field // *Pacific Historical Review*. 1985. Vol. 54. No. 3. P. 297–335; *McNeill J. R.* Observations on the Nature and Culture of Environmental History // *History and Theory*. 2003. Vol. 42. No. 1. P. 5–43; *Bruno A.* Russian Environmental History: Directions and Potentials // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8. No. 3. P. 635–650.

(заведующий – Е. И. Гололобов). Все они способствуют расширению научных исследований и популяризации экоистории в России.

Благодаря богатейшим отечественным научным традициям фундаментальные междисциплинарные социогуманитарные исследования, в т.ч. в проблематике экоистории проводятся в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургском государственном университете, Российском государственном гуманитарном университете, Институте истории и археологии Уральского отделения РАН, Алтайском государственном университете, Набережночелнинском государственном педагогическом университете, Череповецком государственном университете и др. Значительными результатами многолетних исследований российских ученых стали разнообразные монографии по проблемам экоистории России. Среди них отметим книги, близко примыкающие к проблеме нашего исследования: об экологических аспектах аграрного развития Центральной и Европейской России⁶⁸, экоистории Севера Сибири в первой трети XX в.⁶⁹, экологических аспектов аграрной модернизации Сибири и др.⁷⁰

В частности, в работах тамбовских историков всесторонне изучены социоприродные аспекты развития пореформенного аграрного общества Европейской России в восприятии современников; реализация Сталинского плана преобразования природы в Тамбовской области. В монографии Е. И. Гололобова исследованы проблемы взаимодействия человека и природы на Обь-Иртышском Севере в 1917–1930 гг., выделены исторические этапы этого воздействия, показана роль природы в хозяйственно-экономической деятельности человека, дана характеристика процесса формирования регионального природоохранного законодательства. Важно то, что взаимодействие человека и природы исследователь рассматривает в рамках истории природопользования как компонент экологической истории. На примере севера Западной Сибири Е. И. Гололобов показал, как его промышленное освоение «привело к расширению территории окружающей среды и сокращению пространства природы», что породило появление зон экологического бедствия и техногенных катастроф.

Интересны результаты исследования Г. В. Любимовой, выполненного в русле этноэкологии и содержащего примеры про-и контрэкологического поведения крестьян Сибири в XX веке. По ее мнению, экологическая культура сельского населения региона под влиянием перехода от традиционного аграрного к индустриальному типу общества претерпела качественные изменения. Смена ментальных систем породила формирование новых типов экологического сознания, на основе которых возникало новое экологическое поведение, в котором переплетались экофильные (бережные) и экофобские (расточительные) черты⁷¹. Коллективизация нарушила традиционные связи крестьян с землей, вызвала утрату крестьянской психологии и инициативы, ценностного отношения к природе, что пагубно сказалось на состоянии природной среды⁷². Тесная привязанность крестьян Сибири к земле, особо уважительное и заботливое отношение к ней сохранялись вплоть до начала массовой коллективизации. Экологическая культура сибиряков в условиях политических и социальных пертурбаций, сопровождавшихся неурожаями, голодом и эпидемиями, сводилась к борьбе за выживание⁷³. В народном сознании того времени укрепилось восприятие природных ресурсов как неисчерпаемых и представле-

⁶⁸ Аврех А. Л., Канищев В. В. «Зеленая революция» или напасть? Очерки по истории Сталинского плана преобразования природы в Тамбовской области, Тамбов, 2011; Цинцадзе Н. С. Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX – начале XX века в восприятии современников / отв. ред. В. В. Канищев. Тамбов, 2012.

⁶⁹ Гололобов Е. И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917– 1930 гг.): исторические корни современных экологических проблем / отв. ред. В. П. Зиновьев. 2-е изд., перераб. и доп. Ханты-Мансийск, 2012.

⁷⁰ Любимова Г. В. Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции) / отв. ред. И. В. Октябрьская. Новосибирск, 2012.

⁷¹ Там же. С. 90–91.

⁷² Там же. С. 96, 102.

⁷³ Там же. С. 156.

ние о ведущей, преобразовательной роли человека, подчеркивает Г. В. Любимова. Природные ресурсы были поставлены на службу строительства социализма⁷⁴.

Указанные работы демонстрируют успехи локальных, региональных исследований в сфере экоистории. Очевидно, что для России с ее территориальным и видовым экоразнообразием этот эмпирический этап в развитии экоистории является вполне закономерным, предвещающим этап обобщения и компаративизма.

Наряду с этим большое внимание в современных российских общетеоретических работах уделяется фундаментальным закономерностям влияния природы на развитие социума. Так, исследователями В. В. Бушуевым и В. С. Голубевым разработана теория социогуманизма, в основе которой лежит представление о гармоничном преодолении противоречий современного мира, в т.ч. в структуре «Природа–Общество»⁷⁵. Это возможно путем перехода от диалектики (диадной парадигмы) к триалектике (триадной парадигме), в которой противостояние материализма и идеализма находит разрешение посредством «нового третьего» – социального гуманизма, т.е. гармоничного и устойчивого развития. Выход из современного глобального кризиса авторы этой теории видят в экосоциогуманитарном развитии, в построении социогуманитарного государства, в котором на основе гармоничного синтеза устраняются основные противоречия: природа-человек, тоталитаризм-демократия, богатство-бедность, права-обязанности и т.д.

Итак, российская научная школа экоистории состоялась как часть мирового научного поиска. По оценке специалистов, за последние годы отмечается поступательное расширение масштаба исследований, движение от региональной экоистории к общероссийской. При этом хорошо разработанными все еще остаются региональные историко-экологические исследования по таким направлениям, как история освоения отдельных природных ресурсов, история взаимодействия традиционных обществ и природной среды обитания, история промышленного загрязнения окружающей среды, история общественного природоохранного движения, государственной природоохранной политики, история урбанизации и городской санитарии и пр. Одновременно активно обсуждается необходимость консолидации научных усилий исследователей, работающих в проблемном поле экоистории, создания всероссийской ассоциации экоисториков. Перспективы такой траектории развития ожидаемы и реальны.

Зарубежная экоистория России. В мировой экоистории особым направлением стала экоистория России. Уже во второй половине XX в. появились многочисленные центры по ее изучению: Джорджтаунский университет, США (Джон МакНил (John McNeill)⁷⁶, специалист по мировой экологической истории); Университет штата Миссисипи, США (Стивен Брэйн (Stephen Brain)⁷⁷, специалист по экологической истории СССР); Университет Аризоны, США (Дуглас Винер (Douglas Weiner)⁷⁸, вице-президент Американского общества по экологической истории (ASEH), специалист по социально-политической истории охраны природы в СССР); Колледж Колби в Вотервиле, штат Мэн, США (Пол Джозефсон (Paul R. Josephson)⁷⁹, специалист по технологическим аспектам экоистории СССР); Колумбийский университет Нью-Йорка в США (Кэтрин Евтухова (Catherine Evtuhov), специалист по социально-экономической истории российской провинции, истории культуры и науки)⁸⁰; Университет Западной Виргинии,

⁷⁴ Там же. С. 157.

⁷⁵ См., напр.: Бушуев В. В., Голубев В. С. Эргодинамика. Экоразвитие. Социогуманизм. М., 2014.

⁷⁶ A Companion to Global Environmental History / ed. J. R. McNeill & E. S. Mauldin. Malden, 2012.

⁷⁷ Brain S. Song of the Forest: Russian Forestry and Stalin's Environmentalism. Pittsburgh, 2011.

⁷⁸ Weiner D. Models of Nature: Ecology Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia. Pittsburgh, 2000.

⁷⁹ Josephson P. The Conquest of the Russian Arctic. Cambridge, 2014.

⁸⁰ Evtuhov C. The Roots of Dokuchaev's Scientific Contributions: Cadastral Soil Mapping and AgroEnvironmental Issues. In Footprints in the Soil: People and Ideas in Soil History. Boston, Mass, 2006. P. 125–148; Evtuhov C. Portrait of a Russian province: economy, society, and civilization in nineteenth-century Nizhnii Novgorod. Pittsburgh, 2011.

США (Марк Таугер (Mark Tauger)⁸¹, специалист по экономической, аграрной и экологической истории СССР); Йоркский университет, Великобритания (Дэвид Мун (David Moon)⁸², специалист по экологической истории России-СССР); Бирмингемский университет (Дэнис Шоу (Denis Shaw)⁸³, Джонатан Олдфилд (Jonathan Oldfield)⁸⁴, которые являются специалистами по исторической географии России-СССР, истории экологической мысли в России); Исследовательский центр изучения России, Кавказа и Центральной Европы во Франции (Марк Эли (Mark Elie), изучающий природные и промышленные катастрофы в СССР, и Лоран Кумель (Laurent Coumel)⁸⁵, специалист по экологической истории водного хозяйства послевоенного СССР); Киевский эколого-культурный центр в Украине (В. Е. Борейко⁸⁶, специалист в области истории заповедников) и др. Как явствует из приведенного перечня, лидирующие позиции в изучении экоистории России занимают США и Великобритания.

Интерес зарубежных коллег к состоянию экологии и защите окружающей среды в Советском Союзе возник главным образом на волне активного общественного обсуждения в нашей стране проблем озера Байкал и последствий техногенной катастрофы в Чернобыле. Так, книга Чарльза Зиглера (Charles E. Ziegler) была посвящена экологической политике в СССР периода перестройки. В ней он отмечал, расширение в 1980-е гг. общественного обсуждения экопроблем и рост государственного внимания к ним. По мнению Ч. Зиглера, экополитика советской власти осложнялась громадной территорией страны, обилием разнообразных ресурсов и ведомственной неразберихой между несколькими государственными собственниками при хозяйственном использовании одних и тех же природных ресурсов⁸⁷.

Разнообразие научных школ определило тематический плюрализм исследований. При этом доминирующее внимание зарубежных исследователей хронологически сосредоточено на периоде СССР и все больше «новой» России, а проблемно – на экологических аспектах индустриализации, промышленного развития, урбанизации, экологических катастроф, истории природоохраны и пр.⁸⁸ Сравнительно небольшая доля зарубежных исследований посвящена экологическим и демографическим аспектам развития аграрной сферы как дореволюционной, так и советской России, теме засухи и голода 1891 г., социоприродным последствиям коллективизации и деградации окружающей среды под влиянием сельскохозяйственной деятельности. Эти аспекты, например, представлены в работах Теодора Шанина (Teodor Shanin)⁸⁹, Стивена Хока (Steven Hoch)⁹⁰, Дэвида Муна (David Moon)⁹¹, Дженни Смит (Jenny Smith)⁹², Эрика Джонсона (Eric M. Johnson)⁹³ и др.

⁸¹ Tauger M. *Agriculture in World History*. London, New York, 2011.

⁸² Moon D. *The Plough that Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

⁸³ Shaw D., Pallot J. *Landscape and Settlement in Romanov Russia, 1613–1917*. Oxford, 1990; Shaw D. *Mastering nature through science: Soviet Geographers and the Great Stalin Plan for the transformation of nature Slavonic and European Review*. 2015. Vol. 93. No. 1. P. 120–146.

⁸⁴ Oldfield J. D. *Russian Nature: Exploring the Environmental Consequences of Societal Change*. Burlington, VT, 2005; Oldfield J., Lajus J., Shaw D. *Conceptualizing and utilizing the natural environment: critical reflections from Imperial and Soviet Russia // Slavonic and East European Review*. 2015. Vol. 93. No. 1. P. 1–15; Oldfield J., Lajus J., Shaw D. *Conceptualizing and utilizing the natural environment: critical reflections from Imperial and Soviet Russia // Slavonic and East European Review*. 2015. Vol. 93. No. 1. P. 1–15.

⁸⁵ Coumel L., Elie M. *A Belated and Tragic Ecological Revolution: Nature, Disasters, and Green Activists in the Soviet Union and the Post-Soviet States, 1960–2010 // The Soviet and Post-Soviet Review*. 2013. Vol. 40. Is. 2. P. 157–165.

⁸⁶ Борейко В. Е. *Белые пятна природоохраны*. Киев, 2003.

⁸⁷ Ziegler C. E. *Environmental Policy in the USSR*. London, 1987.

⁸⁸ Josephson P., Coumel L., Elie M., Weiner D. и др. Указ. соч.

⁸⁹ *Рефлективное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина и др. М., 2002.*

⁹⁰ Hoch S. L. *Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov*. Chicago, London, 1986.

⁹¹ Moon D. *The Abolition of Serfdom in Russia, 1762–1907*. Harlow, 2002; Moon D. *The Environmental history of the Russian steppes: Vasilii Dokuchaev and the Harvest Failure of 1891 // Transactions of the Royal Historical Society*. 2005. Vol. 15. P. 149–

Актуальным трендом исследований стали работы по истории освоения СССР-Россией Арктики, о развитии энергетики и газовой промышленности⁹⁴. Среди новейших работ отметим недавно вышедшую монографию американско-российского коллектива авторов, преимущественно сфокусированную на проблемах экоистории СССР⁹⁵, книгу Энди Бруно (Andy Bruno) из Университета Северного Иллинойса, США, в которой изучены экологические последствия освоения Арктики в период СССР⁹⁶, книгу Юлии Обертрайс (Julia Obertreis) из немецкого Университета Эрлангена, посвященную сравнительному изучению экологических последствий государственной водной политики в Германии и Центральной Азии в середине XIX–XX в.⁹⁷ Вообще, в последнее время фокус внимания иностранных ученых все больше смещается с вопросов деградации окружающей среды в СССР, характерных для исследований начального этапа развития эко-истории России за рубежом, в сторону разнообразных аспектов сотрудничества природы и общества в России, попыток сохранения баланса между окружающей средой и природой, рефлексии ученых и деятелей искусства над взаимодействием природы и человека⁹⁸. Благодаря столь пристальному и заинтересованному вниманию зарубежных ученых к экологическим процессам в России они изучены ими всесторонне и подробнее, чем российскими специалистами.

Смежные научные исследования, примыкающие к проблемам экоистории России. Учитывая проблематику нашего исследования, важнейшими смежными для нас научными направлениями явились политическая история России, социальная история России, аграрная история России, крестьяноведение, историческая демография, историческая география, интеллектуальная история России, клиометрика и количественные методы исторических исследований, история науки, социология и др. Указанные междисциплинарные взаимосвязи теоретико-методологически и фактологически обогатили наш научный поиск и помогли прийти к научно обоснованным выводам. Перечень смежных научных работ огромен, поэтому мы упомянем лишь фундаментальные и самые близкие к нашему вопросу исследования.

174; Moon D. Agriculture and the Environment on the Steppes in the nineteenth century // *Peopling the Russian periphery: Borderland Colonization in Eurasian history* / ed. by N. Breyfogle [et al.]. Abingdon, New York, 2007. P. 81–105; Moon D. The debate over Climate Change in the Steppe region in nineteenth century Russia // *Russian Review*. 2010. Vol. 69. P. 251–275; Moon D. The Grasslands of North America and Russia // *A Companion to Global Environmental History* / eds. J. R. McNeill & E. S. Maudlin. Oxford, 2012. P. 247–262; Moon D. The Steppe as Fertile Ground for Innovation in Conceptualizing Human-Nature Relationships Slavonic and East // *Slavonic and European Review*. 2015. Vol. 93. No. 1. P. 16–38.

⁹² Smith J. Improving Socialist Animals: American Farming Experts on the Soviet Collectivization // *Историко-биологические исследования*. 2012. Т. 4. № 3. С. 101–115; Smith J. L. *Works in Progress: Plans and Realities on Soviet Farms, 1930–1963*. New Haven, 2014.

⁹³ Johnson E. Demographics, Inequality and Entitlements in the Russian Famine of 1891 // *Slavonic and European Review*. 2015. Vol. 93. No. 1. P. 96–119.

⁹⁴ Stolberg E. M. From Icy Backwater to Nuclear Waste Ground: The Russian Arctic Ocean in the Twentieth Century. In: *Sea Narratives: Cultural Responses to the Sea, 1600–Present* / ed. C. Mathieson. Cham, 2016. P. 111–137; Kaganovsky L. The Negative Space in the National Imagination: Russia and the Arctic. In: *Arctic Environmental Modernities* / eds. L. A. Körber, S. MacKenzie, A. Westerståhl Stenport. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 169–182; Honneland G. The Russian Factor. In: *Arctic Euphoria and International High North Politics*. Singapore, 2017. P. 43–59; Perovic J. The Soviet Union's Rise as an International Energy Power: A Short History. In: *Cold War Energy* / ed. J. Perovic. Cham, 2017. P. 1–43; Högselius P. Before Siberia: The Rise of the Soviet Natural Gas Industry. In: *Red Gas and the Origins of European Energy Dependence*. New York, 2013. P. 13–29.

⁹⁵ *An Environmental History of Russia* / eds. P. Josephson, N. Dronin, R. Mnatsakanian, A. Cherp, D. Efremenko, V. Larin. Cambridge, 2013.

⁹⁶ Bruno A. *The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History*. New York, 2016.

⁹⁷ Obertreis J. *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*. Göttingen, 2017.

⁹⁸ Мун Д. Российская и советская экологическая история в современной западной науке // *Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: сб. науч. ст.: мат-лы VIII Международных Стахеевских чтений, г. Елабуга, 16–17 ноября 2017 г.* / сост. И. В. Маслова, И. Е. Крапоткина, Г. В. Бурдина. Елабуга, 2017. С. 14–21.

Во-первых, для нас были интересны работы, посвященные дореволюционной государственной аграрной и лесной политике периода поздней империи⁹⁹. Во-вторых, мы обратились к непродолжительному, но важному, на наш взгляд, периоду деятельности Временного правительства. Особенно пристальное внимание неоконченным реформам того периода уделяла зарубежная историография¹⁰⁰. Последовательным «адвокатом» деятельности Временного правительства выступил глава трех его коалиционных составов – А. Ф. Керенский¹⁰¹. В отечественной историографии большое внимание уделялось внутренней, в особенности экономической, а также внешней политике Временного правительства. Советская историческая наука фокусировалась на проблеме крестьянских движений в 1917 г. и неудачах внутренней политики Временного правительства, в особенности аграрной. В поле зрения советских историков находилась деятельность Главного земельного комитета и региональных земельных комитетов. В постсоветский период начался новый этап в систематическом исследовании аграрной политики Временного правительства¹⁰². Однако интерес к этой проблематике заметно упал по сравнению с предшествовавшим периодом¹⁰³.

Одним из современных обобщающих исследований об аграрной политике Временного правительства является монография Н. Е. Хитриной, в которой она размышляет над неудавшимся опытом данной политики всех его составов¹⁰⁴. Неудачи аграрной политики, по мнению историка, были обусловлены отсутствием реальной коалиции политических сил внутри правительства, невниманием к сложившимся на территории страны разнообразным формам землепользования, бюрократической запутанностью в системе государственных органов, определявших аграрную политику России¹⁰⁵. Она отметила заметное влияние на аграрную политику Временного правительства межпартийной Лиги аграрных реформ, выразившееся в том, что ее лидеры стремились преодолеть политические разногласия и повести страну путем реформ, руководствуясь народно-хозяйственными и государственными интересами, а также опытом развития мирового хозяйства. Цель подготовительного этапа земельной реформы лидеры этого объединения видели в комплексной характеристике потенциала аграрной сферы экономики и подготовке на ее основе рекомендаций для Временного правительства и Учредительного

⁹⁹ *Истомина Э. Г.* Леса России: экологическая и социоэкономическая история (XVIII – начало XX в.). М., 2019; *Плаксин В. Н.* Организация агрономической помощи крестьянству как важная составляющая в деятельности Главного управления землеустройства и земледелия в период Столыпинской реформы // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2014. № 3. С. 284–289; *Воронов И. И.* Министерство земледелия в царствование Николая II (1894–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12. Ч. 1. С. 51–54; *Книга М. Д.* Первые шаги Министерства земледелия и государственных имуществ в сфере сельскохозяйственного просвещения в Российской империи в 90-х гг. XIX века // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2015. № 4. С. 308–313 и др.

¹⁰⁰ *Elkin B.* The Kerensky Government and its Fate // *Slavic Review*. 1964. Vol. 23. No. 4. P. 718–736; *Mosse W. E.* Interlude: The Russian Provisional Government 1917 // *Soviet Studies*. 1964. Vol. 15. No. 4. P. 408–419; *Schlesinger R.* Kerensky and the Russian Provisional Government // *Science and Society. An Independent Journal of Marxism*. 1964. Vol. 28. No. 3. P. 305–315; *Elkin B.* Further Notes on the Policies of the Kerensky Government // *Slavic Review*. 1966. Vol. 25. No. 2. P. 324–332; *Gill G. J.* The Failure of Rural Policy in Russia, February–October 1917 // *Slavic Review*. 1978. Vol. 37. No. 2. P. 241–258; *Gill G. J.* Peasants and Government in the Russian Revolution. L., Basingstoke, 1979; *Orlovsky D. T.* Reform during Revolution: Governing the Provinces in 1917 // *Reform in Russia and the USSR: Past and Prospects* / ed. R. O. Crummey. Urbana, Chicago, 1989. P. 100–125; *Orlovsky D. T.* Corporatism or Democracy: the Russian Provisional Government of 1917 // *Soviet and Post Soviet Review*. 1997. Vol. 24. No. 1. P. 15–25; *Thatcher I. D.* Memoirs of the Russian Provisional Government 1917 // *Revolutionary Russia*. 2014. Vol. 27. No. 1. P. 1–21.

¹⁰¹ *The Russian Provisional Government, 1917: Documents selected and edited by R. P. Browder and A. F. Kerensky*. Vol. 1–3. Stanford, 1961.

¹⁰² См., напр.: *Сельцер Д. Г.* Главный земельный комитет: из истории подготовки аграрной реформы в 1917 г. // Крестьяне и власть: материалы конференции. М.-Тамбов: МШСЭН, ТГТУ, 1996. С. 89–98.

¹⁰³ *Мальшичева С. Ю.* Российское Временное правительство 1917 года: отечественная историография: дис... докт. ист. наук. Казань, 2000.

¹⁰⁴ *Хитрина Н. Е.* Аграрная политика Временного правительства в 1917 г. Н. Новгород, 2001.

¹⁰⁵ Там же. С. 373.

собрания¹⁰⁶. Интересны и фактологически насыщены новейшие исследования деятельности региональных земельных комитетов¹⁰⁷. При этом экологические сюжеты во внутренней политике Временного правительства специально не рассматривались ни в обобщающих, ни в региональных работах.

В-третьих, мы опирались на обширную историографию аграрной истории России-СССР. Нами были востребованы ставшие уже классическими исследования, включая «Ежегодники по аграрной истории Восточной Европы», сборники статей, издаваемые по итогам очередных сессий Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы¹⁰⁸, а также новые и новейшие публикации, в т.ч. подготовленные на стыке аграрной и экономической истории¹⁰⁹.

В контексте изучаемой нами проблемы привлекают внимание исследования о неурожаях и голодных годах в стране, в особенности самых разрушительных, повлекших значительные людские и материальные потери: 1891/92 гг., 1921 г. и 1924 г. Самыми изученными из них являются неурожай и голод 1891/92 гг. и 1921 г., историография которых насчитывает сотни работ в России и за рубежом¹¹⁰. Земцы-либералы и оппозиционеры-социалисты рубежа XIX–XX вв. приняли энергичное участие в ликвидации последствий голода, помощи голодавшим, обсуждении причин недорода 1891 г., или, как тогда его называли, «Царь-голода». Они же первыми заложили традицию политизации проблемы, связывая голод с кризисом самодержавия вообще и огрехами царской аграрной политики в частности. Современники-ученые, прежде всего В. В. Докучаев, указывали на социоестественные факторы неурожая: истощение почв под влиянием интенсивной распашки степей, лесов в Европейской России. Большинство исследователей рассматривают генезис неурожая и голода, в т.ч. и на региональном уровне, как социально-экономическое явление, в меньшей степени – как проявление социоприродного и экологического кризиса конца XIX – первой четверти XX в. (учащение засух как следствие лесостребления, изменения режима рек, почвенного покрова и пр.).

¹⁰⁶ Там же. С. 57.

¹⁰⁷ *Погорельий Д. Н.* Земельные комитеты Тамбовской губернии, 1917–1918 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Тамбов, 2002; *Диндаров А. И.* Земельные комитеты Среднего Поволжья в 1917–1918 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2002; *Артемов С. Н.* Земельные комитеты на Юге России в 1917 – первой половине 1918 года: автореф. дис... докт. ист. наук. Пятигорск, 2008; *Пивоваров Н. Ю.* Земельные комитеты в Сибири (апрель-декабрь 1917 г.) // *Сибирская деревня: проблемы истории.* Новосибирск: Сибпринт, 2014. С. 42–66; *Саблин В. А.* Земельные органы в северной деревне в период аграрной революции 1917–1918 гг. // *Вестник Вологодского государственного университета.* Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2016. № 1. С. 18–24.

¹⁰⁸ *Егизарова Н. А.* Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959; *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование: в 2 кн. М., 1966; *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня. М., 1977; *Алфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980; *Зеленин И. Е.* Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928–1941 гг. М., 1982; *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» / отв. ред. В. П. Данилов. М., 1988; *Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. А., Селунская Н. Б.* Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: источники и методы исследования. М., 1988 и др.

¹⁰⁹ *Шмелёв Г. И.* Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX в. М., 2000; *Перепелицын А. В., Фурсов В. Н.* Крестьянское хозяйство центрально-черноземных губерний России в пореформенный период. Воронеж, 2005; *Бабашкин В. В.* Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. М., 2007; *Есиков С. А.* Крестьянское землевладение и землепользование в Тамбовской губернии в пореформенное время (1861–1905 гг.): историко-правовое исследование. СПб., 2007; *Козлов С. А.* Аграрная рационализация в Центрально-Нечерноземной России в пореформенный период (по материалам экономической печати). М., 2008; *Есиков С. А.* Российская деревня в годы НЭПа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010; *Надькин Т. Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М., 2010; *Нефёдов С. А.* О предпосылках сталинской коллективизации // *Россия XXI.* 2012. № 6. С. 100–109; *Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке* / под ред. В. В. Бабашкина. М., 2015; *Нефёдов С. А.* Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М., 2017 и др.

¹¹⁰ *Поляков Ю. А.* Недород 1924 г. и борьба с его последствиями // *История СССР.* 1958. № 1. С. 52–82; *Книга М. Д.* История голода 1891–1892 гг. в России: автореф. дис... канд. ист. наук. Воронеж, 1997; *Поляков В. А.* Поволожский голод начала 1920-х гг.: к историографии проблемы // *Новый исторический вестник.* 2005. № 12. С. 36–50; С. 44–55; *Мун Д.* Экологическая история российских степей: Василий Докучаев и неурожай 1891 г. // *Вопросы истории естествознания и техники.* 2009. № 3. С. 48–71; *Урядова А. В.* Голод 1920-х гг. и Русское зарубежье. СПб., 2010; *Пьянков С. А., Михалев Н. А.* Голод 1891–1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета.* 2015. № 1. С. 44–55 и др.

Особый блок в аграрной истории страны советского довоенного периода составляют исследования о коллективизации в СССР, взаимоотношениях власти и крестьянства в 1910–1930-е гг.¹¹¹, о голоде 1932–1933 гг. Подавляющая часть историков выделяют политические и экономические факторы, определившие причины, масштаб и последствия последнего¹¹². Среди причин голода указывались искусственные, специально организованные И. В. Сталиным и его окружением против украинских националистов (голод-геноцид, голодомор)¹¹³, естественно-природного характера (засуха 1932 г.)¹¹⁴, а также последствия противостояния власти и крестьянства в период коллективизации как комплекс причин компромиссного и объективного характера¹¹⁵. В центре дискутируемых последствий голода 1932–1933 гг. с подачи В. П. Данилова стоят, как правило, демографические потери, что вполне объяснимо стремлением провести объективный подсчет числа жертв. Многомиллионные людские потери, понесенные в результате голода и сопутствовавших болезней, по мнению ряда исследователей, были следствием сталинской антикрестьянской политики раскулачивания и коллективизации с целью материального обеспечения индустриализации. Важнейшим событием для всестороннего и взвешенного осмысления причин и последствий голода 1932–1933 гг. стала публикация серии сборников архивных документов, рассекреченных и введенных в широкий оборот в конце 1990-х – 2010-е гг.: «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД»¹¹⁶, «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927–1939»¹¹⁷, «Крестьянская революция в России. 1902–1922»¹¹⁸.

Богатейший фонд исследований в сфере аграрной истории России стал для нас важнейшей отправной точкой и концептуальной сокровищницей и в изучении особенностей крестьянской экзистенциальности, т.к. в контексте экоистории России. В частности, в материалах международной конференции «Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)», организованной в 1994 г. видными историками-аграрниками И. Д. Ковальченко, Л. В. Миловым, В. П. Даниловым и др., нам были интересны различные точки зрения ученых на системообразу-

¹¹¹ Судьбы российского крестьянства: сб. ст. / под. общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996; Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. науч. ст. участн. Международ. круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / под ред. П. П. Марченко, С. Ю. Разина. М., 2011; Сталинизм и крестьянство: сб. науч. ст. и мат-лов кругл. столов и засед. теорет. семина. «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П. П. Марченко, С. Ю. Разина. М., 2014 и др.

¹¹² Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М., 1993; Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия советской деревни. М., 2008; Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ. Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009; Надькин Т. Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М., 2010 и др.

¹¹³ Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. London, 1986; Mace J. E. The Famine of 1933: A Survey of the Sources. Famine in Ukraine 1932–1933 / eds. R. Serbyn and B. Krawchenko. Edmonton, 1986. P. 45–65; Кульчицкий С. В. Почему он нас уничтожил? Киев, 2007 и др.

¹¹⁴ Tauger M. B. The 1932 Harvest and the Famine of 1933 // Slavic Review. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 70–89; Tauger M. B. Урожай 1932 г. и голод 1933 г. // Судьбы российского крестьянства: сб. ст. / под. общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 298–332; Tauger M. B. Natural Disaster and Human Actions in the Soviet Famine of 1931–1933 // Carl Beck Papers. No. 15 006. Pittsburg, 2001; Tauger M. B. Soviet Peasants and Collectivization, 1930–1939: Resistance and Adaptation // Rural Adaptation in Russia / ed. S. K. Wergen. London, New York, 2005. P. 65–94.

¹¹⁵ Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York; Oxford, 1994; Viola L. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York, 1996; Graziosi A. The great Soviet peasant war. Bolsheviks and Peasants, 1917–1933. Cambridge, 1996; Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933 / пер. с англ. О. Ю. Вздорик; под ред. Л. Ю. Панфиной. М., 2011 и др.

¹¹⁶ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 1998–2012.

¹¹⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. / гл. ред. совет: В. Данилов и др. М., 1999–2006.

¹¹⁸ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 2002; Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917–1918: документы и материалы / сост. В. Данилов, В. Канищев, Г. Ходякова. М., 2003; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине, 1918–1921: документы и материалы / сост. В. П. Данилов и др. М., 2006.

ющие факторы менталитета российского крестьянства, которые также влияли на природовосприятие и хозяйственное поведение крестьян¹¹⁹. При выявлении и анализе особенностей восприятия крестьянством экопроблем села, значительную помощь оказала теория Л. В. Милова о природно-географическом факторе в истории страны¹²⁰.

Следующим блоком смежных исследований выступили работы по проблемам социальной истории, исторической памяти, исторической социологии. Прежде всего отметим, что определенную роль в общем понимании эпохи как таковой сыграли исследования В. П. Булдакова¹²¹. Более конкретное значение в процессе изучения крестьянского опыта взаимодействия с природной средой обитания для нас имела коллективная монография «Традиционный опыт природопользования в России», ответственными редакторами которой выступили Л. В. Данилова и А. К. Соколов¹²². Важные концептуальные рассуждения о крестьянской памяти как составной части социальной памяти мы почерпнули в книге И. Е. Козновой, которая изучила особенности крестьянского восприятия насыщенных событий XX в.¹²³ Ею справедливо замечено, что «крестьянская память выступает духовным ресурсом современных аграрных преобразований, ведь социальная память вообще сохраняет в общественном сознании модели прошлого поведения»¹²⁴.

В рамках исследования И. Е. Козновой нас заинтересовало выявленное ею отношение крестьян к важнейшему природному ресурсу – земле, главному маркеру крестьянского мировосприятия. По материалам этнографических обследований сел Европейской России исследовательница отмечает то, что в 1920-е гг. в крестьянской среде было заметно «стремление к стабилизации и интенсификации землепользования», в т.ч. к использованию практики многополья¹²⁵.

Особенно насыщена память о заботливом отношении к земле у поколений, родившихся в первой четверти XX в. Оно выразилось распространенной в крестьянских рассказах фразой: «Берегли – это ужас как!».¹²⁶ Социальное отношение к земле у представителей старшего поколения было более острым и глубоким, т.к. они еще помнили малоземелье, трудности землеустройства. При этом И. Е. Кознова обращает внимание на произошедшую в первой трети XX века трансформацию крестьянского отношения к земле: от бережного восприятия ее как «ничьей», «Божьей», до безразличного как к государственной¹²⁷.

Уникальное социологическое исследование российской деревни XX в. было проведено в 1990–1993 гг. в рамках российско-британского проекта «Изучение социальной структуры советского и постсоветского села» под руководством Т. Шанина. По его итогам был собран богатейший материал, который послужил для последовавших социологических, исторических, этнологических, культуральных исследований. Истории селений и отдельных крестьянских семей были записаны со слов селян Севера, Центра, Юга, Сибири РСФСР, Белоруссии и Прибалтики. Отдельным сюжетом в этом исследовании стали экологические вопросы¹²⁸. Экологическую историю российских сел участники проекта делят на три периода: «старый» или

¹¹⁹ Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): мат-лы Междунар. конф. М., 1996.

¹²⁰ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

¹²¹ Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012.

¹²² Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998.

¹²³ Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000.

¹²⁴ Там же. С. 35, 52.

¹²⁵ Там же. С. 45.

¹²⁶ Там же. С. 188.

¹²⁷ Там же. С. 89.

¹²⁸ Дешсова Л. Н. Экологическая память российской деревни XX в. (по материалам социологических обследований 1990-х годов) // Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. Ю. А. Полякова. М., 2003. С. 211–238.

«общинно-единоличный» до начала коллективизации, «новый» – с начала коллективизации до конца 1950-х – начала 1960-х гг., «современный» – с 1960-х гг. Основное направление экологической истории села исследователи видят в постепенном разрушении экологического равновесия между крестьянством и природой. «Отлучение» от природной среды обитания было долговременной и целенаправленной государственной политикой. Побочным последствием стало углубление экокризиса в деревне. Социологи подметили то, что эта политика была подчинена «внешним» для крестьянского мира задачам и не контролировалась на уровне села. Крестьяне воспринимали ее как разновидность стихийного бедствия, ниспосланного свыше¹²⁹.

После коллективизации жизнь села стала жестко управляться сверху. Отдельные аспекты природопользования попали в руки разных ведомств. Исчезла некогда единая экологическая политика, осуществляемая общиной. Смена моделей природопользования проходила постепенно, традиции существовали параллельно с новым. Убыстрила процесс смены моделей Великая Отечественная война, оправдывавшая пренебрежительное и мобилизационное отношение к природным ресурсам. Как полагают исследователи, в 1930-е гг. были заложены важнейшие идеологические и организационно-хозяйственные предпосылки экологического кризиса XX в.¹³⁰

Определенное научно-теоретическое значение для нашего изыскания имели рассуждения Н. Г. Кедрова о крестьянских «письмах во власть» как феномене выражения их представлений о происходившем в стране в форме политической репрезентации¹³¹. В частности, ученый выделил три уровня крестьянской репрезентации в данных источниках: формальный (собственно содержание обращения к власти), прагматический (цели обращения), надпрагматический (представления, не выраженные прямо в формальной части, но «выводящиеся» из анализа прагматической части коммуникационного акта). Опираясь на данный подход, Н. Г. Кедров опроверг устоявшееся в науке мнение о социальном протесте крестьянства в 1930-е гг., указав на конформистский подход крестьянства к власти в рамках допустимой меры ее критики. Важным является вывод историка о том, что крестьяне не предполагали своего участия во власти, рассматривая последнюю в качестве надсоциальной силы, призванной решить все проблемы. Таким образом, заключал исследователь, крестьяне сознательно ставили себя в пассивное положение по отношению к власти, что отвечало ее интересам и обеспечивало устойчивость советского политического режима. Данные выводы оказались нами востребованными при обобщении результатов анализа выявленной фактологии.

Среди работ по политической истории и истории государства и права России укажем исследования, посвященные созданию советского государства и его законодательной деятельности, востребованные нами при контент-анализе декретов советской власти¹³²; анализу программы политических партий России¹³³, взаимоотношениям советской власти и интеллигенции¹³⁴ и иные.

Большое научное подспорье оказали исследования в области исторической демографии: объективные демографические данные позволили определить степень антропогенного воздей-

¹²⁹ Там же. С. 212–213.

¹³⁰ Там же. С. 216–217.

¹³¹ Кедров Н. Г. Крестьянские «письма во власть» как форма политической репрезентации (на материалах северной деревни 1930-х гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2011. № 1. С. 337–343.

¹³² См., напр.: Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. М., 1965; Керимов А. Д. Законодательная деятельность Советского государства. М., 1955; Морозова Е. Н., Раскин Д. И. Становление советской государственности: использование имперского наследия в сфере центрального управления // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 7–23 и др.

¹³³ См., напр.: Протасов Л. Г. Вопросы экологии в программе политических партий России начала XX века // Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX вв.: мат-лы межрегион. конф. Тамбов, 5–6 окт. 2005 г. / отв. ред. В. В. Канищев. Тамбов, 2005. С. 20–29.

¹³⁴ См., напр.: Казанин И. Е. Советская власть и русская интеллигенция: политико-правовые аспекты отношений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 5. С. 198–214.

ствия традиционного общества на природные ресурсы на различных этапах изучаемого периода, а значит, и остроту экологических проблем¹³⁵.

В сфере истории науки мы опирались как на обобщающие работы о государственной политике в отношении науки в изучаемый период, развитии отдельных отраслей естественной науки, в особенности аграрной¹³⁶, так и на тематические, зачастую узкоспециализированные исследования, например, в области почвоведения, сельскохозяйственной метеорологии, климатологии, геоботаники, агролесомелиорации и др.¹³⁷ Полезны были также издания по экономической географии и районированию¹³⁸. Многочисленные библиографические указатели и справочные издания наравне с иными оказали помощь в поиске необходимой информации¹³⁹.

¹³⁵ См., напр.: *Волков Е. З.* Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.-Л., 1930; *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР: в 2 т. Нью-Йорк, 1952. Т. 1; *Рашии А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956; *Данилов В. П.* Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 242–254; *Денисенко М. Б.* Демографический кризис 1914–1922 // Вестник Московского ун-та. Серия Социология и политология. 1998. № 2. С. 78–96; *Морозов С. Д.* Демографическое поведение сельского населения Европейской России (конец XIX – начало XX в.) // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 99–106; *Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю. А. Поляков. М., 2000. Т. 1. 1900–1939 гг.; Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012; *Нефёдов С. А.* Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов, 2013.

¹³⁶ См., напр.: *Никонов А. А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995; *Елина О. Ю.* Наука для сельского хозяйства в Российской империи: формы патронажа // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 1. С. 40–63; *Елина О. Ю.* Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг.: Советский вариант реформы // На переломе: советская биология в 20–30-х годах / под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 1997. С. 27–85; *Елина О. Ю.* Ученые, агрономы и задача «подъема сельского хозяйства»: социально-экономический контекст развития прикладной науки (конец XIX – 1920-е гг.) // Годичная научная конференция ИИЕиТ им. С. И. Вавилова РАН – 1998. М., 1999. С. 289–292; *Зонн С. В.* История почвоведения России в XX веке (неизвестные и забытые страницы): в 2 ч. М., 1999. Ч. 2; *Елина О. Ю.* Сельскохозяйственная наука в 1920-е гг.: первая советская реформа // За «Железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / под ред. М. Хайнеманна и Э. И. Колчинского. СПб., 2002. С. 245–264; *Елина О. Ю.* От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII – 20-е годы XX века: в 2 т. М., 2008; *Елина О. Ю.* Сельскохозяйственные общества России, 1765–1920-е гг.: вклад в развитие агрономии // Российская история. 2011. № 1. С. 27–44; *Гончаров Н. П.* Государственная организация аграрной науки в России (к 175-летию РАСХН) // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 3. С. 10–33; *Лоскутова М. В., Федотова А. А.* Становление прикладных биологических исследований в России: взаимодействие науки и практики в XIX – начале XX вв. Исторические очерки / отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб., 2014; *De Winter H. L.* Down to Earth: historians and historiography of soil knowledge (1975–2011). Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 1. С. 73–91.

¹³⁷ См., например: *Берг Л. С.* Климат и жизнь. М., 1947; *Соболев С. С.* Эрозия почв и борьба с ней. М., 1950; *Мильков Ф. Н.* Лесостепь Русской равнины. Опыт ландшафтной характеристики. М., 1950; *Велицкий Г. З.* Сельскохозяйственная метеорология. Л., 1952; *Цветков М. А.* Динамика лесистости Европейской России в XVIII, XIX начале XX столетий: автореф. дис... докт. сельхоз. наук. М., 1954; *Эйттингер Г. Р.* Лес в степи. М., 1954; *Молчанов А. А.* Лес и климат. М., 1961; *Афанасьева Е. А.* Черноземы Средне-Русской возвышенности. М., 1966; *Тарасенко В. П.* Динамика лесистости и породного состава лесов Европейской части СССР и лесовосстановление. М., 1972; *Рубцов М. В.* Защитноводоохранные леса. М., 1972; *Трасс Х. Х.* Геоботаника. История и современные тенденции развития. Л., 1976; *Долгиевич М. И.* Пыльные бури и агролесомелиоративные мероприятия. М., 1978; *Сухова Н. Г.* Развитие представлений о природном территориальном комплексе в русской географии. Л., 1981; *Русский чернозем – 100 лет после Докучаева / отв. ред. В. А. Ковда, Е. М. Самойлова. М., 1983; Крестовский О. И.* Влияние вырубок и восстановления лесов на водность рек. Л., 1986; *Зеленин И. Е.* Невостребованная наука (аграрная наука и социалистическая практика конца 1920 – начала 1930-х гг.) // Аграрные технологии в России. IX–XX вв.: мат-лы XXV сес. Симп. по аграр. истории Восточ. Европы. Арзамас, 1999. С. 276–288; *Крупеников И. А.* Черноземы. Возникновение, совершенствование, трагедия деградации, пути охраны и возрождения. М., 2008; *Носкова О. Л.* Деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России под руководством В. И. Вернадского // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 3. С. 33–37; *Мордкович В. Г.* Степные экосистемы / отв. ред. И. Э. Смелянский. 2-е изд. испр. и доп. Новосибирск, 2014; *Буякин В. И.* Первопроходец степного землепользования в Поволжье (к 150-летию со дня рождения В. С. Богдана) // Вавиловские чтения-2015: сб. ст. Международной науч.-практ. конф., посвящен. 128-й годовщине со дня рождения акад. Н. И. Вавилова. Саратов, 2015. С. 3–8.

¹³⁸ См., напр.: *Покшишевский В. В.* Центральная-Черноземная область. М.-Л., 1929; *Тутыхин Б. А.* Центральная-Черноземная область. М., 1929 и др.

¹³⁹ Советское общество в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный библиографический указатель книг, публикаций в сборниках и журналах: в 8 т. Т. 1. 1917–1941 гг. / науч. ред. В. З. Дробижев. М., 1987; *Россия 1913 год: статистико-документальный справочник / отв. ред. А. П. Корелин. СПб., 1995; Библиография русской библиографии: указ. библиогр. пособий. Ч. 1. 1917–1921 гг. / сост.: С. Н. Котломанова (отв. сост.), В. Н. Горбалы, Е. Л. Кокорина, Е. С. Ронина; авт. предисл. и науч. ред. Г. В. Михеева. СПб., 2000; Библиография русской библиографии: указ. библиогр. пособий. Ч. 2. 1922–1927 гг. / сост.: С. Н. Котломанова; авт. предисл. и науч. ред. Г. В. Михеева. СПб., 2005 и др.*

* * *

Стоит признать, что современная мировая наука тяготеет к тому, как заметил еще В. И. Вернадский, чтобы ученые специализировались не по наукам, а по проблемам, т.е. имели совокупное представление, накопленное разными науками по интересующим их проблематикам. Зарубежные исследователи в сфере экоистории небезосновательно призывают российских коллег расширить фокус исследовательского внимания, чаще и смелее применять междисциплинарные методы. Подобные тенденции уже существуют и активно развиваются, однако в довольно замкнутых региональных пределах, причем как научно-предметных, так и географических. Одним из перспективных направлений в экоистории является т.н. культуральный подход – концентрация внимания не на разрушающейся окружающей среде, а на человеке в меняющемся природном окружении и его восприятию происходящих социоприродных трансформаций.

Большие перспективы, как справедливо заметил Й. Радкау, открывают региональные исследования в сфере экоистории, ведь «подлинный прорыв экологическая история сможет совершить только через региональные полевые исследования»¹⁴⁰.

Ясно одно: экоистория является актуальным и динамично развивающимся направлением научных исследований на стыке гуманитарных и естественных наук с поистине неисчерпаемым научным потенциалом, который определяется не только проблемно-тематическими лакунами, но и важнейшими практическими задачами сохранения экологического разнообразия, необходимого жизненного обеспечения людей и живых существ, в конечном итоге – поддержания сбалансированной жизни на Земле.

¹⁴⁰ Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды / пер. с нем., сост. указ. Н. Ф. Штильмарк. М., 2014. С. 13.

2.

Государственная власть и негативные экологические процессы в позднем аграрном обществе: путь от констатации до регулирования

В этой главе мы рассмотрим трансформацию государственного восприятия социоприродных проблем аграрной сферы в периоды позднего пореформенного развития Российской империи, Временного правительства, «военного коммунизма», НЭПа, коллективизации, первых довоенных пятилеток. Описательное повествование будет дополнено контент-анализом нарративных материалов. Отдельными сюжетами представлены анализ программ политических партий страны, материалов репрессивных органов. Изучение деятельности государственных органов осуществлено с комбинированием хронологического и проблемного подходов.

2.1. Царское правительство и социоприродные проявления аграрного кризиса

Как известно, признанная проблема – наполовину решенная проблема. На протяжении пореформенного времени, и особенно в предреволюционный период, в России нарастал социоприродный кризис: под влиянием демографического роста населения происходило увеличение площади пашни за счет иных природно-хозяйственных ресурсов (лес, луга, пастбища), что вызвало истощение земли, увеличение площади оврагов, песков, обмеление рек, частые засухи, неурожай и пр. Профильным ведомством, курировавшим развитие сельскохозяйственной отрасли, было учрежденное в 1837 г. Министерство государственных имуществ (МГИ), в 1894 г. переименованное в Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ), в 1905 г. – в Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), и, наконец, в 1915 г. – в Министерство земледелия (МЗ), которое просуществовало до Февральской революции 1917 г. В период Временного правительства оно продолжило свою работу уже в статусе Министерства земледелия Временного правительства. Это было центральное отраслевое ведомство страны, которое, помимо развития сельского хозяйства, занималось землеустройством, лесоустройством, сельскохозяйственным образованием и воспитанием, мелиорацией, крестьянскими переселениями и др.

Выявленный материал мы сгруппировали по хронологическому принципу в следующие периоды: деятельность МГИ в 1861–1894 гг.; деятельность МЗиГИ в 1894–1905 гг.; деятельность ГУЗиЗ в 1905–1915 гг., деятельность МЗ в 1915–1917 гг. (В силу переориентации ведомства на военные нужды, фрагментарностью данных за период 1915–1917 гг. мы больше внимания уделили освещению работы ГУЗиЗ.) Такое деление обусловлено и историей развития ведомства, и содержанием его работы.

Деятельность Министерства государственных имуществ в 1861–1894 гг

Уже в первое пореформенное десятилетие с подачи земств министерство стало осуществлять, говоря современным языком, мониторинг состояния аграрной сферы. Самым первым и крупным мероприятием в этом направлении стало проведенное по инициативе министра П. А. Валуева в 1872–1873 гг. исследование состояния сельского хозяйства – т.н. Валуевская комиссия. Причиной ее созыва стали замедленные темпы развития сельского хозяйства, проявлявшиеся в экстенсивном характере полеводства, отсутствии правильной системы земледелия, активном лесоистреблении и др.¹⁴¹ Опубликованный комиссией итоговый доклад¹⁴² значительно дополняет архивные материалы журналов ее заседаний. Комиссией с 21 ноября 1872 г. по 28 апреля 1873 г. было проведено 52 заседания¹⁴³. Наше внимание привлекли четыре заседания, на которых дискутировались социоприродные аспекты сельского хозяйства страны. Так, на заседании 14 марта 1873 г. члены комиссии единогласно признали состояние сельского хозяйства империи «весьма неудовлетворительным», требовавшим, помимо агрономических, еще общих и частных мер улучшения, которые при этом соответствовали бы местным условиям. Помощь в этом ожидалась от правительства, которое должно было решать эти проблемы на законодательном уровне и при содействии различных государственных ведомств. Члены комиссии считали целесообразным и дальновидным повышение государственного финанси-

¹⁴¹ Очерк пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. СПб., 1887. С. 122–125.

¹⁴² Доклад Высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873.

¹⁴³ РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 430. Л. 1–111 об.

вания интенсификации сельского хозяйства. Однако они предостерегали от слишком поспешных действий в этой области, притом что антикризисные меры должны были быть последовательными и регулярными¹⁴⁴.

Интересны отдельные мнения членов комиссии. Так, Скворцов считал, что невозможно было на территории всей империи внедрить универсальную систему и приемы полеводства, которые одинаково и повсеместно приносили бы успех. Задачей правительства, по мнению Макова, должно было стать качественное улучшение сельского хозяйства, а не дальнейшее расширение пашни. В этом его поддержал фон Бушен, который указал на негативные последствия роста пашни в ущерб лугов и лесов. О том же говорил барон Медем, выступавший за рационализацию сельского хозяйства с учетом местных особенностей. Стремоухов сомневался в том, что государство могло реализовать на практике все предложенные комиссией меры, поэтому призывал коллег сосредоточить внимание только на тех из них, которые могли быть осуществлены¹⁴⁵.

В итоге комиссия постановила рекомендовать применение сельскохозяйственной техники, многопольных севооборотов; теоретическое образование в сельскохозяйственных учебных заведениях дополнить наглядно-практическими мероприятиями (выставки, музеи, публичные лекции, опытные поля, фермы и пр.); создание низших сельскохозяйственных школ по типу французских, которые учреждались в частных хозяйствах при государственном субсидировании; организацию образцовых имений с государственным софинансированием¹⁴⁶.

На следующем заседании 17 марта 1873 г. члены комиссии высказались за применение правительством, помимо прямых мер, улучшения сельского хозяйства и косвенных мер поощрения частных лиц и мелких крестьянских хозяйств. В зависимости от сословной принадлежности поощрительные меры включали бы пожалование почетных знаков, знаков отличия, денежных премий. Они выполняли бы поощрительную и воспитательную функции. Введение широкой поощрительной практики рациональных хозяев требовало внесения дополнений в законодательство.

Члены комиссии считали важным развитие луговодства, расширение травосеяния, осушение болот. В этом помогли бы прямые административные меры, а также косвенные в виде поощрений и денежных пособий. Разные члены комиссии озвучили законодательные и технические аспекты осушения болот. Фон Бушен указал на то, что в Пруссии и Голландии оно проводилось посредством промышленных обществ, что в России было невозможно. Он предлагал, чтобы правительство содействовало созданию мелиоративных товариществ, выдавало бы им льготные ссуды. Осушение болот, помимо решения хозяйственных задач, по мнению фон Бушена, благоприятно сказалось бы на санитарно-гигиеническом состоянии окружающих территорий, т.к. болота были рассадниками ряда болезней. Фан-дер-Флит советовал к этому процессу активнее привлекать земства. В пример он поставил псковское земство, которое выделяло денежные средства на осушение болот. Неелов отметил, что в Министерстве государственных имуществ уже составлен законопроект об орошении и осушении земель, который ожидал заключения земских собраний.

Не меньшее значение имело обводнение степей. Члены комиссии указали на имевшийся по этому поводу пробел в законодательстве и рекомендовали его восполнить ввиду важности орошения и обводнения «как в хозяйственном, так и в климатическом отношении». Они считали необходимым, чтобы государство проявило инициативу и заботу также о развитии и улучшении скотоводства. Для предотвращения падежа скота чиновники советовали ужесточить полицейско-ветеринарные меры прогона скота и даже заменить прогон скота его перевоз-

¹⁴⁴ Там же. Л. 52 об.–53 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 53 об.–54 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 55–58 об.

кой железнодорожным и водным транспортом. Рекомендовалось введение страхования скота, особенно гуртов, продолжение опытов по чумопрививанию¹⁴⁷.

На заседании 21 марта 1873 г. обсуждался вопрос об охране лесов, которые, как было замечено, играли важную хозяйственную и климатическую роль. На собрание были приглашены профессор Петербургского земледельческого института Ю. Э. Янсон, профессор Петровской земледельческой академии И. А. Стебут, а также землевладельцы ряда губерний. П. А. Валуев, председатель комиссии, высказался о необходимости облесения безводных степных пространств. Члены комиссии полагали, что законодательство об охране лесов было «вполне достаточным», но требовавшим строгого и точного его исполнения. Как они считали, огромные обороты лесоистребления частновладельческих лесов надо было пресечь. Для этого стоило сократить количество лесных сервитутов, т.к. леса, обремененные ими, частными владельцами вырубались в первую очередь, а кроме того, прогон крестьянского скота по ним препятствовал лесовосстановлению. Скворцов предложил изъять из крестьянских наделов лесные участки ввиду их уничтожения крестьянами. Министр заявил, что этот вопрос уже рассматривался в Главном комитете об устройстве сельского состояния и должен был быть в ближайшее время решен. Члены комиссии посчитали необходимым приобретение казной частных лесных участков, особенно сильно обезлесенных, назначение премий тем хозяевам, которые занимались лесовосстановлением. Отдельно, как они полагали, следовало было повысить статус лесных сторожей и значение их показаний при свидетельствовании фактов несанкционированной вырубке лесов. С целью сокращения лесоистребления и сохранения лесов чиновники рекомендовали разработку альтернативных видов топлива для нужд промышленности и железных дорог – каменного угля и торфа, развитие угольного и особенно торфяного производств. С целью уменьшения рубки леса для строительных нужд важно было увеличить сеть кирпичных и черепичных заводов. В этом требовалась активная деятельность земств в условиях льготного государственного субсидирования¹⁴⁸.

На заседании 24 марта 1873 г. Лобанов-Ростовский вновь поднял вопрос о лесоохранении. В частности, с целью повышения у лесовладельцев стимула к сбережению лесов он предложил, чтобы не земства, а правительство определяло предельную сумму земского сбора с частных лесов. В пример он привел подобную практику в Бельгии и Германии. Однако некоторые члены комиссии высказали сомнение относительно введения специального поземельного сбора с лесов по причине сложности реализации этой процедуры (большая площадь страны, отсутствие таксации), а также факта выгоды для дворян пашенного земледелия, нежели лесного хозяйства. Последнее доказывалось активной расчисткой под пашню лесов в северных лесистых губерниях, где земские сборы были невелики. Вследствие отсутствия у комиссии сравнительных погубернских данных о земельном и лесном налоговом обложении этот вопрос оставили открытым¹⁴⁹.

Обращает на себя внимание мнение комиссии относительно препятствия общинного устройства в деле улучшения крестьянского сельского хозяйства. К числу отрицательных сторон общины они относили стеснение личной свободы крестьян в сельскохозяйственной деятельности, фактическую невозможность выхода из нее, препятствие развитию ремесел и промышленности. Помимо этого, на состоянии сельского хозяйства негативно сказывались обременительные выкупные платежи. Между тем, по отзывам с мест, крестьяне демонстрировали стремление приобрести в собственность земельные участки, арендовать новые, тем самым создавая предпосылки для складывания «практически ориентированного» типа хозяйствования. В связи с этим комиссия рекомендовала при сохранении связи крестьян с крестьянским

¹⁴⁷ Там же. Л. 59 об.–63.

¹⁴⁸ Там же. Л. 64–68.

¹⁴⁹ Там же. Л. 69–71.

обществом облегчить выход из общины тем предприимчивым крестьянам, которые желали этого, компактно отводить им участки земли в одном месте. При этом круговая порука сохранялась и в отношении крестьян-собственников, т.к., по мнению министра, этот щекотливый вопрос был обусловлен фискальными потребностями государства.

В дополнении к этому комиссия высказалась за прекращение частых земельных переделов в крестьянской среде, которые противоречили «требованиям здравого и разумного хозяйства». Члены совещания осознавали, что частые переделы земли являлись следствием общинных порядков. Чиновники советовали сократить сроки земельных переделов, производить выдел земли в одном месте, что в будущем способствовало бы переходу к практике постоянного землепользования. Некоторые члены комиссии предложили проводить переделы земли в присутствии компетентных лиц, которые контролировали и упорядочивали бы их¹⁵⁰.

Надо заметить, что сам министр проявлял интерес к состоянию природных ресурсов, мелиоративному делу, всячески старался интенсифицировать его в стране. Так, в ноябре 1873 г. П. А. Валуев инициировал работу специальной комиссии под руководством Е. Петерсона о рассмотрении вопросов водопользования при осушении и обводнении. Подготовленный комиссией проект ограничения в некоторых случаях (наличие избытка воды у владельца, непроизводительное ею распоряжение и др.) права собственности на водные источники при осушении и орошении земель в Европейской России министр признал целесообразным¹⁵¹. По поручению министра II отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии в 1875 г. подготовило «Проект правил пользования водами». Чиновники этого ведомства предложили в интересах государства при осушении и орошении земель также ограничивать права береговых владельцев на воду¹⁵². В 1875 г. П. А. Валуев направил в Комитет министров лично им составленный проект положения «О сбережении лесов, имеющих государственное значение»¹⁵³.

По итогам работы «Валуевской комиссии» было решено оказать содействие сельскому хозяйству. Это выразилось в том, что в 1870-е гг. начались осушительные работы на севере и северо-западе, оросительные – на юге и юго-востоке империи¹⁵⁴. Для улучшения скотоводства за границей закупили быков и коров¹⁵⁵. В 1881–1887 гг. было облесено более 24 тыс. дес.¹⁵⁶

Однако мелиоративное дело развивалось не столь интенсивно, как этого хотелось. Общественная инициатива не всегда находила поддержку у министерства. Например, представленный потомственным дворянином, основоположником маслоделия и сыроварения Н. В. Верещагиным, братом знаменитого художника В. В. Верещагина, военными инженерами С. О. Ощевским-Кругликом и И. И. Зарановским, а также английским подданным Г. Вильсоном на согласование в 1899 г. проект устава акционерного общества для орошения и осушения земельных угодий «Русское общество» был отклонен. Условия о бесплатном предоставлении обществу на 99 лет исключительных прав владения казенными землями, отведенными под ирригацию и дренирование, с последующим обязательством выкупа казной этих земель и уплаты 10% вознаграждения за передачу устроенного мелиоративного дела, не понравились государственному ведомству и лично министру. МГИ не было уверено в исполнении концессионерами-акционерами своих обязательств при наличии у них больших привилегий¹⁵⁷.

¹⁵⁰ Там же. Л. 71 об.–75.

¹⁵¹ РГИА. Ф. 426. Оп. 1. Д. 18. Л. 3 об.–4, 6–39.

¹⁵² Там же. Л. 195 об.–200.

¹⁵³ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности: (1837– 1912 гг.) / сост. Г. К. Гинс и П. А. Шафранов. Пг., 1914. Приложение 1. С. 9.

¹⁵⁴ Очерк пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. СПб., 1887. С. 126–136.

¹⁵⁵ Там же. С. 138.

¹⁵⁶ Там же. С. 182.

¹⁵⁷ РГИА. Ф. 426. Оп. 1. Д. 208. Л. 3–7, 19–4.

В последующие десятилетия, по мере обострения социоприродного кризиса, были организованы ряд специальных экспедиций: в 1892–1894 г. Лесным департаментом была инициирована экспедиция В. В. Докучаева, в 1894–1900 гг. работала экспедиция генерала А. А. Тилло по изучению рек Европейской России¹⁵⁸. Содержание и результаты этих экспедиций ранее нами были отражены¹⁵⁹.

Наряду с организацией специальных научных экспедиций министр периодически совершал поездки по губерниям империи для личного ознакомления с деятельностью ведомства на местах, состоянием сельского хозяйства в стране. Министр государственных имуществ А. С. Ермолов был ученым-агрономом, поэтому его наблюдения носили профессиональный характер. Так, в отчете о его поездке в 1893 г. содержатся замечания по отдельным вопросам применения Лесоохранительного закона 1888 г. в различных местностях Российской империи. Министр указал на нечеткость формулировок закона, которые вызывали «недоразумения» в его применении, нарекание и даже сопротивление со стороны частных лиц. Например, признание рубки леса опустошительной должно было учитывать местные условия лесистости, аналогично – в случае признания лесов защитными. Последнее, как считал А. С. Ермолов, производилось «совершенно случайно». Причина этого заключалась в том, что частновладельческие леса были определены по площади, но не по качеству, что рекомендовал осуществить министр.

Он полагал, что зачисление лесов в разряд защитных часто проводилось необоснованно. Много жалоб местного населения о том поступало, например, из Крыма. А. С. Ермолов считал, что пастьба скота в лесу, особенно коз, местным татарским или болгарским населением не являлась поводом перевода леса в категорию защитного. Эти участки не подлежали естественному лесовозобновлению и были бесполезны. В Тверской губернии защитным лесом признавались заросшие лесом пашни или покосы, в то время как леса по берегам Волги и ее притоков таковыми не признавались. О необходимости включения 3–5-верстного прибрежного лесного пространства в категорию защитных лесов говорили даже землевладельцы.

Далее министр обращал внимание на неопределенность в законе понятия «опустошительная рубка»: в одних губерниях к ответственности привлекали за рубку в размерах больше годовой пропорции (Тамбовская, Московская губернии), а в других такая рубка не признавалась нарушением и вырубленный лес засчитывался в пропорцию следующего года (Калужская, Владимирская губернии). Такие же проблемы были с лесными расчистками. В некоторых губерниях (например, в Тверской) ограничения лесных расчисток делали невозможным ведение лядинного хозяйства (подсечно-огневого земледелия). В Крыму лесоохранительные комитеты не разрешали расчищать под виноградники вытопанные скотом лесные участки. А между тем, как замечал министр, польза для почвы от виноградников была бы больше, чем от «полуобглоданного скотом и низкорослого и корявого кустарника, под которым нередко голая земля»¹⁶⁰.

Состояние лесного дела и лесного хозяйства А. С. Ермолов признал крайне неудовлетворительным, что отражалось на снижении доходности казны. Содержание лесов было бесхозяйственным. В том были виноваты шаблонная система управления, не учитывавшая местные условия (обороты рубок устанавливали командированные из Петербурга ревизоры лесоустройства, а не знакомые с местной спецификой провинциальные чиновники), высокая централизация управления лесами, сковывавшая инициативу лесничих на местах. Проблемными были леса общего владения, спорные и въезжие, где крестьянами производились несанкционированные лесные порубки. Необходимо было, как считал министр, ввести принудительное размеже-

¹⁵⁸ Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерство земледелия и государственных имуществ) в царствование императора Александра III. 1881–1894 гг. СПб., 1901. С. 55–60.

¹⁵⁹ Цинцадзе Н. С. Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX – начале XX века в восприятии современников / отв. ред. В. В. Канищев. Тамбов, 2012. С. 143–153.

¹⁶⁰ РГИА. Ф. 381. Оп. 50. Д. 38. Л. 11–15.

вание. Пагубные последствия имел неумеренный отпуск казенного леса даром или по пониженной таксе церкви и крестьянам, которые его перепродавали или небрежно к нему относились.

Надзор за казенными лесами признавался «недостаточным и крайне затруднительным», что провоцировало порубки и пастьбу скота в них. Лесные участки высокопоставленный чиновник предлагал разукрупнить, чтобы усилить за ними контроль. По его наблюдению и признанию, вследствие недостаточности средств, отпускаемых на прореживание и прочистку лесов, они были замусорены валежником и сухостоем. Для этого А. С. Ермолов предлагал выплачивать лесничим за работу процент от лесного дохода в виде премии, отдавать местным крестьянам такие леса для прочистки. Лес страдал от перестоя и бесхозяйственного к нему отношения, от вредных насекомых, борьбе с которыми не уделялось много внимания по причине малой изученности явления¹⁶¹. Много внимания министр уделил проблеме укрепления песков и облесения оврагов. Тем более запросы об этом поступали с мест: воронежское отделение Московского общества сельских хозяев просило об оказании содействия со стороны правительства в деле укрепления песков и оврагов; в Саратовской губернии требовалось укрепить 13 тыс. дес. песков¹⁶².

Большой урон лесам наносил их отвод крестьянам, которые обращали их в пашню. Но были редкие случаи бережного отношения крестьян к лесам: в Ярославской губернии на три волости было выделено 17 тыс. дес. леса, большая часть которого была расчищена под пашню, но одна волость берегла свою долю леса и просила министерство запретить его вырубку, на которой настаивали соседние волости. На это ведомство ответило, что только общим сходом трех волостей можно было решить судьбу оставшегося леса¹⁶³.

Весной 1900 г. А. С. Ермолов выступил с инициативой учредить «Особое совещание для обсуждения проекта узаконений о производстве земельных улучшений в Европейской России». На заседание Совета министров 23 мая 1900 г. по его просьбе приглашались видные ученые, представители министерства финансов и др.¹⁶⁴ Данное межведомственное совещание так и не было создано. Инициатива была перехвачена министром финансов С. Ю. Витте, который в 1902 г. созвал Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Помимо сбора и анализа данных о развитии сельскохозяйственной отрасли производства, МЗиГИ проводило местные исследования посредством командирования в отдельные губернии специалистов сельского хозяйства. Так, на следующий год после неурожая 1891 г. было проведено исследование черноземных губерний с целью выявления их состояния и причин недорода. В 1893 г. были обследованы Орловская, Вятская, Пермская губернии. В 1893–1894 гг. изучались почвы Заволжья. Лесной департамент параллельно занимался составлением карт и описанием защитных лесов¹⁶⁵.

Одним из направлений в деятельности ведомства было распространение знаний в области сельского хозяйства, лесного дела и, вообще, агрономическое просвещение. На попечении министерства находился ряд учебных заведений: образованная в 1865 г. Петровская земледельческая и лесная академия, 10 средних сельскохозяйственных учебных заведений и 70 низших сельскохозяйственных школ, низшие лесные училища¹⁶⁶. Их количество постоянно увеличивалось. В 1890 г. Петровская земледельческая и лесная академия была преобразована в Московский сельскохозяйственный институт¹⁶⁷. Помимо государственных, на средства земств,

¹⁶¹ Там же. Л. 29–37 об.

¹⁶² Там же. Л. 47а–47а об.

¹⁶³ Там же. Л. 41.

¹⁶⁴ РГИА. Ф. 426. Оп. 1. Д. 275. Л. 1–3, 9.

¹⁶⁵ Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерство земледелия и государственных имуществ) в царствование императора Александра III. 1881–1894 гг. СПб., 1901. С. 21–23, 31.

¹⁶⁶ Очерк пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. СПб., 1887. С. 114–116.

¹⁶⁷ Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерство земледелия и государственных

сельскохозяйственных обществ и пр. открывались частные сельскохозяйственные училища и школы. Из 70 сельскохозяйственных школ 58 содержались на частные средства¹⁶⁸.

Кадры для Корпуса лесничих готовились в Санкт-Петербургском лесном институте и Петровской земледельческой и лесной академии. Лисинское лесное училище готовило специалистов низшего звена. В последующем, после закрытия этого училища, были созданы 13 низших лесных школ¹⁶⁹. Для распространения сельскохозяйственных знаний среди населения с 1887 г. впервые стали появляться курсы для народных учителей. Их прошли более 4 тыс. чел., в т.ч. 3200 учителей. На курсах большое внимание уделялось практической части занятий. С 1880-х гг. основы сельского хозяйства стали преподаваться в церковно-приходских и церковно-учительских школах, учительских семинариях¹⁷⁰.

С целью наглядного распространения достижений сельскохозяйственной науки создавались музеи (Императорский сельскохозяйственный музей, Императорский Санкт-Петербургский ботанический сад, Садовый музей), образцовые фермы, устраивались выставки (за период 1881–1894 гг. в Европейской России было организовано 374 выставки)¹⁷¹. Помимо этого, действовали опытные станции и поля. Последние учреждались частными лицами и земствами.

Министерством финансировалась деятельность сельскохозяйственных обществ, которых вначале насчитывалось четыре десятка¹⁷². Они занимались распространением улучшенных приемов ведения сельского хозяйства, популяризацией агрономических знаний. В 1894 г. их насчитывалось уже 131 (95 обществ и 36 отделений). Они специализировались по отдельным отраслям сельского хозяйства на территории губерний, уездов и даже волостей. Сельскохозяйственные общества своей деятельностью привлекали внимание крестьян и землевладельцев к агрокультурной практике хозяйствования. Самыми известными были Императорское Вольное экономическое общество и Московское общество сельского хозяйства. Большая часть обществ получали постоянные или временные государственные субсидии¹⁷³. Свою долю содействия развитию сельского хозяйства вносили сельскохозяйственные съезды¹⁷⁴.

Большую работу на местах проводили сельскохозяйственно-экономические земские коллегии – коллегиальные сельскохозяйственные органы земств. Они оказывали практическую помощь крестьянам и помещикам, изучали состояние сельского хозяйства в уездах, разрабатывали рекомендации по рациональному ведению сельского хозяйства¹⁷⁵. Так, с подачи земства с 1880-х гг. обсуждался вопрос о мелиоративном кредите и только 6 мая 1896 г. были введены в действие «Временные правила о ссудах на сельскохозяйственные улучшения»¹⁷⁶.

Отдельного внимания заслуживают мероприятия министерства по мелиорации. Систематические и широкие оросительные мероприятия начались с 1880 г. после засухи на юге империи и в Поволжье. Затем, после засухи 1892 г., орошение и обводнение распространилось на степные районы Юго-Востока государства. Тогда же стали устраиваться искусственные водохранилища. Много работ проводилось по регулированию стока рек и речек.

имущества) в царствование императора Александра III. 1881–1894 гг. СПб., 1901. С. 27–28.

¹⁶⁸ Там же. С. 34–35, 38.

¹⁶⁹ Там же. С. 39–41.

¹⁷⁰ Там же. С. 45–47.

¹⁷¹ Там же. С. 49–54.

¹⁷² Очерк пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. СПб., 1887. С. 118.

¹⁷³ Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерство земледелия и государственных имуществ) в царствование императора Александра III. 1881–1894 гг. СПб., 1901. С. 60–65.

¹⁷⁴ Там же. С. 65–68.

¹⁷⁵ Там же. С. 68–70.

¹⁷⁶ Там же. С. 70–73.

В 1895 г. министерство подготовило специальный очерк о мероприятиях в сфере орошения степных и южных районов империи¹⁷⁷. Вода признавалась ценнейшим элементом сельскохозяйственной производительности. Отмечалось опасное увеличение маловодных и безводных пространств в России, площадь которых вследствие часто повторявшихся засух росла к юго-востоку. Это угрожало земледелию и жизнеобеспечению в будущем. Бездействие и равнодушие к этой проблеме были чреваты серьезными, далеко идущими последствиями. Причиной недостатка воды в степных черноземных губерниях, по мнению составителей очерка, было истребление лесов, защищавших источники главнейших рек России. Причем исчезновение лесов произошло в сравнительно недавнем прошлом. Это вызвало рост оврагов, распространение песков, засыпание ими истоков рек, их пересыхание и гибель водных источников, изменение климата в сторону его нестабильности и сухости. Помимо лесоистребления, эти негативные процессы усугубляла распашка степей и лугов, берегов рек, хищнические приемы эксплуатации земли.

Явная проблема оскудения почвы привела к оскудению влаги: не хватало воды не только для нужд земледелия, но и питья людей и водопоя скота. Ценность и недостаток воды как жизненного ресурса проявлялась в том, что в 1890-е гг. в центральных и южных губерниях вводился новый вид уголовного наказания, предусмотренный за участвовавшую кражу воды со взломом из колодцев, запираемых на ключ их владельцами. Вода из подобных колодцев продавалась их владельцами своим односельчанам. Исчезновение прудов, уменьшение числа водных источников было причиной для переселений крестьян в более благоприятные районы. Недостаток водных источников, пользование имевшимися одновременно и в хозяйственных, и в бытовых, и в пищевых целях были причиной распространения заразных заболеваний (тифа). Все это с каждым годом делало проблему водоснабжения степных районов страны «острой и жгучей». В силу этого она приобрела характер «общегосударственной задачи»¹⁷⁸.

Первые спорадические опыты по ирригации начались в России в начале 1840-х гг., после стажировки за границей отечественных специалистов. Широкие оросительные мероприятия требовали специальных гидрологических и геологических исследований, которые начали проводиться лишь с 1880-х гг. с целью подготовки топографической, метеорологической, гидротехнической основы для широкой оросительной политики применительно к отдельным местным условиям. Тогда была организована экспедиция генерал-лейтенанта И. И. Жилинского. Однако государственное финансирование обводнительных работ проводилось «в крайне ограниченных размерах», что не позволило существенно решить проблему водоснабжения на юге и юго-востоке империи. К тому же кадровое обеспечение этих работ было недостаточным (их обеспечивали 59 специалистов, 18 студентов и практикантов). Лишь засуха 1891 г. заставила правительство убедиться в неотложности и важности оросительного дела в стране: на помощь населению, строительство и ремонт обводнительных сооружений была выделена беспрецедентная сумма – 0,5 млн руб. Всего за 1880–1894 гг. экспедиция А. А. Жилинского получила 2,3 млн руб. Составителями очерка верно отмечалось, что правительство не должно было жалеть деньги на ирригацию степей, траты на которую окупались бы сторицей¹⁷⁹.

Судя по отчету экспедиции за 1894 г., на оросительные мероприятия юга страны (Воронежская, Самарская, Полтавская, Херсонская, Таврическая губернии) было затрачено 295 100 тыс. руб. Проводились общие (изучение рельефа, водности рек, состава почвы и подпочвы и пр.) и специальные изыскания (гидротехнические и сельскохозяйственные работы на орошаемых участках)¹⁸⁰. В Воронежской губернии, помимо ремонта ранее возведенных гидротех-

¹⁷⁷ Краткий очерк оросительного дела в России / отдел земельных улучшений. М., 1895.

¹⁷⁸ Там же. С. 1–6.

¹⁷⁹ Там же. С. 6–11.

¹⁸⁰ РГИА. Ф. 426. Оп. 1. Д. 91. Л. 1–7 об., 190 об.

нических сооружений, были проведены ряд новых работ – например, было завершено строительство вододержательной плотины. Для предохранения водохранилища от наносов был укреплен действующий овраг и дно лога, в котором была построена плотина. Была окончена также насыпь плотины около Дона. В Самарской губернии проводились метеонаблюдения, сельскохозяйственные опыты и др.¹⁸¹

Конкретными мерами обводнительных и оросительных работ, помимо строительства гидротехнических сооружений, были запруды рек, сбор дождевой и снеговой воды, механический подъем воды, специальные приемы обработки почвы и пр. Такие мероприятия проводились на территории Самарской, Саратовской, Воронежской, Тамбовской, Курской, Пензенской, Симбирской, Полтавской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской губерний, Области Войска Донского¹⁸². Сложность в ирригации состояла в неразвитости российского водного права, исходившего из принципа частной собственности на водные ресурсы, что препятствовало проведению ряда мероприятий. В Западной Европе в то время была установлена публичная собственность на водные источники. В России важность воды к середине 1890-х гг. все более осознавалась, поэтому законодательное регулирование ее использования было необходимо для успеха оросительного дела в стране¹⁸³.

Параллельно с деятельностью экспедиции И. И. Жилинского в 1892 г. при Лесном департаменте министерства была образована экспедиция под руководством В. В. Докучаева для разработки научно-теоретических основ облесения и обводнения степей южной России, а в 1894 г. – межведомственная экспедиция для исследования истоков главнейших рек России под руководством генерала А. А. Тилло. Наряду с этими крупными мероприятиями проводились отдельные геологические изыскания членами Геологического комитета. Результаты их исследований были востребованы при орошении юга и юго-востока империи¹⁸⁴.

В комплексе с орошением шли работы по укреплению оврагов, которые интенсивно начали осуществляться также после засухи 1892 г.¹⁸⁵ С 1893 г. стали широко укрепляться овраги, особенно на склонах больших рек. На эти мелиоративные работы было потрачено 2,3 млн руб. С 1894 г. эти работы были поручены специально созданному отделу земельных улучшений, а укрепление песков и лесонасаждение остались в ведении Лесного департамента¹⁸⁶.

Отдельное внимание министерство уделяло развитию отраслей сельского хозяйства. В области полеводства в 1886–1890 гг. исследовалась практика применения минеральных удобрений¹⁸⁷. С целью активного перехода крестьян с трехполья на многополье министерство вело просветительскую работу, заготавливало семена кормовых трав и снабжало ими крестьянские хозяйства¹⁸⁸. Предпринимались меры по борьбе с вредителями сельского хозяйства¹⁸⁹. После экспедиции академика А. Ф. Миддендорфа начались активные работы по улучшению скотоводства¹⁹⁰. В поле зрения ведомства находились проблемы крестьянского коневодства¹⁹¹. Позже

¹⁸¹ Там же. Л. 67 об.–79 об.

¹⁸² Там же. Л. 82–83, 86–87.

¹⁸³ Там же. Л. 93–95.

¹⁸⁴ Краткий очерк оросительного дела в России / отдел земельных улучшений. М., 1895. С. 142–143.

¹⁸⁵ Там же. С. 47–48, 134–141.

¹⁸⁶ Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерство земледелия и государственных имуществ) в царствование императора Александра III. 1881–1894 гг. СПб., 1901. С. 75–94.

¹⁸⁷ Там же. С. 97.

¹⁸⁸ Там же. С. 100–108.

¹⁸⁹ Там же. С. 139–145.

¹⁹⁰ Там же. С. 146–152.

¹⁹¹ Очерк пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. СПб., 1887. С. 114–116.

ведомство озаботилось проблемами рыбного хозяйства: с 1884 г. были введены запреты на лов волжской сельди для того, чтобы не истощить ее запасы¹⁹².

Лесоустроительные работы в период 1862–1872 гг. охватили площадь более 4 млн дес.¹⁹³ После утверждения в 1888 г. «Положения о сбережении лесов» 458 300 дес. казенного леса были признаны защитными, 431,5 тыс. дес. – водоохранными. На площади более 4 млн дес. лесоохранительными комитетами были утверждены планы ведения лесного хозяйства частными лицами¹⁹⁴. Государственные средства тратились на облесение степей юга империи, лесовозобновление¹⁹⁵.

Важным направлением в деятельности сельскохозяйственного ведомства империи была организация переселения избыточного крестьянского населения на восток страны. Пик переселений пришелся на вторую половину 1880-х гг. Всего из многоземельных губерний Европейской России за 1881–1894 гг. было переселено 94 488 чел.¹⁹⁶

Деятельность Министерства земледелия и государственных имуществ в 1894–1905 гг

В этот период правительство предпринимало энергичные меры по осмыслению и преодолению негативных социоестественных последствий аграрного перенаселения: были учреждены комиссия под руководством директора одного из департаментов Министерства финансов В. И. Ковалевского – «Особое совещание для выяснения общих и основных причин экономического упадка группы губерний центрально-черноземной полосы Европейской России» (1899–1901 гг.), «Комиссия о Центре» под председательством товарища министра финансов В. Н. Коковцова (1901 г.), по инициативе министра финансов С. Ю. Витте было создано «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности» (1902–1905 гг.)¹⁹⁷. Материалы с мест воочию показали глубину кризисных явлений в деревне Европейской России¹⁹⁸.

По-прежнему аграрное ведомство уделяло специальное внимание развитию отдельных отраслей сельского хозяйства. В 1896 г. была созвана специальная сельскохозяйственная комиссия для рассмотрения постановлений и ходатайств Всероссийского съезда сельских хозяев, прошедшего по инициативе Московского общества сельских хозяев в Москве в декабре 1895 г. Ее председателем был избран А. А. Нарышкин, товарищ министра земледелия, а членами являлись И. А. Звегинцев, Н. А. Хомяков, Д. А. Тимирязев, И. И. Жилинский, И. А. Арапов, Ф. И. Никитин, И. А. Бильдердинг, Н. И. Червинский, С. С. Бехтеев, Ф. С. Голицын, А. А. Куракин, А. А. Шульц, Д. И. Семенов, Я. Я. Шварц, К. Ф. Головин, Н. И. Шидловский, И. В. Стенбок-Фермор. В период февраля-апреля, октября 1896 г. комиссия провела восемь заседаний, на трех из которых присутствовал министр¹⁹⁹. Комиссия согласилась с предложениями съезда о дальнейшей поддержке министерством сельскохозяйственных обществ, расширении сети сельскохозяйственных учебных заведений, опытных полей и станций, практики примене-

¹⁹² Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерство земледелия и государственных имуществ) в царствование императора Александра III. 1881–1894 гг. СПб., 1901. С. 158.

¹⁹³ Очерк пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. СПб., 1887. С. 112.

¹⁹⁴ Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерство земледелия и государственных имуществ) в царствование императора Александра III. 1881–1894 гг. СПб., 1901. С. 133.

¹⁹⁵ Там же. С. 135.

¹⁹⁶ Там же. С. 282.

¹⁹⁷ Цинцадзе Н. С. Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX – начале XX века в восприятии современников / отв. ред. В. В. Канищев. Тамбов, 2012. С. 136–146.

¹⁹⁸ Там же. С. 153–169.

¹⁹⁹ РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 484. Л. 1.

ния удобрений, энергичных мерах по орошению засушливых районов посредством устройства большого числа прудов, в т.ч. служивших скоту водопоем. Для реализации последнего чиновники считали важным расширение мелиоративного кредитования. Комиссия признала целесообразным развитие коневодства, механизацию сельскохозяйственного труда²⁰⁰. Для развития животноводства в 1901 г. была создана ветеринарная часть в составе Министерства внутренних дел²⁰¹.

В поздний пореформенный период правительство уделяло повышенное внимание развитию Сибири, что было обусловлено строительством Транссиба – грандиозным проектом начала XX в., – необходимостью его обеспечения строительными и отопительными материалами. В связи с этим министр совершал командировки туда, следил за осуществлением развития сельского, лесного и горного хозяйств. В развитие края вкладывались немалые денежные средства. В отчетах о сибирских поездках министра содержатся очень ценные наблюдения не только о развитии Сибири, апробированных в старопахотных частях империи способах колонизации, возникавших в результате проблем, но и о социоприродных проблемах Европейской России в связи с ее «оскудением». Так, осенью 1895 г. министр земледелия А. С. Ермолов совершил поездку в Сибирь, о чем составил доклад императору²⁰². Примечателен сохранившийся в фонде Канцелярии министра земледелия экземпляр этого доклада с пометами на полях, сделанными Николаем II²⁰³. Целями поездки министра были ознакомление с условиями поземельного устройства переселенцев из Европейской России, управления лесных и горных богатств с учетом строившейся Транссибирской железной дороги, состоянием сельского хозяйства и кустарной промышленности. Император соглашался с министром в том, что главной задачей правительства в Сибири было урегулирование земельных отношений местного населения с тем, чтобы предотвратить конфликты между старожилами и новопоселенцами. Для этого предполагалась выдача старожилам «владенных документов» на их наделы. Важной частью поземельного устройства в Сибири, в чем также соглашался государь, было урегулирование лесопользования, прекращение хищнического лесоистребления посредством ужесточения лесоохранительных мер²⁰⁴. Темпы переселения в Сибирь из внутренних губерний страны росли: в 1895 г. переселилось 109 тыс. чел. При этом в некоторых районах (Минусинском округе Енисейской губернии) уже ощущалась нехватка удобной земли и малоземелье. «Таким образом, почти безпредельная, на первый взгляд, пространства Сибири, на самом деле далеко не представляют собою неисчерпаемого земельного фонда», – заключал А. С. Ермолов. Для расширения удобной для сельского хозяйства и проживания территории планировалось осушение болот, обводнение степей и иные мелиоративные мероприятия, разведка новых участков, постепенное заселение тайги. Наблюдалось также и обратное переселение, которое в 1895 г. составило 10% выселившихся ранее²⁰⁵.

Министр отмечал, что в Сибири сохранялся экстенсивный тип хозяйствования, свойственный Европейской России, стремление к максимальной запашке целинных земель и игнорирование интенсивной системы полеводства. Вследствие истощения ряда участков в Тобольской губернии предпринимались попытки их унавоживания, а в южной части Енисейской губернии крестьяне применяли искусственное орошение сенокосных и пашенных угодий.

²⁰⁰ Там же. Л. 2–5 об.

²⁰¹ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности: 1837– 1912 гг. / сост. Г. К. Гинс и П. А. Шафранов. Пг., 1914. С. 293.

²⁰² Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896.

²⁰³ РГИА. Ф. 381. Оп. 50. Д. 57. Л. 45–72.

²⁰⁴ Там же. Л. 47 об–48.

²⁰⁵ Там же. Л. 50–51, 53, 57 об.

А. С. Ермолов обращал внимание императора на высокие темпы исчезновения лесов в Сибири вследствие отсутствия до середины 1880-х гг. государственного контроля за ними. Безграничная и бесплатная свобода пользования лесом, наличие запасов леса воспитала привычку неэкономного его хозяйственного использования. Много лесов погибало в пожарах. На восклицание министра о том, что не меньший ущерб лесам наносил ежегодный сруб деревьев для заграждения дорог от снежных заносов, Николай II пометил на полях доклада: «Это повторяется каждую зиму (подчеркнуто императором. – *Н. Ц.*) и в Европейской России!» По единодушному мнению царя и министра, вопрос о сохранении лесных богатств в интересах строящейся тогда Транссибирской железной дороги, населения Сибири и Европейской России являлся первостепенным. Оба поддерживали идею о рациональной эксплуатации еще сохранившихся лесов, искусственном лесовозобновлении, создании новых лесничеств, увеличении численности лесной стражи²⁰⁶.

В докладе о поездке в Сибирь летом 1898 г. министр сообщал, что попутно ознакомился с плачевным состоянием крестьянских хозяйств Черноземья и Поволжья после засухи 1897 г. Тяжесть этого неурожая объяснялась тем, что население еще не оправилось от засухи 1891 г.²⁰⁷ По аналогии с Европейской Россией в Сибири проводились мелиоративные мероприятия, расширялась сеть агрономической помощи населению, распространялось сельскохозяйственное образование и др. Министр вновь повторял слова о необходимости упорядочения лесного хозяйства, усиления контроля над казенными лесами Сибири, что активно начало предприниматься с середины 1890-х гг.²⁰⁸

В черновом варианте доклада министра о поездке в центрально-черноземные губернии России летом 1896 г. с целью осмотра некоторых образцовых, передовых частных хозяйств содержатся любопытные размышления высокопоставленного чиновника о состоянии сельского хозяйства, мерах выхода из его кризиса. Судя по сделанной министром в конце документа приписке, он составил этот доклад с целью обратить внимание государя на необходимость развития сельского хозяйства, решения накопившихся в нем проблем. Вначале он сообщал о том, что в период упадка сельского хозяйства некоторые частновладельческие хозяйства (к тому времени их по империи насчитывалось 18) успешно вели интенсифицированный тип хозяйства: высаживали разнообразные полевые культуры, применяли агротехнические методы обработки земли, орошение полей, улучшали скотоводство, занимались искусственным лесоразведением. Министр полагал, что подобную практику необходимо было поощрять льготным отпуском саженцев из государственных лесных питомников, направлением в частные хозяйства государственных техников-инструкторов²⁰⁹.

Основная часть крестьянских хозяйств, по его наблюдению, ослабла, увеличилось количество безлошадных. Состояние крестьянских полей было плачевным: пары не пахались вовсе, во время озимого посева семена разбрасывались прямо по зеленому пару и потом запахивались сохой, не производился взмет ярового жнивья. А. С. Ермолов констатировал, что вследствие упадка цен на хлеб крестьянская внеадельная аренда сократилась, земля превратилась в обременение для крестьян, возросло их стремление к переселению из деревни. Малоземельным крестьянам и дарственникам в той ситуации было лучше. Однако при всех негативных условиях хозяйствования крестьяне все же стремились изменить свое положение к лучшему. Они развивали огородничество, садоводство (в с. Лихая Поляна Корочанского уезда Курской губернии площадь садов была около 1 тыс. дес.). Имелись несколько случаев крестьянского лесоразведения: в с. Крутой Лог на берегу Донца крестьяне для дужного промысла завели соб-

²⁰⁶ Там же. Л. 59 об.–60, 64 об.–66 об.

²⁰⁷ Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь летом 1898 г. СПб., 1899. С. 2–3.

²⁰⁸ Там же. С. 34–39.

²⁰⁹ РГИА. Ф. 381. Оп. 50. Д. 65. Л. 71–79.

ственные плантации дужной ивы. Близость свеклосахарного и винокуренных заводов обеспечивала их промысел работой²¹⁰.

Осенью 1897 г. министр побывал в Астраханской губернии и на Кавказских минеральных водах. В докладе императору А. С. Ермолов писал о необходимости ограничения хищнического лова рыбы и борьбы с браконьерством в Волжском и Каспийском бассейнах. Пометы, сделанные Николаем II на полях доклада, свидетельствуют о его согласии с этим²¹¹.

В последующих отчетах министра земледелия о поездках в различные районы империи также содержатся его наблюдения о состоянии сельского хозяйства, отдельных его отраслей, предложения о мерах их развития. Выводы носили неоднозначный характер: в них прослеживаются и указания на огрехи в государственной аграрной политике, и ее достижения. Так, в отчете о поездке по ряду внутренних губерний и на Кавказ (в связи с готовившимся строительством железной дороги вдоль Черноморского побережья) в 1902 г. это явно присутствует: с одной стороны, министр писал о том, что выделяемые из казенных питомников лесные семена по льготной цене или даже бесплатно (лесным школам и др.) перепродавались в России и сбывались за границу; с другой – в течение трех лет в государственных лесах Курской, Орловской, Тульской и Калужской губерний было облесено более 1 тыс. дес., а в одной Воронежской губернии – 1 172 дес.²¹²

Самостоятельным направлением в деятельности министерства в этот период стало расширение агрокультурных мер хозяйствования и мелиорации. Продолжалась работа экспедиции А. А. Жилинского по орошению юга России. В сохранившихся архивных материалах содержится описание конкретных работ в тот период. Так, из составленного М. Ф. Рытелем, инженером путей сообщения, временно заведовавшим оросительными работами восточного района Европейской России, плана оросительных работ на 1900 г. в Саратовской, Самарской и Астраханской губерниях следует, что предполагалось продолжить начатые ранее работы. Обводнительные мероприятия проводились вначале на казенных землях, затем, согласно ходатайствам частных владельцев и крестьян, – на их участках при условии их целесообразности. В Саратовской и Астраханской губерниях планировалось устройство колодцев и иных гидротехнических сооружений, в Самарской губернии – еще и прудов по заявлению местных крестьян. Повсеместно обосновывалось проведение метеонаблюдений. Бюджет мероприятий в указанных трех губерниях составлял чуть более 78 тыс. руб.²¹³ Аналогичные работы по обводнению, устройству лиманного орошения, метеонаблюдениям планировались в тех же губерниях и на 1901 г. М. Ф. Рытель на осуществление этого плана запрашивал почти 101 тыс. руб.²¹⁴

Общее ежегодное финансирование земельных улучшений колебалось в районе небольших ассигнований: в 1895–1909 гг. оно в среднем было на уровне 850 тыс. руб.²¹⁵ С целью дальнейшего развития мелиоративных работ в составе министерства в 1903 г. был образован Гидрологический комитет²¹⁶. В состав последнего входили представители от Императорского двора и уделов, Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, Министерства финансов, Министерства путей и сообщений, Военного министерства, Императорского Рус-

²¹⁰ Там же. Л. 79–81.

²¹¹ Там же. Л. 59–60 об.

²¹² Поездка министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова в 1902 году по ряду губерний внутренней России и на Кавказ: Изложение главнейших данных, представленных министру во время поездки и описание осмотренных местностей. СПб., 1903. С. 6–8.

²¹³ РГИА. Ф. 426. Оп. 1. Д. 239. Л. 64–93.

²¹⁴ Там же. Л. 185–188 об., 205–206.

²¹⁵ Масальский В. И. Обзор деятельности Отдела земельных улучшений за 1910 г. // Ежегодник отдела земельных улучшений. 1910 г. СПб., 1911. С. XI.

²¹⁶ Цинцадзе Н. С. Приоритетные правовые ценности государства и общества (на примере формирования водного законодательства России конца XIX – начала XX века) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 7. С. 337–339.

ского географического общества, Департамента земледелия, Лесного департамента Главного управления землеустройства и земледелия, специалисты по гидротехнике, геологии, сельскому хозяйству, лесоводству, юристы. Первым председателем нового структурного подразделения аграрного ведомства стал геолог и палеонтолог С. Н. Никитин. На заседаниях Гидрологического комитета продолжилось обсуждение конкретных проблем водного и сельского хозяйств, их правовых основ.

Однако стоит отметить важную особенность, подмеченную генералом М. Н. Анненковым, который руководил общественными работами после засухи 1891 г. Он писал о том, какое высокое значение для сельского хозяйства тогда имела вода, вопросы обводнения и орошения. На волне этого предпринимались активные действия государства и земства. В 1893–1897 гг. ситуация изменилась: о значении влаги и необходимости мелиорации забыли, т.к. шли обильные дожди. Начиная с 1897 г. и в особенности в 1898 г., когда разразилась засуха, вновь вспомнили о ранее обсуждаемых вопросах водообеспечения²¹⁷. Иными словами, проблемой не занимались систематически, а лишь тогда, когда она о себе напоминала. Генерал заметил то, что еще с библейских времен человечество сталкивалось с подобными чередованиями засушливых и влажных периодов – об этом свидетельствует сказание о 7 годах дождливых и 7 годах засухи. В понимании современников засухи были и как определенная повторявшаяся закономерность, которую надо перетерпеть, и как следствие деятельности человека (истребление лесов). При этом облесение М. Н. Анненков считал средством медленным и потому меры по задержанию зимних осадков более доступными и «скорее приводящими к цели»²¹⁸. Это объясняет более интенсивные темпы по сооружению запруд в верховьях рек и оврагах, плотин, снегосборных валиков, щитов и др. по сравнению с лесовозобновлением.

Деятельность Главного управления землеустройства и земледелия в 1905–1915 гг

В начале XX в. деятельность ГУЗиЗ стала более интенсивной и в сфере содействия развитию сельского хозяйства, и в лесоохранении, лесовозобновлении, и в переселении крестьян на окраины государства. С целью пересмотра законов о крестьянском землевладении в 1905 г. на смену комиссии С. Ю. Витте было учреждено «Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения» под руководством председателя Совета министров И. Л. Горемыкина, просуществовавшее до 1906 г.

Царское правительство тратило внушительную сумму денежных средств на агрономическую помощь крестьянам: если в 1908 г. на нее выделялось 171 тыс. руб., то в 1909 г. – уже более 0,5 млн руб., в 1910 г. – более 2 млн руб., в 1911 г. – 4 млн руб., а в 1912 г. – 5,3 млн руб. На эти нужды в бюджете 1913 г. было зарезервировано 5 млн руб. Непосредственная агрономическая помощь выражалась в распространении минеральных удобрений, сельскохозяйственных орудий и машин, практики травосеяния, улучшении семян для посевов, технических приемов ведения сельского хозяйств. Повышенное внимание уделялось борьбе с вредителями-насекомыми – еще с 1898 г. для их истребления применялись заграничные химические смеси. Выделяемые средства на гидротехнические мероприятия также постепенно росли и к 1913 г. достигли более 2 млн руб.²¹⁹

Со временем сельскохозяйственная помощь населению стала одной из приоритетных задач министерства. Возросли бюджетные отчисления на Департамент земледелия: если в 1905

²¹⁷ Анненков М. Н. К вопросу о водяном хозяйстве. СПб., 1898. С. 4–5.

²¹⁸ Там же. С. 18.

²¹⁹ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности: 1837–1912 гг. / сост. Г. К. Гинс и П. А. Шафранов. Пг., 1914. С. 116–118, 261–266, 285–286.

г. ему отпускалось 5,3 млн руб., то в 1913 г. – уже без малого 43 млн руб. Такое внушительное финансирование позволило ведомству не только оказывать более широкую и разнообразную агрономическую помощь крестьянам, но и усовершенствовать опытное дело, расширить сеть сельскохозяйственных учебных заведений²²⁰.

Росли траты на помощь земствам в борьбе с летучими песками. Глава ГУЗиЗ Б. А. Васильчиков писал о плане ведомства по увеличению ассигнований на данные мероприятия в Европейской России. Он замечал, что мелиоративные работы до засухи 1891 г. велись «без всякой системы». Неурожай заставил правительство, земство и крестьян обратить на эту проблему пристальное внимание. С 1893 г. МГИ приступило к сбору сведений о площади песков, подлежащих укреплению. С 1898 г. стали укрепляться пески в Воронежской, Орловской и Саратовской губерниях. С 1903 г. государственное финансирование этого вида мелиорации по 17 губерниям Европейской России увеличилось. В 1905–1907 гг. работы лесных специалистов по укреплению песков находились под покровительством императрицы Александры Федоровны. За 9 лет было облесено почти 90 тыс. дес. песков. Работы велись на площади в 600 тыс. дес., а общая площадь песков в Европейской России составляла 4,6 млн дес., которые Б. А. Васильчиков мечтал превратить в леса, сенокосы и пастбища. Однако ежегодно площадь песков увеличивалась на 1%, поэтому требовалось повысить траты на борьбу с ними. Выделяемых каждый год 76 тыс. руб. явно не хватало, следовало увеличить эту сумму с 1908 г. на 38,7 тыс. руб., а с 1909 г. – на 77,5 тыс. руб. Такое предложение он направил в Государственную Думу²²¹.

Продолжалось расширение сферы деятельности в области агрокультурных мер хозяйствования и мелиорации. В 1910 г. смета расходов на мелиоративные работы колоссально выросла и составила почти 2,4 млн руб. Это было связано с проведением большого комплекса мелиоративных работ по всей империи, расширением штата специалистов и др. в Европейской России были углублены и спрямлены реки, отремонтированы каналы, построены плотины, колодцы, пруды и пр.²²² На 1911 г. отделу земельных улучшений было выделено почти 2,9 млн руб. На эти средства продолжились гидротехнические и ирригационные работы, сотрудники отдела были командированы в США, Западную Европу, Египет, Индию для изучения зарубежного опыта мелиорации и ирригации²²³. В 1912 г. на земельные улучшения было выделено почти 6,6 млн руб.²²⁴ В 1913 г. финансирование выросло до 9,8 млн руб.²²⁵ В 1914 г. вместо запланированных 13,5 млн руб. отдел получил 10,5 млн руб.²²⁶ Данные о финансировании за 1915 г. в «Ежегоднике отдела земельных улучшений» не приведены. Очевидно, они сократились. В годы войны мелиоративные работы были сокращены также ввиду недостатка рабочих рук: многие специалисты отправились на фронт²²⁷.

В период 1907–1914 гг. под председательством сенатора И. И. Карницкого работала межведомственная государственная комиссия по пересмотру законодательства по водному праву,

²²⁰ Там же. С. 219, 224–225.

²²¹ Государственная Дума. Созыв III-й. Лесной департамент. Об увеличении кредита на расходы по оказанию содействия населению в деле укрепления летучих песков. СПб., 1907.

²²² Масальский В. И. Обзор деятельности Отдела земельных улучшений за 1910 г. // Ежегодник отдела земельных улучшений. 1910 г. СПб., 1911. С. XI–XII, XXV.

²²³ Масальский В. И. Обзор деятельности Отдела земельных улучшений за 1911 г. // Ежегодник отдела земельных улучшений. 1911 г. СПб., 1913. С. XI, XVII.

²²⁴ Масальский В. И. Обзор деятельности Отдела земельных улучшений за 1912 г. // Ежегодник отдела земельных улучшений. 1912 г. СПб., 1913. С. XI.

²²⁵ Масальский В. И. Обзор деятельности Отдела земельных улучшений за 1913 г. // Ежегодник отдела земельных улучшений. 1913 г.: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1914. С. XI.

²²⁶ Масальский В. И. Обзор деятельности Отдела земельных улучшений за 1914 г. // Ежегодник отдела земельных улучшений. 1914 г.: в 2 ч. Ч. 1. Пг., 1915. С. I.

²²⁷ Муромцев Н. А. Гидротехнические работы, исполненные чинами Управлений земледелия и государственных имуществ в Европейской России // Ежегодник отдела земельных улучшений. 1915 г.: в 2 ч. Ч. 1. Пг., 1917. С. 1.

подготовившая проект «Водного устава», так и не принятого в силу начавшейся Первой мировой войны²²⁸.

В 1909 г. к существовавшим отделу земельных улучшений и Гидрологическому комитету был добавлен Технический комитет для осуществления текущих гидрологических работ. Росли бюджетные ассигнования на мелиорацию с 800–900 тыс. руб. в 1905–1909 гг. до 10 млн руб. в 1913 г.²²⁹ В 1913 г. земства Воронежской, Тульской и Курской губерний при поддержке ведомства провели гидрологические обследования и выявили те направления, на которые планировалось потратить средства т.н. Романовского фонда – денежной помощи сельскому хозяйству в 150 млн руб., выделенной в честь празднования 300-летия Дома Романовых²³⁰. В 1908 г. Государственная Дума одобрила кредиты для ГУЗиЗ на улучшение и развитие животноводства, в особенности крестьянского. Мероприятия, начатые ведомством в 1902 г., были одобрены и признаны депутатами необходимыми. Средства планировалось направить на закупку племенного скота, расширение кормовой площади²³¹. В 1909 г., по сообщению географа и почвовед В. В. Морачевского, Государственная Дума рекомендовала ГУЗиЗ совместно с земскими и общественными организациями составить для каждой местности планы развития животноводства, что и было сделано к 1912 г. К 1913 г. Департаментом земледелия были утверждены 21 погубернских плана развития скотоводства, которые были рассчитаны на несколько лет и предусматривали государственную субсидию. Часть из них уже начала реализовываться в Московской, Уфимской и иных губерниях²³².

Интересен конкретный пример государственной мелиоративной помощи в укреплении берегов Угры и Оки в 1908–1910 гг.²³³ Мероприятия были инициированы по ходатайству калужского губернатора А. А. Офросимова от 30 мая 1908 г., направленному в ГУЗиЗ. В свою очередь, ходатайство губернатора было основано на обращении к нему губернской земской управы. Суть дела была в том, что берега Угры и Оки близ деревень Дворцы и Желыбино Калужского уезда рисковали обрушиться и засыпать реки, что отразилось бы на судоходстве и других, располагавшихся ниже по их течению губерниях. Достаточных денежных средств у калужского земства не было, поэтому они просили министерство взять на себя расходы по исследованию состояния берегов этих рек, составлению плана их укрепления и реализации гидротехнических работ²³⁴.

В силу того что реки как судоходные находились в ведении Министерства путей и сообщений, отдел земельных улучшений ГУЗиЗ направил туда копию этого ходатайства с просьбой составить заключение по делу. Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства путей и сообщений в подготовленной им справке указало на то, что деревня Дворцы на левом берегу Угры и деревня Желыбино на правом берегу Оки, располагались на подмываемых течением берегах и со временем могли быть обрушены. Однако это было обычным явлением для равнинных рек, которые протекали в слабых руслах наносного происхождения. По причине небольшой судоходности на этом участке Угры и Оки, укрепление их берегов было бы бесполезным и не диктовалось нуждами судоходства. Укрепление этих двух участков на фоне имевшихся наносов по всей длине рек не решало проблемы их обмеления в будущем,

²²⁸ Цинцадзе Н.С. История разработки «Водного устава» в предреволюционной России // В мире научных открытий. 2013. № 11.3. С. 189–194.

²²⁹ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности: 1837–1912 гг. / сост. Г. К. Гинс и П. А. Шафранов. Пг., 1914. С. 303–306.

²³⁰ Там же С. 307–308.

²³¹ Государственная Дума. Созыв III-й. Сельскохозяйственная комиссия. Доклады. СПб., 1909. С. 65–72.

²³² Краткие сведения о сельскохозяйственной деятельности земств в 1912 г. / сост. под ред. В. В. Морачевского. Пг., 1915. С. 34, 36.

²³³ РГИА.Ф. 426. Оп. 1. Д. 670.

²³⁴ Там же. Л. 1.

но могло быть мерой спасения крестьянских построек от разрушения. В силу этого данное министерство отказывало в выделении денежных средств на укрепление берегов Угры и Оки²³⁵.

В мае 1909 г. отдел земельных улучшений все же командировал на осмотр берегов инженеров-гидротехников московско-тверского Управления земледелия и государственных имуществ Р. П. Спарро и тульско-калужского Управления земледелия и государственных имуществ В. В. Долинино-Иванского. Затраты на перевозку инструментов и наем рабочих составили чуть более 52 руб. Результаты первичного осмотра проблемных участков убедили руководство отдела земельных улучшений в подготовке плана работ по укреплению берегов рек, особенно Угры у деревни Дворцы. На осуществление изысканий испрашивалось 150 руб. из средств, ассигнуемых на мелиорацию²³⁶.

В подготовленной Р. П. Спарро в августе 1909 г. записке о размывах левого берега Угры близ деревни Дворцы отмечалось, что, по словам местных жителей, каждый год при разливах реки происходили отмывы берега от 5 до 10 саж., что заставляло крестьян переселяться на более возвышенные места. Инженер-гидротехник, сопоставив данные с картой 40–50-летней давности, заключал, что большая часть деревни была под угрозой смыва реки, затоплению могли подвергнуться 300 дес. лугов. По этой причине требовалось принять срочные меры по предотвращению дальнейшего подмывания берега. Целесообразной и финансово доступной была мера по выпрямлению русла Угры в том месте (учитывая, что русло реки стремилось к этому), т.е. прорытие канала в основании излучины длиной около двух верст и устройство двух плотин, отрезавших излучину от русла. Для осуществления этого на практике требовалось провести инженерную съемку, гидротехнические работы, составление плана и пр.²³⁷

В технической записке В. В. Долинино-Иванского указывалось на то, что за 142 года, прошедших со времени проведения Генерального межевания, русло Угры сильно изменилось и было отмыто 110 дес. берега. В 1908 г. был зафиксирован разлив реки по ширине на 4 версты. В остальное время река была маловодна. Он соглашался с коллегой в необходимости выпрямления русла реки и устройства плотин, но предлагал более тщательно изучить скорость течения воды в реке в разные периоды, на что требовались дополнительные затраты, но эти исследования могли подсказать другие способы укрепления берега²³⁸. Его проект предусматривал затраты на сумму более 606 тыс. руб²³⁹.

В январе 1910 г. Р. П. Спарро подготовил окончательный проект решения проблемы: выпрямление русла Угры, укрепление берегов фашинами, тюфяками с песком, хворостяными работами, обсадка лощины ивняком, запрет на ее распашку. При этом общая стоимость работ в 16 653 руб. признавалась им высокой, притом что стоимость лугов в том уезде была ниже, чем стоимость проектируемых работ за 1 дес.²⁴⁰ Летом 1910 г. план работ, предложенный Р. П. Спарро, был одобрен инженером-гидротехником И. К. Сикорским. Он также рекомендовал произвести посадку ивняка по дну лощины, категорически запретить ее распашку в будущем. Однако выпрямление русла реки Сикорский считал нецелесообразным, т.к. проектируемые плотины не выдержали бы половодья. Инженер предлагал укрепить размываемый участок берега одним из имевшихся 52 способов. Если укрепление берегов оказалось бы затратным, то инженер предлагал переселить находившихся в зоне риска смыва крестьянские дворы на отруба или хутора с выдачей им государственного пособия²⁴¹.

²³⁵ Там же. Л. 2–3 об.

²³⁶ Там же. Л. 6–7 об.

²³⁷ Там же. Л. 18–18 об.

²³⁸ Там же. Л. 24 об.–25 об., 27.

²³⁹ Там же. Л. 44.

²⁴⁰ Там же. Л. 41–42 об.

²⁴¹ Там же. Л. 38–39 об.

В декабре 1910 г. ГУЗиЗ сообщало калужскому губернатору о ходе рассмотрения его обращения. Однако черновой вариант документа сохранился в частичном виде – отсутствует его концовка, что не позволяет установить, чем же завершилось то дело²⁴². Судя по приводимым расчетам, скорее всего, министерство остановилось на малобюджетном варианте укрепления берегов посадкой ивняка и др. стоимостью чуть более 18 тыс. руб. Примечательно, что необходимость укрепления берега Оки сохраняется и поныне. Так, на официальном сайте городского округа Луховицы Московской области сообщается, что на 2018–2019 гг. на укрепление берегов Оки в районе деревни Дединово ежегодно будут выделены 112 млн руб. из федерального бюджета и 88 млн руб. из областного бюджета. А проблема та же – размывание песчаных берегов²⁴³.

Весьма активной была работа Гидрологического комитета. На его заседании весной 1905 г. дискутировался вопрос о влиянии вырубки лесов и осушения болот в районе Бологое-Седлецкой железной дороги на судоходные условия Волги и Двины. В итоге обсуждения члены комитета пришли к выводу о вреде вырубки лесов и дренажа болот для рек²⁴⁴. В 1908 г. на одном из заседаний комитета его председатель С. Н. Никитин сообщал о возрастающем оскудении водоносности Центральной России, что было связано, по его мнению, с быстрым ростом населения и неравномерным расходом воды. Важной задачей Гидрологического комитета он считал обсуждение юридических вопросов, касавшихся сохранения и упорядочения водного хозяйства страны. Результатом такой деятельности должна была стать разработка общего водного закона страны, регулировавшего условия частного и общественного водопользования подземными и наземными водами, судоходными и несудоходными реками. Имевшееся к тому времени водное законодательство страны, как полагал С. Н. Никитин, страдало неполнотой: оно касалось лишь судоходных и сплавных рек, в то время как все несудоходные притоки, составлявшие источники их питания, были предоставлены в бесконтрольное распоряжение частных лиц, вплоть до права произвольного преграждения течения русла рек. По убеждению С. Н. Никитина, «реки – предмет ведения и охраны государства». Без законодательного ограничения прав частных землевладельцев на расход водных ресурсов, по его убеждению, мелиоративные меры были бы неэффективны²⁴⁵.

На заседании 19 декабря 1911 г. члены комитета обсуждали вопрос об организации лесоводных исследований. Их инициировала Постоянная комиссия по лесному опытному делу под руководством Г. Н. Высоцкого с целью осуществления совместных с Гидрологическим комитетом лесогидрологических наблюдений. География предполагаемых исследований включала Европейскую Россию, Крым, Кавказ. К ним планировалось привлечь ведущих специалистов: П. В. Отоцкого, Е. В. Оппокова, Н. С. Нестерова. Председатель Гидрологического комитета В. Е. Тимонов выразил одобрение по поводу предложения коллег, но рекомендовал разработать программу мероприятий, сузить границы и проблематику изысканий в интересах лесного дела и сельского хозяйства (влияние лесов на задержание и таяние снежного покрова, условия стока снеговых вод, на режим грунтовых вод) вследствие ограниченности во времени и в средствах. Г. Н. Высоцкий в целом согласился с доводами В. Е. Тимонова и предложил ограничиться районом Тульских засек в верховьях Дона. Член комитета Я. Я. Шварц заметил, что в условиях обширности территории страны и разнообразия ее естественно-природных условий одной станции было мало. К тому же он указал на отсутствие точных специальных инструментов для исследований.

²⁴² Там же. Л. 43–44 об.

²⁴³ Укрепление одного из берегов реки Оки начнут в 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <http://admlukhovitsy.ru/about/info/news/52769/> (дата обращения: 10.06.2019).

²⁴⁴ Гидрологический комитет. Журнал заседания 1 марта 1905 г. СПб., 1905. С. 53–55.

²⁴⁵ Извлечение из Журналов заседаний Гидрологического комитета с приложением докладов, проектов и отдельных соглашений 1908 г. СПб., 1909. С. 2, 15.

Относительно места, программы, времени проведения, учреждения-исполнителя этих изысканий приглашенный на заседание вице-директор Лесного департамента Н. В. Грудистов заметил, что эти вопросы должны были быть рассмотрены специально созданной комиссией с участием заинтересованных ведомств. В итоге Гидрологический комитет заключил, что лесогидрологические исследования имели важное научное и практическое значение, но в силу сложности и большой стоимости не могли быть предприняты в полном объеме. По причине важности изучения влияния леса на снежный покров и грунтовые воды для нужд сельского хозяйства и лесоводства признавалось необходимым начать исследования именно с этого. Для разработки конкретной программы исследований рекомендовалось образовать комиссию из членов Гидрологического комитета и Постоянной комиссии по лесному опытному делу ²⁴⁶.

Очень важную информацию о подготовке к систематизации водного законодательства страны к середине 1910-х гг. сообщил на заседании Гидрологического комитета 31 мая 1914 г. Д. С. Флексор. В частности, он констатировал отсутствие в России единого и самостоятельного водного законодательства. Вопросы водопользования, как он отмечал, нормировались некоторыми узаконениями в связи с лесным, мелиоративным и санитарным хозяйствами. Основное место в правовом регулировании водного хозяйства занимал Лесоохранительный закон 1888 г. и дополнения к нему 1901 г., мелиоративный закон 20 мая 1902 г. о проведении канав через чужие земли, несколько статей уголовного и строительного законодательства. Он объявил о подготовке проекта общего «Водного устава» страны, который существенно ограничивал бы частное водопользование с целью обеспечения сохранности и водности рек ²⁴⁷.

Продолжалась работа в сфере сельскохозяйственного просвещения. Новым типом низших сельскохозяйственных образовательных учреждений стали практические сельскохозяйственные школы для подготовки рабочих по разным отраслям сельского хозяйства. С 1908 г. стали открываться начальные сельскохозяйственные школы, куда для профильного обучения принималась крестьянская молодежь. Всего к 1913 г. низших школ было 279. Средних сельскохозяйственных образовательных учреждений было 18. Они готовили агрономов, инструкторов и др. Высших учебных заведений было 10. Крупнейшим из них был Московский сельскохозяйственный институт. С 1904 г. стали появляться частные женские высшие курсы, которым оказывалась правительственная поддержка, – например, Стебутовские высшие женские сельскохозяйственные курсы в Санкт-Петербурге. Финансирование сети учебных заведений аграрного ведомства росло: в 1899 г. оно составляло 2 млн руб., в 1909 г. – 4,3 млн руб., в 1912 г. – 6,8 млн руб. Увеличилось и число учащихся в них с 2 715 чел. в 1889 г. до 16 137 – в 1912 г. ²⁴⁸

Кроме специальных учебных заведений, сельскохозяйственные знания распространялось через сеть внешкольного обучения – различные курсы, классы, чтения и беседы. Ширился охват числа слушателей народных чтений. К 1912 г. он достиг 1,6 млн чел. С 1913 г. по железным дорогам Европейской России и Сибири ездили поезда-музеи, в которых устраивались сельскохозяйственные чтения. Создавались учебно-показательные учреждения (питомники, поля, сады и др.). Наглядное значение имели образцовые сельскохозяйственные фермы. Их к 1912 г. было 10. Проводились сельскохозяйственные выставки, съезды. К 1912 г. существовало около 4 тыс. сельскохозяйственных обществ ²⁴⁹.

Сеть опытных станций расширилась и в 1913 г. насчитывала 194 учреждения. Более половины из них составляли опытные поля. Департамент земледелия субсидировал местные естественно-исторические исследования, содержал метеорологические станции. Расходы на

²⁴⁶ РГИА. Ф. 427. Оп. 1. Д. 4. Л. 8–12.

²⁴⁷ Журнал заседаний Гидрологического комитета Главного управления землеустройства и земледелия. 1914 г. Пг., 1915. С. 255–257.

²⁴⁸ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности: 1837– 1912 гг. / сост. Г. К. Гинс и П. А. Шафранов. Пг., 1914. С. 231–232, 234–236.

²⁴⁹ Там же. С. 237–243.

опытное дело к 1914 г. достигли 4,6 млн руб.²⁵⁰ Не оставались незамеченными достижения опытного поля и питомника Московского сельскохозяйственного института: после премирования на Всероссийской выставке семян в 1908 г. золотой медалью экспонатов его селекционной работы семеноводство и селекция института получили субсидирование от Департамента земледелия²⁵¹.

В 1909–1913 гг. на лесоустройство тратилось более 2 млн руб.²⁵². Активное лесовозобновление началось с конца 1890-х гг. Денег на это особо не хватало (в год выделялось не более 210 тыс. руб.), поэтому работы шли медленно. С 1899 г. с покупателей леса взимался особый денежный залог в 5% от стоимости леса, который поступал на нужды лесного хозяйства²⁵³. В центре внимания ведомства находились вопросы исследования и устройства казенных лесов. Под влиянием мнения Государственной Думы Лесной департамент ГУЗиЗ разработал план лесоустроительных работ, в том числе включавший исследование лесов Европейской и Азиатской России, рассчитанный на 20 лет: с 1909 по 1928 г. В 1909 г. Государственная Дума утвердила этот проект²⁵⁴.

В составленной в 1907 г. записке вице-инспектора Корпуса лесничих О. В. Маргграфа содержится обзор состояния государственного лесного хозяйства империи и предложения по его улучшению, повышению доходности²⁵⁵. По данным Лесного департамента на 1904 г., площадь лесов в Российской империи составила 244 222 250 дес., из которых 105 931 706 дес. приходились на Европейскую Россию, 4 751 006 дес. – на Кавказ, 133 539 538 дес. – на Азиатскую Россию. Причем данные о последнем регионе, как считал, Маргграф, были неполными и явно преуменьшенными, т.к. не включали сведений о площади лесов в Приморской (без Сахалина она равнялась 115 млн дес.) и Амурской (почти 107 млн дес.) губерниях. Притом, что еще отсутствовали данные о лесах Якутской области. Учитывая это, площадь лесов в империи насчитывала 466 млн дес. Из всей площади казенных лесов, подотчетных Лесному ведомству (т.е. 244 млн дес.), исследовано было лишь почти 49 млн дес. или 20%. Причем устроены были лишь чуть более 18 млн дес. леса, или 7,5%.

Не умаляя важности исследования лесов для лесного хозяйства страны, чиновник лесного ведомства считал важным именно лесоустройство, которое, по его мнению, являлось «прочным фундаментом... на много лет вперед»²⁵⁶. Больше всего устроенных лесов (более 50%) было в Европейской России, за исключением Олонецкой, Пермской, Оренбургской, Ярославской, Курской, Екатеринославской и Седлецкой губерний. Последнее объяснялось малыми размерами казенных лесных дач, из которых систематически производились раздачи, причем их объемы не отслеживались. Между тем северные и южные леса необходимо было привести в порядок, «соответствующий их ценности». Неустроенное лесное хозяйство, по мнению Маргграфа, не могло быть рациональным. Чиновник осознавал, что устройство лесов Европейской России требовало значительных финансовых, временных и кадровых затрат, поэтому он предлагал осуществлять их рациональное использование поэтапно, начиная с самых ценных лесов, приносящих большой доход казне. Начать можно было с крупных и менее устроенных лесов Пермской, Олонецкой и Вятской губерний. Вообще, на доустройство лесов Европейской Рос-

²⁵⁰ Там же. С. 245–250.

²⁵¹ Рудзинский Д. Л. Воспоминания селекционера // Селекция и семеноводство. 1947. № 11. С. 12–13.

²⁵² Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности: 1837–1912 гг. / сост. Г. К. Гинс и П. А. Шафранов. Пг., 1914. С. 167.

²⁵³ Там же. С. 169.

²⁵⁴ Зайцев Д. М. Государственное лесное хозяйство в связи с аграрной реформой и нуждами промышленности. СПб., 1910. С. 27–29.

²⁵⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 50. Д. 86. Л. 51–70 об.

²⁵⁶ Там же. Л. 51–51 об.

сии О. В. Маргграф рассчитывал сумму в 9,5 млн руб. (из расчета по 55 коп. на 17 232 109 дес.)²⁵⁷.

Отдельным районом в Европейской России были леса Архангельской и Вологодской губерний общей площадью 71,5 млн дес., которые образовывали отдельный район в общем казенном лесном хозяйстве. 80% Северного района занимали леса. Их доля в общем лесном фонде империи составляла более 67%. Это неравномерное распределение лесов давно было замечено учеными и чиновниками лесного ведомства. При низкой плотности населения Северного района и высокой его лесистости (в Архангельской – 50%, Вологодской – 87%) леса должны были активнее обслуживать потребности в лесном материале Европейской России (при ее высокой плотности населения и скудости лесных запасов) и экспортироваться за границу. При этом состояние лесоустройства Северного района было крайне неудовлетворительным: по данным за 1904 г., устроено было лишь 33,3% его лесной площади. И связано это было «с ничтожностью жертв, принесенных государством для улучшения хозяйства в столь громадном по своей ценности имуществе, которое представляют северные казенные леса»²⁵⁸.

Продолжилось законодательное ограничение лова рыб в Волжско-Каспийском водном бассейне: в 1905 г. устанавливался размер ячей в сетях, в 1911 г. вводились запретные периоды на лов не только красной, но и промысловой рыбы. В Азовском и Черном морях в 1909 г. был запрещен траловый лов рыб. В 1910 г. в северных морях также было урегулировано рыболовство²⁵⁹. При этом отмечалось, что на окраинах империи (Дальний Восток, Архангельская губерния, Сибирский Север) «рыбные промыслы в значительной степени захвачены иностранцами: англичанами, норвежцами, японцами». И далее читаем: «В районах главного русского рыболовства – богатейший Прикаспийский край и Азовско-Донской край – наблюдается истощение рыбных богатств. Внутренние же воды Европейской России обеднели рыбой настолько, что рыболовство в них почти потеряло промышленное значение».

Причинами преобладания иностранного промысла на окраинах России была их необходимость, высокие железнодорожные тарифы на перевозку морских грузов, которые в 1912 г. были снижены, что благоприятно сказалось на отечественном рынке. Причинами истощения рыбных ресурсов в Европейской России были рост численности населения, бурное развитие промышленности и сельского хозяйства. Эти факторы в значительной мере оказывались неустрашимы. Нарушение природного режима рек и обезрыбление вызвали практику искусственного рыборазведения: за счет казны и земств в ряде внутренних губерний открылись несколько рыбоводных хозяйств. Причины истощения рыбных богатств Волги и Каспия крылись в неправильной постановке рыбного хозяйства, «нарушении равновесия между приходом и расходом “рыбного имущества”».

С целью исправления ситуации организовывались специальные научные экспедиции, вводились ограничения на орудия и время лова рыб, в моря массово выпускались искусственно разведенные мальки, улучшались места и условия естественного размножения рыб. В планах ведомства было превращение наиболее благоприятной для рыборазведения Волжский дельты в сплошной рыборазводный завод. Это была грандиозная задача, поэтому к ней было решено идти постепенно. Затраты на рыбное дело за 1909–1913 гг. возросли с 376 тыс. до 1,1 млн руб. При этом и доходность отрасли поднялась на 50%²⁶⁰.

Большое внимание ведомство уделяло переселению избыточного крестьянского населения за Урал. Закон о переселении действовал с 1889 по 1904 г., в 1904 г. он был обновлен.

²⁵⁷ Там же. Л. 53 об.–57 об.

²⁵⁸ Там же. Л. 58–59.

²⁵⁹ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности: 1837– 1912 гг. / сост. Г. К. Гинс и П. А. Шафранов. Пг., 1914. С. 346, 348, 350–352.

²⁶⁰ Главное управление землеустройства и земледелия. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб., 1914. С. 35–36.

С конца 1890-х гг. отток населения из Европейской России усилился. Этому способствовало строительство Транссибирской железной дороги. Для организации переселения был создан специальный государственный фонд в 22 млн руб. В 1896 г. было создано Переселенческое управление²⁶¹. В 1913 г. ассигнования на Главное переселенческое управление составили 28,2 млн руб., став одной из основных статей его расходов²⁶². Динамика переселений была такова: с 1861 по 1885 г. переселилось 300 тыс. чел., с 1885 по 1905 г. – 1,5 млн чел., с 1906 по 1912 г. – 3 млн чел²⁶³. Правда, в последний период 10% ежегодно возвращались обратно из-за материальной необеспеченности, неподходящих условий хозяйствования, неурожаев на новых местах²⁶⁴. Помимо масштабных переселений в Сибирь, ГУЗиЗ занималось расселением мало-земельных крестьян из Центра России на север и восток Европейской России²⁶⁵.

Интересны итоги деятельности ведомства, которые оно подвело за 1909–1913 гг., накануне начала Первой мировой войны. В области сельского хозяйства ГУЗиЗ в заслугу себе ставило увеличение втрое сбыта сельскохозяйственных орудий, лучших семян и искусственных удобрений, расширение штата агрономов до 10 тыс. чел., землеустройство 17 млн дес. земли в 2 млн крестьянских дворов, переселение в Азиатскую Россию 2 млн чел., для расселения которых было отведено 18 млн казенной земли. В Воронеже был учрежден высший сельскохозяйственный институт. В сфере лесного хозяйства было лесоустроено 77 млн дес. казенных лесов. Их валовая доходность увеличена на 40%.

При этом чиновники сельскохозяйственного ведомства понимали, что еще многое предстояло сделать. Они отмечали недостаток собственных наличных средств (кадровых, финансовых) для реализации поставленных жизнью задач, поэтому призывали «теснее привлечь к общей работе земские и общественные силы», «во много раз усилить и затраты казны на сельскохозяйственные мероприятия». ГУЗиЗ ставило перед собой конкретные задачи. Во-первых, необходимо было обеспечить предотвращение дробления крестьянских хозяйств, собранных усилиями ведомства из чересполосных клочков в жизнеспособные хозяйства. Для этого был разработан законопроект о недробимости мелкой земельной собственности ниже определенной нормы. Во-вторых, требовалось завершить землеустройство старожилов в Сибири, закрепив имевшиеся в их пользовании государственные участки земли в собственность. В-третьих, важной государственной и колонизационной политикой должно было стать перенесение коневодства за Урал в силу дороговизны и истощенности земли в Европейской России. Уменьшение численности лошадей угрожало интересам народного хозяйства и даже военной обороне (был затруднен т.н. кавалерийский ремонт). Кроме того, в лесном деле необходимо было настойчиво продолжать начатое упорядочение казенного лесного хозяйства. Требовалось ускорить лесоустройство, увеличить численность лесной стражи и лесничих, «гораздо шире вести лесовозобновление на вырубленных площадях и зарощение песков и оврагов». Важно было то, что правительство в ближайшее время ставило задачу выкупа частных лесов в казну – «иначе частные леса скоро будут истреблены». Площадь казенных лесов должна была увеличиться за счет частных, крестьянских. И, внимание, ГУЗиЗ заявляло: «Леса – общенародное достояние» (Ничего не напоминает?) При этом ведение лесного хозяйства требовало плановости и осмотрительности, что под силу было только государству²⁶⁶.

²⁶¹ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности: 1837– 1912 гг. / сост. Г. К. Гинс и П. А. Шафранов. Пг., 1914. С. 64–68.

²⁶² Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / ред.-сост. А. М. Анфимов, А. П. Корелин; отв. ред. А. П. Корелин. СПб., 1995. С. 156.

²⁶³ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности: 1837– 1912 гг. / сост. Г. К. Гинс и П. А. Шафранов. Пг., 1914. С. 73.

²⁶⁴ Там же. С. 83.

²⁶⁵ Там же. С. 71.

²⁶⁶ Главное управление землеустройства и земледелия. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб., 1914.

В последнем отчете ведомства за 1914 г. отмечались, во-первых, сокращение финансирования на 13 млн руб. (вместо запланированных на 1914 г. 157,5 млн было получено 144,5 млн руб.), во-вторых, вызванная мобилизациями служащих ведомства на фронт, затруднениями в перевозках, поставках и пр. приостановка многих направлений деятельности ГУЗиЗ. Особенно на масштабе и темпах землеустроительных работ сказались мобилизации специалистов сельского хозяйства: было запланировано межевание на площади свыше 7,5 млн дес. земли усилиями 7 тыс. землемеров, 3,8 тыс. землеустроителей и 700 гидротехников, четверть из которых были призваны в армию. Заменить выбывших специалистов было нечем, поэтому были сокращены объемы работ. Несмотря на это, удалось провести размежевание 4 тыс. дес. земли. Всего к началу 1915 г. было завершено землеустройство 22 млн дес. земли. Интенсивное переселение за Урал и обратное возвращение переселенцев сократились²⁶⁷.

Благодаря помощи ведомства удалось предотвратить массовую продажу скота на убой в северных губерниях вследствие неурожая кормовых трав в 1913 и 1914 гг.: посредством показательных кормлений и просветительских бесед наряду и вместо грубых кормов крестьяне стали использовать концентрированные корма²⁶⁸. Продолжились работы по распространению сельскохозяйственных знаний, в т.ч. и через организацию агрономических поездов. В то же время опытное дело приостановилось из-за недополученных ассигнований, но продолжились опыты в сфере разработки минеральных удобрений. И вообще, научные работы в сфере растениеводства, семеноводства, энтомологии, зоологии демонстрировали успехи. Развивалось рыбководство²⁶⁹.

Заметно были сокращены бюджетные ассигнования на сельскохозяйственные улучшения: до июля 1914 г. из мелиоративного фонда был получен 1 млн руб.; затем за последние 5 месяцев 1914 г. – всего 108 136 тыс. из проектируемого 1 с лишним млн руб. Остальные средства ушли на обеспечение армии. Полученные ссуды были переданы земствам на нужды крестьянских хозяйств. Мелиоративные работы в основном проводились в Закавказье и Средней Азии. Резко сократились доходы от вывоза казенного леса за границу: за 1914 г. всего было вывезено 224,3 млн пудов леса на 104 млн руб., в то время как в 1913 г. продали 460,6 млн пудов леса на 163,6 млн руб. Внутренняя лесная торговля пострадала меньше (на 14,5 млн руб.) и в основном на территориях, располагавшихся близ военных действий. Расходы на лесное хозяйство составили 40 млн руб. вместо запланированных 41 млн руб. Сокращение финансирования отразилось в особенности на лесокультурных и лесовосстановительных мероприятиях: они вследствие уменьшения отчислений с 3 до 2,3 млн руб. были сокращены на 25%. При этом составители обзора не видели опасений в этом, т.к. за 1909–1914 гг. удалось осуществить лесоустроительные работы в объемах, превышавших установленные планом на 15 млн дес. Всего в 1914 г. удалось лесоустроить 16 млн дес. вместо проектируемых 18 млн дес. леса²⁷⁰.

Деятельность Министерства земледелия в 1915–1917 гг

За 1915–1917 гг. до начала Февральской революции МЗ работало в крайне неблагоприятных условиях, что вызвало сворачивание начатых мероприятий в сфере лесоустройства, мелиорации и пр. За то непродолжительное время сменилось три министра земледелия: А. Н. Наумов (ноябрь 1915 г.– июль 1916 г.), А. А. Бобринский (июль–ноябрь 1916 г.), А. А. Риттих

С. 37, 40–41.

²⁶⁷ Главное управление землеустройства и земледелия. Обзор деятельности за 1914 год. Пг., 1915. С. I–II, IV.

²⁶⁸ Там же. С. IX.

²⁶⁹ Там же. С. XII–XIII, XV.

²⁷⁰ Там же. С. XV–XVIII.

(ноябрь 1916 г. – февраль 1917 г.). Министерству приходилось работать в чрезвычайных условиях войны и жесточайшего продовольственного кризиса. После учреждения в августе 1915 г. Особого совещания по продовольствию министерство фактически превратилось в его центральный аппарат. На деятельность Министерства земледелия негативное влияние оказывали его межведомственные разногласия с Министерством внутренних дел, Министерством финансов, Военным министерством, обострившаяся политическая борьба²⁷¹.

Отдельные упоминания о деятельности ведомства в тот период мы обнаружили в архивном фонде Министерства земледелия Временного правительства ГА РФ. Так, из переписки Департамента Министерства земледелия и Главного управления земельными фондами в сентябре-октябре 1917 г. узнаем, что в 1916 г. под председательством товарища министра земледелия начал функционировать межведомственный Школьный комитет, учрежденный при Министерстве земледелия «для общего руководства и наблюдения за целесообразной постановкой преподавания в народных школах основ Родиноведения, Природоведения и Естествознания в применении к сельскому хозяйству». В Школьный комитет входили представители трех Министерств – земледелия, народного просвещения и вероисповедания²⁷².

Через Ветеринарное управление Министерства внутренних дел решался вопрос обеспечения армии скотом. Экспедицией по закупке скота в Монголии руководил полковник П. К. Козлов. В 1915 г. Ветеринарное управление выделило ему 25 тыс. доз противочумной сыворотки для прививания закупленного скота и 4 млн руб. для закупки очередной партии скота в Монголии. В 1917 г. на это мероприятие планировалось затратить 26 млн руб., но в июле 1917 г. было выделено всего 5 млн руб.²⁷³

* * *

Если исходить из того, с чего мы начали наше рассуждение, то стоит признать, что социоприродные проблемы позднего аграрного общества Европейской России центральным аграрным ведомством страны осознавались и подвергались корректировке с учетом имевшихся приоритетов и условий развития. Иными словами, они получили половинчатое решение. Наполовину решенная проблема – это все же лучше, чем проблема вообще не решенная. Сельскохозяйственное ведомство страны в поздний пореформенный период уделяло внимание рациональному природопользованию. Оно повышалось по мере углубления и обострения аграрного и экологического кризиса в стране. Последний набирал обороты параллельно с ростом численности крестьянского населения. Аграрная политика развивалась в направлении от констатации кризисных явлений до их активного обсуждения, ликвидации и предупреждения. Приведенные в официальных обзорах ведомства за изучаемый период данные свидетельствуют о росте финансирования таких направлений, как мелиорация земель, лесовозобновление, расселение избыточного населения на пустовавшие земли Сибири, регулирование рыбного промысла. Несомненно, в условиях спокойного времени грандиозное значение имели бы сельскохозяйственные мероприятия, заложенные в т.н. Романовском фонде. Таких беспрецедентных сумм на мелиорацию правительство никогда еще не выделяло (2% бюджета). Положительные последствия ожидалось от запланированного до 1928 г. лесоустройства всех лесов страны. Не менее важными были долгосрочные проекты в сфере улучшения животноводства.

²⁷¹ *Воронов И. И.* Министерство земледелия в царствование Николая II (1894–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12. Ч. 1. С. 51–55.

²⁷² ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–2.

²⁷³ ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 421. Л. 2–2 об., 6–7, 25, 27.

Во всех обзорах прослеживается ясное понимание чиновниками ведомства причин и следствий антропогенной нагрузки на природные ресурсы. Поистине революционными для начала 1870-х гг. были выводы и предложения т.н. Валуевской комиссии и инициативы самого министра П. А. Валуева. Уже тогда дискутировались вопросы выпашивания почв, чрезмерного роста пашни в ущерб другим угодьям, необходимость орошения, осушения земель, лесосохранения. Весьма осторожно, но вполне отчетливо члены комиссии задолго до С. Ю. Витте и П. А. Столыпина говорили об уничтожении (трансформации?) крестьянской общины. Глубокими и правильными были рассуждения министров А. С. Ермолова, Б. А. Васильчикова и др. Да и сам император Николай II неравнодушно относился к состоянию природной среды.

Однако коренным образом решить указанные проблемы правительство не могло, сконцентрировавшись в начале XX в. на осуществлении аграрной реформы. Переселение избыточного населения Европейской России, освоение Сибири, обеспечение строительства Транссиба, защита границ – вот что было главным тогда для власти. Поворотным моментом в интенсификации природосберегательной политики министерства стали засуха и неурожай 1891–1892 гг. Проблема водоснабжения приобрела тогда статус национального бедствия. Недостаток воды провоцировал вынужденную миграцию крестьян в иные, лучшие места проживания. Масштабы роста летучих песков грозили засыпать оставшиеся плодородные земли. Именно социо-природный кризис заставил реорганизовать ведомство, создать новые отделы с учетом плачевного состояния водных, лесных ресурсов, роста оврагов и песков. Однако после того, как ситуация улучшалась, власть и общество расслаблялись, временно забыв о наличии мины замедленного действия в виде застарелых экопроблем.

Относительно деликатного и спорного вопроса о финансировании таких направлений, как землеустройство, лесоустройство, рационализация сельского хозяйства, водосбережение, агрономическое просвещение и пр., можно сказать, что оно скорее было недостаточным, на что неоднократно указывали чиновники ведомства всех его уровней, включая главноуправляющих и министров, а также заинтересованные и небезразличные к социоприродным проблемам современники. При этом делая такой вывод, стоит иметь в виду относительность этого суждения: какую сумму считать достаточной в условиях тех десятилетий? Да и в сравнении с чем это финансирование было не большим? Содержание систем образования и культуры было не столь же оптимистичным, но вполне сопоставимым с сельским хозяйством в части его улучшений. Если сравнивать государственные отчисления за тот же период на армию и оборону, ведение войн, чиновничий аппарат, в конце концов то эта разница будет еще очевиднее.

Обратимся к конкретным и официальным цифрам. Расходы на Департамент сельского хозяйства, позже – Департамент земледелия и сельской промышленности выросли с 165 350 тыс. в 1861 г. до 1,7 млн руб. в 1887 г. Расходы по Лесному департаменту также выросли с 1,3 млн в 1861 г. до 8,9 млн руб. в 1887 г. При этом графа о расходах по управлению Корпуса лесничих была пуста до 1866 г., с 1867 г. – отсутствовала вовсе. Однако было и дополнительное финансирование по лесному ведомству, объемы которого варьировались (самым крупным было отчисление более 1 млн руб. в 1874 г.). При этом доход от лесного хозяйства с 1861 по 1887 г. вырос с 1,3 до 14 млн руб.²⁷⁴

Судя по данным за 1888–1913 гг., расходы на Департамент земледелия и сельской промышленности выросли с 1,7 до 29,4 млн руб. Расходы по Отделу земельных улучшений с 1896 по 1913 г. показывали также динамику увеличения с 894 142 тыс. до 10 млн руб. При этом рост не был непрерывным: в 1904–1906 гг. расходы упали до минимальных 522–536 тыс. руб. и резко увеличились в 1911 г. до 2,9 млн, в 1912 г. составили уже 6,6 млн и в 1913 г. достигли

²⁷⁴ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887: в 5 ч. СПб., 1888. Часть 1. Учреждение и преобразования Министерства. Приложение 2. Данные доходов и расходов Министерства государственных имуществ за 1837–1887 гг. С. 95–103.

рекордных 10 млн руб. Доходы от Департамента земледелия и сельской промышленности были нестабильны: в 1888 г. они равнялись 7,6 млн, пика в 9,3–9,6 млн руб. достигли в 1892–1894 гг., период минимума в пределах 2,6–2,8 млн руб. пришелся на 1895–1897 гг., 1907–1908 гг. Доходы же Лесного департамента с 1888 по 1913 г. фантастически выросли с 13,7 до 94,7 млн руб., в то время как расходы колебались от 8,8 до 34,5 млн руб. (в 1895–1897 гг. они упали до 7,5–8 млн руб.)²⁷⁵. Цифры демонстрируют рост доходности государственного лесного хозяйства с 1861 по 1913 г. (причем рост неуклонный, без колебаний в сторону понижения) на 93,4 млн руб., или в 72 раза. При этом расходы на него за тот же период выросли всего на 33,2 млн руб., или в 27 раз без учета лет с заниженным финансированием. Среднегодовой показатель отчислений на Департамент земледелия и сельской промышленности за 1888–1913 гг. равнялся 5,7 млн руб., на земельные улучшения – 1,3 млн руб. В последнем случае с постоянными колебаниями.

Расходы на образование выросли с 3,7 млн в 1861 г. до 36,6 млн руб. в 1902 г.²⁷⁶ В 1913 г. они составили уже 143,1 млн руб. Расходы на Военное министерство в 1900 г. были 300,9 млн руб., а в 1913 г. достигли суммы 581,1 млн руб. При этом в структуре расходной части бюджета военные траты неуклонно росли с 25,6% в 1900 г. до 28,5% в 1913 г. Совокупно Главное управление землеустройства и земледелия в 1900 г. получило из бюджета 39 млн руб., в 1913 г. – 135,8 млн руб.²⁷⁷

Стоит согласиться с выводами Э. Г. Истоминой о том, что «действия лесного ведомства многие десятилетия были направлены на осуществление политики, в основном нацеленной на получение высокого дохода с государственных лесов без затраты особых средств на их устройство и рациональную эксплуатацию». По ее подсчетам, чистый доход казны от лесов с 1886 г. по 1906 г. увеличился на 401%, а расходы были минимальными²⁷⁸.

По данным дореволюционного и раннесоветского экономиста З. С. Каценеленбаума, одного из создателей Госбанка СССР, государственные затраты на мелиорацию были очень минимальны. Так, в 1909 г. они составляли 0,19% от бюджета, в 1910 г. – 0,26%, в 1911 г. – 0,49%, в 1912 г. – 0,44%, в 1913 г. – 0,48%. В среднем в год правительство тратило на эти цели лишь 0,38%, или 0,5% чистого расходного бюджета. Беспрецедентная сумма на земельные улучшения в 150 млн руб., или 1,5–2% от всего бюджета империи, была выделена в рамках празднования 300-летия Дома Романовых (т.н. Романовский фонд). Однако благой план не был реализован в связи с начавшейся Первой мировой войной²⁷⁹. Так, экономист З. С. Каценеленбаум сетовал на крайнюю скупость правительства при отчислении средств на рекультивацию земель. До революции, в период с 1909 по 1913 г., на эти нужды было потрачено всего лишь 10 млрд руб., или 23% расходов бюджета. Большая часть государственных средств вкладывалась в железнодорожный транспорт, городское строительство и индустрию²⁸⁰. При этом надо понимать, что, как бы ни убедительно выглядели цифры, приведенные З. С. Каценеленбаумом в доказательство своего утверждения о скупости царского правительства на сельскохозяйственные улучшения, что в тот период (1921 г.) он уже работал на большевиков, и привел эти данные для того, чтобы убедить советское правительство повысить свои затраты на мелио-

²⁷⁵ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности: 1837–1912 гг. / сост. Г. К. Гинс и П. А. Шафранов. Пг., 1914. Приложение 3. Бюджет ведомства за последние 25 лет (1888–1913 гг.). С. 33–37.

²⁷⁶ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 733–734.

²⁷⁷ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник / ред.-сост. А. М. Анфимов, А. П. Корелин; отв. ред. А. П. Корелин. СПб., 1995. С. 155, 157.

²⁷⁸ *Истомина Э. Г.* Лесное хозяйство губерний Европейской России в XIX – начале XX в.: механизмы управления и охраны // Вестник РГГУ. 2014. № 17. С. 181.

²⁷⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 134. Л. 6.

²⁸⁰ Там же. Л. 36–40, 43.

рацию, не повторяя ошибок предшествующей власти. Мы не обвиняем экономиста в манипуляции цифрами, но критично оцениваем их.

Не вызывает сомнений, что при бюджетировании интенсификация сельского хозяйства не относилась к числу приоритетных статей казенных дореволюционных расходов. Государство охотнее вкладывало в армию и оборону, чем в сельское хозяйство, тем более в лесоустройство и водосбережение. В аграрной России сельскохозяйственная отрасль народного хозяйства воспринималась как сфера, пополнявшая государственный консолидированный бюджет и обеспечивавшая продовольственное, топливное, строительное и иное снабжение. Для государства на первом месте, даже при осознаваемом и осязаемом экокризисе, стояла доходность отрасли, ее повышение, а не природоохрана. Со временем последней стало уделяться внимание, но оно оказывалось как-то попутно с проведением иных мероприятий и периодически (от засухи к засухе, например), спорадически (меры природовосстановления были локальными). Разумеется, при обширности территории империи не стоило ожидать всеохватывающей государственной политики в области природосбережения сельскохозяйственных ресурсов. При этом явно заметно, что для ведомства иерархия природно-хозяйственных ресурсов выглядела так: земля-лес-вода. Она была именно такой в силу общего хозяйственно-утилитарного подхода. Объемы денежных затрат на восстановление того или иного типа природного ресурса зависели от уровня его доходности, окупаемости и ценности для бюджета.

Несмотря на столь практичное государственное отношение к природной среде как экономическому ресурсу, а не жизнеобеспечивающему и важному с точки зрения соблюдения разумного баланса между природой и социумом, необходимо отметить энергичные правительственные меры по агропросвещению и образованию общества на всех уровнях – от приходских школ до высших учебных заведений. За пореформенный период центральное сельскохозяйственное ведомство разработало и апробировало различные формы агровоспитания и агрообразования: публичные лекции, беседы, агропоезда, выставки, музеи и пр. Успехи этой работы были очевидны²⁸¹. Ширилась сеть агрономических участков на селе, росли кадры сельских агрономов. Крестьяне воспринимали научно обоснованные методы агрокультурного хозяйствования. Российская земледельческая культура обогащалась, модернизировалась²⁸². На содержании у государства были сотни сельскохозяйственных обществ, метеостанций, опытных полей и пр. Все это в конечном итоге, несомненно, сыграло позитивную роль и в практике сельского хозяйства, и в формировании здорового экоменталитета россиян.

Стоит учитывать то, что активизация мелиоративных работ пришлась на конец 1890-х – 1900-е гг. Социально-экономические проблемы же копились десятилетиями, наслаивались друг на друга, усугубляя общую экоситуацию, и требовали более раннего начала и комплексного подхода в их решении. Времени и стабильных условий для этого не было: Россия воевала на фронтах Первой мировой войны, стремительно скатывалась в революционный и гражданский хаос. При нормальном течении обстоятельств (без социально-политических пертурбаций) Российская империя следовала бы выбранному и четко обозначенному курсу на эволюционное, поэтапное, с годами оказывавшей стремление к повышению интенсификации сельскохозяйственной отрасли.

К 1914 г. сложилась продуманная политика аграрного министерства в сфере сельского хозяйства и мелиорации. Начавшаяся война прервала естественный, поступательный процесс эволюции этой политики в сторону дальнейшего расширения природоохранительных и при-

²⁸¹ Книга М. Д. Первые шаги Министерства земледелия и государственных имуществ в сфере сельскохозяйственного просвещения в Российской империи в 90-х годах XIX века // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2015. № 4. С. 308–313.

²⁸² Плаксин В. Н. Организация агрономической помощи крестьянству как важная составляющая в деятельности Главного управления землеустройства и земледелия в период Столыпинской реформы // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2014. № 3. С. 284–290.

родовосстановительных мероприятий. Страна уже шла по пути к кодификации водного законодательства, разумному землеустройству, лесоустройству, мелиорации, переводу вод и лесов в публичную собственность. Однако роскошь в виде внутривнутриполитической и внешнеполитической стабильности таяла на глазах. Военно-революционная стихия грубо и кроваво обрушила, смяла эту тенденцию, по сути, «обнулила» все достигнутые успехи, отчего пострадали все: и природа, и общество, и государство.

2.2. Экологические аспекты аграрной политики Временного правительства

После падения монархии в марте 1917 г. Временное правительство стало правопреемником власти. Известно, насколько острым, помимо иных, был тогда аграрный вопрос. Вполне логичным стал наш поиск экологических аспектов аграрной политики Временного правительства в области регулирования хозяйственного использования природных ресурсов. Разумеется, экологическая проблематика в современном нам понимании в качестве самостоятельного направления государственной политики тогда не существовала, однако выявленные нами отдельные экологические сюжеты в политике Временного правительства позволяют составить представление о восприятии властью проблем природопользования. Изученные тренды в указанной деятельности Временного правительства помогут определить преемственность в государственном регулировании социоприродных проблем позднего аграрного общества в конце XIX – первой трети XX в., а также потенциал и причины нереализованных предложений.

Интересующие нас социоприродные аспекты аграрной политики Временного правительства выявлены нами в результате анализа деятельности Министерства земледелия, а также подведомственного ему Главного земельного комитета (ГЗК) и сочувствующей Лиги аграрных реформ (ЛАР). Известно, что для подготовки основ земельной реформы 21 апреля 1917 г. был создан Главный земельный комитет во главе с экономистом, прогрессистом А. С. Посниковым. Его заместителями были эсер С. Л. Маслов и энес В. И. Анисимов; членами комитета в разное время были кадеты Н. Н. Черненко и А. А. Кауфман, радикал-демократ Б. Д. Бруцкус, представители организационно-производственной группы экономистов-аграрников А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. Н. Минин, А. А. Рыбников, эсеры Н. Я. Быховский, Н. Д. Кондратьев, Н. И. Ракитников, член ЦК РКП(б) И. Т. Смилга, энес Н. П. Огановский и другие ведущие экономисты-аграрники. В Совете, руководившем работой ГЗК (особенно во втором и третьем его составах), преобладали эсеры. Состав ГЗК к каждой сессии расширялся, и в него входили представители различных государственных ведомств и общественных организаций: местных земельных комитетов, ведомства Православного вероисповедания, Совета мусульманского Всероссийского съезда, Московского общества сельского хозяйства, Всероссийского союза землемеров, Всероссийского крестьянского союза, Всероссийского Совета крестьянских депутатов, Совета союза казачьих войск и др.

Такой широкий состав ГЗК давал надежду на действительно всеобщее обсуждение основ аграрной реформы в стране. Министр земледелия В. М. Чернов придавал важнейшее значение деятельности ГЗК как «частице крыши того здания земельных комитетов, которое... в недалеком будущем построится на широком фундаменте, стройно и симметрично восходя снизу вверх и воплощая собой поистине всю народную демократическую волю... к новому земельному строю»²⁸³. Название «земельные комитеты», как подметил юрист Н. Е. Озерецковский, напоминало времена подготовки крестьянской реформы 1861 г., когда сначала был создан Главный комитет, затем – губернские комитеты²⁸⁴. ГЗК планировал подготовить основы будущей аграрной реформы в первую очередь в сфере землепользования, позже – лесо-, водопользования, использования недр²⁸⁵.

Печатным органом ГЗК были «Известия Главного земельного комитета» (редактор – эсер С. Л. Маслов). Всего состоялись четыре сессии ГЗК: 1-я – 19–20 мая; 2-я – 1–6 июля; 3-я –

²⁸³ Первая сессия Главного земельного комитета // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 1. С. 11.

²⁸⁴ Озерецковский Н. Е. Земельные комитеты // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 1. С. 29.

²⁸⁵ Подготовка земельной реформы в Главном земельном комитете // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 7–8. С. 4–5.

25–29 августа; 4-я – 16–23 декабря. Совет ГЗК был распущен постановлением СНК РСФСР 19 декабря 1917 г.

Наряду с работой ГЗК активное содействие в разработке проекта аграрной реформы оказывала неофициальная, но авторитетная научно-общественная организация – межпартийная Лига аграрных реформ. В состав объединения вошли Вольное экономическое общество, Московское общество сельского хозяйства, Всероссийский земский союз, ряд других местных обществ и научных учреждений. Идейный костяк ЛАР составляли видные экономисты-аграрники: Б. Д. Бруцкус, Н. П. Огановский, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров и др. Присутствовавшие на учредительном съезде министр земледелия кадет А. И. Шингарев и его заместитель А. Г. Хрущев приветствовали создание этой межпартийной организации. Степень доверия и лояльности к данному сообществу демонстрирует то, что Временное правительство вынесло на обсуждение делегатов съезда проект «Положения о земельных комитетах». Высказанные ЛАР замечания были учтены правительством при подготовке окончательной редакции документа²⁸⁶.

ЛАР имела 52 филиала, созданных преимущественно в губернских городах. Состоялись три ее съезда: 16–18 апреля, 23–26 июня и в 21–23 ноября. ЛАР идейно подпитывала деятельность ГЗК и Министерства земледелия²⁸⁷. Ее состав практически совпадал с членами ГЗК, что создавало основу для их сотрудничества. Проправительственный характер деятельности ЛАР вполне очевиден. Так, по просьбе руководителя распорядительного комитета ЛАР А. В. Чаянова, адресованной в апреле 1917 г. заместителю министра земледелия А. Г. Хрущеву, Министерство финансов в июне выделило субсидию в размере 10 тыс. руб. на содержание секретариата ЛАР²⁸⁸.

Изучив названные источники, мы выявили следующие экосюжеты в аграрной политике Временного правительства: проблемы землепользования и мелиорации, лесопользования, водопользования, развития скотоводства и животноводства, вопросы рыболовства. В дополнение к этим «магистральным линиям» нами были выявлены два случая из разряда практиковавшихся тогда пожертвований: безвозмездной передачи частновладельческих земли и леса государству для обеспечения крестьян этими хозяйственными ресурсами. Фрагментарно представлены вопросы переселенческой и колонизационной политики.

Проблемы землепользования и мелиорации

Этот блок хозяйственных вопросов включал как текущие аспекты организации сельскохозяйственных работ, так и перспективные – подготовку основ аграрной реформы. Так, указом Временного правительства от 11 марта на Министерство земледелия возлагалась задача обеспечения семенами крестьянских хозяйств²⁸⁹. Распорядительным комитетом железнодорожных перевозок ввиду близости начала полевых работ 14 марта была установлена внеочередность перевозок удобрильных туков²⁹⁰.

На заседании Временного правительства 5 апреля министр земледелия А. И. Шингарев озвучил решение о передаче крестьянам 108 тыс. пудов семян клевера, предназначенных для вывоза в Данию. Эта мера, как пояснил министр, была вызвана «настоятельной нуждой» России в росте площади кормовых трав. Дании за несвоевременную поставку семян клевера

²⁸⁶ Хитрина Н. Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 г. Н. Новгород, 2001. С. 52–54.

²⁸⁷ Кочешков Г. Н. Февральская революция и аграрный вопрос в России: неудавшийся либеральный проект // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 2. С. 33

²⁸⁸ ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 117. Л. 1, 4.

²⁸⁹ Вестник Временного правительства. 1917. № 7 (53). 12 марта. С. 1.

²⁹⁰ Вестник Временного правительства. 1917. № 8 (54). 14 марта. С. 2.

была обещана компенсация от правительства²⁹¹. Этому предшествовало решение Временного правительства о реквизиции семян красного клевера, предназначенных для вывоза в Данию в обмен на семена турнепса, поставленные датским Министерством земледелия. Как следует из материалов по этому сюжету, Дания давно закупала за границей семена клевера для развития животноводства как основы своей экономики (мясо и продукты животноводства шли на экспорт в Англию). Массовое выращивание клевера на собственной территории было невозможно в силу ограниченности площади государства. Несмотря на то что Франция, Италия, Англия, США предлагали Дании аналогичный товар по более выгодным ценам, самыми лучшими и пригодными для их климата и почвы были клеверные семена из юго-западных губерний России. Даже в условиях войны датчане умудрялись получать из России необходимые им семена клевера: на смену немецким посредникам пришли русские фирмы, получавшие от Дании необходимый посевной материал.

В 1916 г. датское Министерство земледелия централизовало закупку семян, объединив разрозненные заявки датских частных ферм в одну государственную заявку, учитывавшую годовую потребность страны в посевном материале. Еще весной 1916 г. на уровне Министерства иностранных дел Дании была достигнута договоренность с Россией о поставке в Данию к весеннему севу 1917 г. 108 800 пудов (около 1800 т) клеверных семян. По предложению Департамента земледелия Министерства земледелия России был заключен компенсационный договор, по которому в обмен на российские семена клевера из Дании должно было поступить 2 тыс. пудов семян турнепса по льготной цене. Дания брала на себя организацию вывоза/ввоза посевного материала своими железнодорожными вагонами, а Россия договаривалась о транзите через Швецию. Временное правительство 15 марта договоренности подтвердило, но в начале апреля от них отказалось в связи с необходимостью этих семян для собственной посевной кампании. К тому же их вывоз был затруднен запретом на него Австрии. В связи с этим отказ от поставки российских семян клевера был для Дании весьма чувствителен. В меморандуме датского посольства от 25 августа 1917 г. были определены понесенные в результате реквизиции убытки сельского хозяйства Дании на сумму 3,7 млн крон. Для их покрытия датской стороной предлагалось поставить из России 3,5 млн пудов (или 60 тыс. т) подсолнечного жмыха²⁹². Были ли они поставлены Россией, из материалов архивного дела неизвестно. Вероятно, что нет.

С целью поддержания сельскохозяйственного производства 12 апреля министр заявил о необходимости более широкого производства металлических сельскохозяйственных орудий²⁹³. 21 мая было введено «Временное положение о волостном земском управлении». Волостные земские учреждения, помимо прочего, должны были содействовать работам по осушению, обводнению, облесению, закреплению оврагов и т.д.²⁹⁴

Временное правительство существенное внимание уделяло рационализации сельского хозяйства, сохранению и поддержанию начатых в царское время агрокультурных мер. На заседании 16 июня было решено создать с 1 июля Сельскохозяйственный ученый комитет и его особые научно-опытные и специальные отделы. Как следует из «Временного положения о сельскохозяйственном ученом комитете и особых научно-опытных и специальных его отделах», данный комитет был создан с целью усовершенствования сельского хозяйства. Для этого на комитет возлагались такие задачи, как научное сопровождение опытного дела в стране, разра-

²⁹¹ Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 1. Март-апрель 1917 года / отв. ред. Б. Ф. Додонов; сост. Е. Д. Гринько и О. В. Лавинская. М., 2001. С. 234, 263.

²⁹² ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 622. Л. 1–6 об., 12–15.

²⁹³ Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 1. Март-апрель 1917 года / отв. ред. Б. Ф. Додонов; сост. Е. Д. Гринько и О. В. Лавинская. М., 2001. С. 284.

²⁹⁴ Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 2. Май-июнь 1917 года / отв. ред. Б. Ф. Додонов; сост. Е. Д. Гринько и О. В. Лавинская. М., 2002. С. 99.

ботка рекомендаций Министерству земледелия в области развития сельского хозяйства, содействие сельскохозяйственному образованию и науке. В составе комитета были образованы 14 подразделов: земледелия и почвоведения, машиноведения, метеорологии, бактериологии, прикладной ботаники, частного растениеводства, садоводства, микологии и фитопатологии, зоотехники, рыбоводства и промысловых животных, пчеловодства и шелководства, прикладной зоологии и энтомологии. С целью эффективной работы Сельскохозяйственного комитета на его заседания должны были приглашаться ведущие ученые, представители ведомств, руководители Гидрологического и Лесного департаментов Министерства земледелия, деятели земского движения и опытного дела. Комитет мог беспешинно заказывать из-за границы необходимое научное оборудование и материалы, созвать всероссийские съезды и совещания по вопросам сельского хозяйства²⁹⁵. «Временное положение о сельскохозяйственном комитете и особых научно-опытных и специальных его отделах» было опубликовано в «Вестник Временного правительства» в конце августа²⁹⁶. Особое внимание уделялось развитию опытного дела, сельскохозяйственного образования, научных основ ведения сельского хозяйства в стране.

Департамент земледелия 24 июня принял решение об «объединении разрозненных мероприятий по улучшению отечественного сельского хозяйства, проводимых в одной и той же губернии различными учреждениями». Местные заявки и ходатайства по сельскохозяйственным вопросам должны были обсуждаться агрономическими и экономическими советами при губернских земских управах и только после этого отсылаться в Департамент земледелия. Для объединения в руках земства деятельности по оказанию агрономической помощи населению было решено передать земствам весь государственный агрономический персонал. С целью разработки единой и планомерной агрономической помощи крестьянству планировалось созвать Всероссийский съезд агрономических деятелей. Предваряя работу этого съезда, 15 июля в Петрограде должно было пройти совещание губернских агрономов²⁹⁷.

1 июля министр земледелия В. М. Чернов подписал обращение к населению с призывом не громить и не расхищать т.н. культурные хозяйства, которыми «Россия чрезвычайно бедна». Он настоятельно просил крестьян не отбирать у таких хозяйств племенной скот, улучшенные семена, не захватывать пастбища и сенокосы. Подобные действия влекли бы ущерб всему народному хозяйству страны и препятствовали бы проведению земельной реформы. Он объявил о том, что культурные хозяйства, составляя «ценное достояние всего народа», находились на учете у Временного правительства, которое ставило цель сохранить их в целостности до созыва Учредительного собрания²⁹⁸.

Заместитель министра земледелия Н. И. Ракитников в обращении к волостным комитетам сообщал о необходимости широкого знакомства крестьян с наработками сельскохозяйственных опытных учреждений, достижениями агрономической науки с тем, чтобы полученные крестьянами в результате готовившейся аграрной реформы земельные участки можно было эффективно возделывать, поднять общую производительность сельского хозяйства. Н. И. Ракитников призывал волостные комитеты также всячески оберегать опытные поля от разгромов²⁹⁹.

По поручению Министерства земледелия в связи с готовившейся земельной реформой на заседании одной из подкомиссий Комиссии по организации мелиоративного дела 4 августа рассматривался проект мелиоративных мероприятий. В ее работе приняли участие В. В. Никитин, Н. М. Тулайков, И. И. Москвитин. Члены подкомиссии считали, что важной задачей государ-

²⁹⁵ Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года: в 4 т. Т 3. Июль-август 1917 года / отв. ред. Б. Ф. Додонов; сост. Е. Д. Гринько. М., 2004. С. 20, 23-26.

²⁹⁶ Вестник Временного правительства. 1917. № 141 (187). 27 августа. С. 1–2.

²⁹⁷ Вестник Временного правительства. 1917. № 88 (134). 24 июня. С. 2.

²⁹⁸ Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 2–3. С. 1–2.

²⁹⁹ Ракитников Н. И. Волостным комитетам // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 2–3. С. 2.

ства являлось «коренное улучшение земель», «проводимое в широком масштабе». При этом мелиорируемые земли не должны были поступать в разверстку крестьянам, а составляли бы запасной фонд. Имевшиеся участки частных земель, на которых были проведены значительные мелиоративные мероприятия, должны были быть взяты под государственный контроль, а земельные комитеты перед их использованием должны были быть проинструктированы в целях бережного к ним отношения.

Земли, требовавшие мелиорации, следовало разбить на группы разной очередности. При определении очередности их мелиорации необходимо было учитывать не только рентабельность конкретных участков, но и земельную потребность местного населения. В качестве групп мелиорируемых земель предлагались следующие: а) земли, не пригодные для сельского хозяйства (сыпучие пески, склоны оврагов и пр.); б) земли, которые должны были находиться в распоряжении государственных мелиоративных учреждений (земли, предназначенные для улучшения водного хозяйства, например); в) земли, нуждавшиеся в орошении; г) солонцы; д) земли, требовавшие осушения.

Земли из первых двух групп независимо от их географического положения должны были быть изъяты из общего земельного фонда и не передаваться крестьянам. Земли из трех последних групп перед распределением крестьянам должны были быть исследованы на предмет возможности использования их в сельском хозяйстве. Некоторые из них могли быть предоставлены им в качестве поощрения для мелиорации «в мелком масштабе» (осушение и орошение). Все остальные земли для повышения производительности сельского хозяйства страны подлежали мелиорации за государственный счет. Для этого следовало разбить земли по указанным выше группам и районам, составить общий план мелиоративных работ, которые должны были охватить земли как Европейской, так и Азиатской России. К тому же необходимо было решить вопросы организации мелиоративного кредита, подготовки специалистов, устройства опытных полей и станций по мелиоративному делу, продумать конкретные меры землеустройства и мелиорации в небольших хозяйствах³⁰⁰.

Мелиоративной комиссией рассматривался вопрос организации сбора данных для подготовки программы мелиоративных работ. Отмечалось, что решение аграрного вопроса лежало не в количественном наделении крестьян землей, а в качественном улучшении землепользования. (По данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., крестьянам могло быть передано 40 млн дес. земли.) «Прочное обеспечение народного благосостояния» могло быть достигнуто лишь «подъемом производительности хозяйства при помощи целого ряда культурных мер»: агрономических, мелиоративных, улучшения техники обработки почвы, организации переработки сельскохозяйственной продукции. Площадь земель, которая после мелиорации могла быть обращена в поля, сенокосы и пастбища, в Европейской России составляла 30 млн дес. (за исключением тундр, болот, недоступных мест севера). Из них 18 млн дес. приходилось на болота северных и западных губерний, 6 млн дес. – безводные степи, 6 млн дес. – сыпучие пески. Еще больше земель могли быть вовлечены в хозяйственный оборот в Сибири, Туркестане, на Кавказе (примерно 17 млн дес.). Много удобных земель черноземных, южных, юго-восточных (овраги, пески) и северо-западных губерний (болота) нуждались в мелиорации. «Обнищание крестьян местами зашло так далеко, что наделение их землей без каких-либо других вспомогательных мер не в состоянии вывести эту группу крестьянского населения из современного экономического тупика» – писали члены комиссии. Попутно замечалось, что в Европейской России количество безлошадных дворов превышало 3 млн.

Мелиоративные работы, как считали члены комиссии, смогли бы занять большое количество демобилизованных с фронта людей. Проектируемые мелиоративные мероприятия решили бы аграрный вопрос, расширив площадь обрабатываемых земель, способствовали бы

³⁰⁰ РГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 605. Л. 10–12.

интенсификации сельского хозяйства в целом. Члены комиссии осознавали затратность этих мер и по времени, и по финансам, и по научно-кадровому обеспечению. Однако приближенные приведенные данные лишь в общих чертах представляли «грандиозную картину еще неиспользованных ресурсов».

Для подготовки единой программы мелиоративных мероприятий требовалось провести исследование территории страны, т.к. имевшиеся сведения были разрознены, неполны, подготовлены по разным программам. С целью сбора и обобщения необходимой информации с мест предлагалось при отделе земельных улучшений учредить специальную организацию и ряд районных организаций, созданных на территории бассейнов крупных рек, соотнося их с губернскими и уездными границами. Долины рек обладали внутренней однородностью: были сходны в почвенном, климатическом отношении, имели общую историю заселения и освоения. Всего планировалось создать 20 районных организаций: 13 – в Европейской России и 7 – в Азиатской России. Эти организации должны были сотрудничать с ГЗК. Члены мелиоративной комиссии разработали примерную программу, по которой предполагался сбор сведений с мест, включавшую разделы об экономических, естественно-исторических, юридических условиях осуществления намеченных работ, о местных мелиоративных планах. По подсчетам составителей плана, для обслуживания изыскательно-аналитических работ требовалось 444 человека, 600 тыс. руб. на организационные расходы. Общее финансирование деятельности организаций только на 5 мес. 1917 г. составило бы 2 млн руб. Итоговые сведения ожидалось получить к 1 января 1918 г.³⁰¹ В качестве конкретной меры на 1918–1919 гг. мелиоративной комиссией были подготовлены план и программа осушения болот в Петроградской губернии с целью создания условий для луговодства. Предполагалось, что на осушку болот должно было уйти не более 12 лет³⁰².

Департамент земледелия Министерства земледелия в связи с готовившейся аграрной реформой обращался в ГЗК с поручением создать новую почвенную карту России, причем европейской и азиатской ее частей. Подготовленная в 1900 г. Н. М. Сибирцевым, Г. И. Танфильевым, А. Р. Ферхминым по инициативе и плану В. В. Докучаева почвенная карта страны устарела: в течение полутора десятилетий XX в. в оценочных целях и в интересах развития опытного дела были проведены земские почвенные исследования. В связи с этим требовалось издание более точной и полной почвенной карты. В 1915 г. составление новой почвенной карты началось под руководством П. С. Коссовича, заведующего Бюро по земледелию и почвоведению Ученого комитета Министерства земледелия. Однако после его смерти эта работа приостановилась и позже была продолжена почвоведом К. Д. Глинкой, директором Воронежского сельскохозяйственного института, председателем Докучаевского почвенного комитета. Он предлагал разделить страну на 6–8 районов, назначив в каждый ответственного работника, который на основе имевшейся научной литературы и собственных экспедиционных наблюдений должен был составить карту своего района. Затем все данные должны были быть обобщены и на их основе составлена единая почвенная карта России. На эти работы требовалось около двух и более лет. Стоимость работ составила бы около 100 тыс. руб., из которых 50 тыс. руб. требовались на первый подготовительный период 1917–1918 гг. Не располагая финансами, Департамент земледелия предлагал ГЗК выделить 50 тыс. руб. на продолжение работ, чтобы земельные комитеты получили почвенные карты своих районов для обсуждения основ будущей аграрной реформы³⁰³. Эти работы в условиях того времени так и не были окончены.

Совет мелиоративных съездов обращался к ГЗК 12 мая о вхождении их представителей в состав ГЗК. Мелиораторы подчеркивали, что с земельным вопросом тесно был связан вопрос вовлечения в хозяйственный оборот неудобных земель, площадь которых в Европейской Рос-

³⁰¹ Там же. Л. 16–27, 31, 33–34.

³⁰² Там же. Л. 36–36 об.

³⁰³ ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–2.

сии достигала, по их оценкам, 70 млн дес. Посредством мелиорации неудобных земель можно было расширить запас земельного наделного фонда. Организация мелиоративных хозяйств открывала широкие перспективы для развития кооперативов, земельных товариществ и пр. С 1909 по 1913 г. прошли 4 мелиоративных съезда. В 1916 г. в Петрограде планировалось провести очередной съезд, но ввиду происходивших событий он был отложен. Однако мелиораторы считали важным все же его созвать³⁰⁴. Председатель Совета Союза мелиораторов России И. Смирнов в письменном обращении к министру земледелия от 7 июня просил его содействия во включении мелиораторов в земельные комитеты и ГЗК с правом решающего голоса наравне с агрономами и статистиками³⁰⁵. Известно, что на III сессии ГЗК в его состав вошли представители Всероссийского союза землемеров, а мелиораторы – нет³⁰⁶.

Проблемы мелиорации обсуждались 25–26 августа в Петрограде на Всероссийском съезде деятелей агрономической помощи и сельского хозяйства. Председателем съезда был А. И. Угримов, его заместителем – Н. В. Чайковский, членами оргкомитета являлись В. Э. Брунст, В. В. Морачевский, А. С. Ершов. Работа оргкомитета была организована при Департаменте земледелия Министерства земледелия. На заседаниях оргкомитета съезда было принято решение о созыве в период 7–17 января 1918 г. в Москве очередного съезда с целью разработки комплексной программы основ аграрной реформы в части планирования единых агрокультурных мероприятий правительства, земств, общественных учреждений и организаций. Была подготовлена и предварительная программа работы съезда. Для ее разработки двумя месяцами ранее были созваны предварительные совещания и съезды по отдельным отраслям сельского хозяйства: Всероссийское агрономическое совещание (Петроград, 15–20 июля); совещание представителей средних и низших сельскохозяйственных учебных заведений (Москва, 28 июля – 8 августа), совещание представителей высших сельскохозяйственных учебных заведений (30 августа–2 сентября); областные совещания по опытному делу (Харьков, 17–18 мая; Саратов, 21–22 июня; Москва, 24 мая); совещание по семенному делу (Москва, 28–31 июля); Всероссийский съезд по вопросам сохранения животноводства (Москва, 28 августа–2 сентября) и пр. Планировалось проведение Всероссийского мелиоративного съезда в Петрограде. В губерниях и областях Европейской и Азиатской России также прошли специальные съезды и совещания. Оргкомитет обратился к сельскохозяйственным обществам с тем, чтобы они образовали отделы оргкомитета съезда и обсудили на местах ряд интересовавших их вопросов, в последующем приняли активное участие в работе Всероссийского съезда деятелей агрономической помощи сельского хозяйства. Приглашение на съезд адресовалось также всем земствам, сельскохозяйственным товариществам, отдельным агрономическим деятелям (земским, общественным и правительственным), представителям ЛАР, губернских советов крестьянских депутатов³⁰⁷.

Разработанная оргкомитетом съезда предварительная программа включала общие вопросы организации местной агрономической помощи населению, вопросы финансирования сельскохозяйственных мероприятий, мелиорации, агропросвещения, исследования состояния сельского хозяйства, опытного дела, аграрного законодательства и пр.³⁰⁸

Существенное значение для понимания позиции ГЗК по аграрному вопросу имеют заявления его председателя, высказанные им на сессиях комитета, – в них обозначались магистральные направления и принципы деятельности ГЗК, в т.ч. и в сфере социоприродных вопросов. Проходившая 19–20 мая I сессия ГЗК была открыта речью председателя А. С.

³⁰⁴ ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 46. Л. 5–5 об.

³⁰⁵ Там же. Л. 6.

³⁰⁶ Третья сессия Главного земельного комитета // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 4–5. С. 4.

³⁰⁷ ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 94. Л. 217–217 об.

³⁰⁸ Там же. Л. 213–216 об.

Посникова, сопровождавшейся почтением памяти Н. Г. Чернышевского, человека, по словам А. С. Посникова, внесшего большой идеологический вклад в вопрос освобождения крестьян с землей и пропаганду идеи о земле как объекте коллективного трудового крестьянского землевладения. Будучи сторонником коллективной формы землевладения, А. С. Посников ссылаясь на имевшейся у нас в недавнем прошлом пример национализации или огосударствления земли в виде существования до 1880-х гг. практики передачи казенной земли в коллективное пользование государственным крестьянам, которые по инициативе министра финансов Н. Х. Бунге были переведены с оброчной подати на выкуп. «Идея о принадлежности земли трудящимся постоянно культивировалась у нас и разделялась значительным числом передовых людей в нашем отечестве», – сказал председатель ГЗК. В качестве мнения компетентного человека А. С. Посников сослался на позицию И. А. Стебута, который тоже был противником частной собственности. Вместе с тем А. С. Посников подчеркивал нежелательность повторения аграрной реформы по программе П. А. Столыпина. Он указал на возможность сочетания личных и коллективных интересов при проведении аграрной реформы, приводя пример Англии времен правительств А. Дж. Бальфура и Д. Ллойда-Джорджа, установивших, что земля принадлежала графствам и городам, а отдельным лицам она предоставлялась только в пользование. А. С. Посников ставил перед ГЗК задачу подготовить для Учредительного собрания «примирительное решение требований местных с общегосударственными». При этом общегосударственные интересы должны были доминировать над частными.

Относительно щекотливого вопроса об условиях отчуждения частновладельческих земель А. С. Посников высказал мысль о том, что отчуждение земли должно быть возмездным. Обоснованием этого являлось то, что большинство земель в стране были обременены залогами, в т.ч. повторными, и вексельными долгами, поэтому их безвозмездное отчуждение ударило бы по интересам держателей закладных листов. Последними в большинстве своем являлись простые люди, «люди маленькие», вложившие свои сбережения в закладные листы.

С необходимостью широкой мелиорации земель соглашались лидеры ГЗК. А. С. Посников на состоявшейся 19–20 мая I сессии ГЗК солидаризировался с мнением присутствовавшего министра земледелия В. М. Чернова о том, что прирезка земли крестьянам не решила бы аграрную проблему. В стране, помимо возделываемого фонда земель, был фонд неудобной, «абсолютно» не пригодной для земледелия земли, которую можно было бы улучшить и вовлечь в хозяйственный оборот. Неудобные земли, по его мнению, были резервом для будущих поколений. При этом на текущий момент подготовки аграрной реформы А. С. Посников удерживал ГЗК от раздачи крестьянам «несбыточных обещаний» значительно расширить их землепользование. Он напомнил также о том, что возникший в результате столыпинской аграрной реформы класс крестьян-собственников, располагавший несколькими миллионами десятин земли, уже тогда являлся и был бы в дальнейшем противником национализации земель, что создало бы дополнительные трудности в реализации намеченной реформы. Важной задачей ГЗК А. С. Посников называл предупреждение и сдерживание самоуправства крестьян на местах, пресечение начавшихся силовых захватов земель³⁰⁹. Этим словам во многом вторил министр земледелия В. М. Чернов, присутствовавший на учредительном собрании ГЗК³¹⁰.

Член Совета ГЗК, трудовик М. Е. Березин отмечал недоверчивость крестьян, их скептическое отношение к идее созыва Всероссийского Учредительного собрания – имелся неудачный опыт работы Государственной Думы при решении аграрного вопроса. Он рекомендовал Временному правительству издать акт, который «категорически и ясно решил бы этот вопрос», закрепив недопустимость самовольных захватов земли. Отсутствие такой декларации, созда-

³⁰⁹ Первая сессия Главного земельного комитета // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 1. С. 5–11.

³¹⁰ Там же. С. 11–13.

вавшее неопределенность ситуации, влекло стремление крестьян решить аграрный вопрос по-своему, что порождало проблемы в работе земельных комитетов.

М. Е. Березин предлагал расширить представительство крестьян на местах, чтобы повысить уровень доверия крестьян к работе ГЗК и его местных комитетов³¹¹. Другой член Совета ГЗК, эсер Н. Я. Быховский, возражал и говорил о том, что размах крестьянского движения был не велик, самозахватов наблюдалось не много, крестьянство было «далеко от вандализма и стихийных эксцессов», сдерживало тех крестьян, которые к этому стремились. При этом значение помещичьих культурных хозяйств крестьяне осознавали (были примеры в Киевской, Тульской, Воронежской губерниях). Он тоже призывал правительство издать декларацию по земельному вопросу, в которой объявлялось бы, что вся земля будет принадлежать народу. Это должно было успокоить и фронт, и тыл³¹².

В речи А. С. Посникова, открывшей 1 июля работу II сессии ГЗК, звучала мысль о стремлении ГЗК подготовить основы аграрной реформы, которая учитывала бы местные особенности, ведь Россия богата и разнообразна климатическими и почвенными условиями³¹³. Такой подход разделял и министр В. М. Чернов, всячески благоволивший ГЗК³¹⁴. Помимо общих принципов реформы, норм земельного обеспечения крестьян, финансовых условий отчуждения земель, ГЗК на III сессии большое внимание уделил технической стороне будущей реформы – выяснению размера, состава и распределения земельного фонда страны³¹⁵. Для этого требовалось проведение картографическо-учетных работ и обмер площади земель.

Примечательны отдельные мнения делегатов II сессии ГЗК. Крестьянин Нижегородской губернии Я. А. Пилецкий заявил, что «крестьяне устали ждать и требуют новой жизни». Без принятия временного аграрного закона крестьяне «не ручались за спокойное доведение аграрного вопроса до Учредительного собрания». От принятия ГЗК «огульных и решительных резолюций» по аграрному вопросу в виде временного закона, который связал бы руки Учредительному собранию, удерживал А. А. Кауфман. Крестьянин Пензенской губернии П. А. Трушин возражал и говорил о том, что требование законодательного урегулирования земельных споров – это не пожелание крестьян, а «крик деревни». «У нас условия таковы, что нельзя ждать», – вторил представитель Курской губернии Н. И. Дорошев³¹⁶. Прислушаться к «голосу народного рассудка», выработать и принять справедливый закон о регулировании земельных отношений, успокоить крестьянство призывал Н. П. Огановский³¹⁷. Представитель от Нижегородской губернии К. И. Цыпленков говорил о том, что при отсутствии новых законов вся губерния вынуждена была руководствоваться аграрными постановлениями Всероссийского Совета крестьянских депутатов³¹⁸. О временном аграрном законе, в особенности об урегулировании лесопользования, рассуждал и представитель Костромской губернии С. И. Барыков³¹⁹.

В постановлениях II сессии ГЗК закреплялась необходимость передачи земельным комитетам прав по урегулированию земельных споров на местах, охране земель и иных угодий от самозахватов. Предполагалось ввести дополнительные пункты в «Положение о земельных комитетах» от 21 апреля о передаче в ведение местных комитетов всех земель сельскохозяйственного назначения, лесов, вод местного значения. Земельные комитеты должны были уста-

³¹¹ Там же. С. 15–16.

³¹² Там же. С. 16–17.

³¹³ Труды второй сессии Главного земельного комитета. Заседания 1–2 июля 1917 г. Пг., 1917. С. 1–3.

³¹⁴ Там же. С. 5–9.

³¹⁵ Кауфман А. А. О работах по подготовке земельной реформы на местах (доклад III сессии Главного земельного комитета). Пг., 1917. С. 3.

³¹⁶ Труды второй сессии Главного земельного комитета. Заседания 1–2 июля 1917 г. Пг., 1917. С. 14–15.

³¹⁷ Там же. С. 23.

³¹⁸ Там же. С. 25.

³¹⁹ Там же. С. 33.

навливать и регулировать правила их хозяйственного использования³²⁰. Это предложение было подхвачено ГЗК от I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, принявшего 25 мая соответствующее постановление по аграрному вопросу³²¹.

Такое крестьянское пожелание было оформлено властью 12 июля: оно закрепило правило о том, чтобы до созыва Учредительного собрания все сделки с землей и лесными угодьями осуществлялись с разрешения губернских земельных комитетов и утверждались министром земледелия³²². ГЗК в целом приветствовал этот закон, ограничивший частнопроводимый оборот, называя его «предтечей грядущей земельной реформы», открывавшим «эпоху нового права»³²³.

Позже в циркуляре Управляющего Министерством внутренних дел И. Г. Церетели от 17 июля подчеркивались недопустимость самочинного решения земельного вопроса на местах, рубок чужих лесов, запашек чужих сенокосов и пр. Это, как он выразился, «грозило неисчислимыми бедствиями армии, стране и существованию самого государства», «голодом и продовольственным истощением». Любые самоуправные действия должны были караться по всей строгости закона³²⁴.

Совет ГЗК в преддверии работы III сессии ГЗК обращал внимание А. Ф. Керенского на сложные условия деятельности земельных комитетов, которые «ставят в самой острой форме вопрос о возможности каких-либо положительных результатов». Совет имел в виду «стихийные стремления населения к удовлетворению острой земельной нужды»: в Пензенской, Курской, Казанской и других губерниях в течение лета крестьяне запахивали владельческие поля, скашивали частные покосы и пр. Местные органы власти были не в состоянии противостоять этим действиям. Как отмечали члены Совета ГЗК, повсюду земельные отношения находились в «хаотическом состоянии». Они упрекали Временное правительство в нерешительности в деле упорядочивания возникших земельных отношений³²⁵.

Представители земельных комитетов на Демократическом совещании в Москве, проходившем 14–22 сентября, вновь заявили о необходимости до созыва Учредительного собрания передать земли сельскохозяйственного назначения, воды и леса местного значения в ведение земельных комитетов. Они настаивали на «немедленном издании временных земельных законов» в редакции ГЗК и усилении государственных полномочий земельных комитетов³²⁶.

В отношении культурных имений, питомников, рассадников и иных образцовых хозяйств земельные комитеты осуществляли надзор и охрану, брали их в свое полное заведывание. Наряду с этим, земельные комитеты боролись с захватами земель и иных угодий, недосевами и др.³²⁷ Член ГЗК и ЛАР Н. Я. Быховский говорил о том, чтобы культурные хозяйства, особо ценные лесные участки должны были образовать общегосударственный фонд, быть взяты на государственный контроль и не подлежать распределению среди крестьян. В процессе организации территории для будущей аграрной реформы важно было «приспособить» для нужд сельского хозяйства неудобные земли, проведя их мелиорацию. Малоземельные крестьяне

³²⁰ Главнейшие постановления второй сессии Главного земельного комитета // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 2–3. С. 11–12.

³²¹ Труды второй сессии Главного земельного комитета. Заседания 1–2 июля 1917 г. Пг., 1917. С. 142.

³²² Вестник Временного правительства. 1917. № 104 (150). 14 июля. С. 1.

³²³ О применении закона 12-го июля // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 7–8. С. 20.

³²⁴ Губернским и областным комиссарам // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 2–3. С. 4–5.

³²⁵ Деятельность Совета Главного земельного комитета (с 1-го по 24-е августа 1917 г.) // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 4–5. С. 8.

³²⁶ Резолюция представителей земельных комитетов на Демократическом совещании // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 6. С. 11.

³²⁷ Деятельность местных земельных комитетов по урегулированию земельно-хозяйственных отношений // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 6. С. 12.

подлежали переселению в многоземельные области страны³²⁸. О важности государственной мелиорации земель, проведения гидротехнических работ писал его коллега П. Н. Першин, который также считал необходимым сопровождать прирезку земли крестьянам рационализацией их хозяйств³²⁹. С утверждением о том, что аграрная реформа должна была повысить производительность сельского хозяйства, устранить чересполосицу и дальнеземелье соглашались многие члены комиссии ГЗК о перераспределении земельного фонда: Н. П. Макаров, А. Н. Челинцев, Н. П. Огановский, С. Л. Маслов и др.³³⁰ Заседания комиссии проходили и после Октябрьской революции – 6 декабря 1917 г., например, когда вновь говорили о землеустройстве³³¹.

На объединенном заседании Статистико-экономической комиссии и Комиссии о нормативных началах распределения земельного фонда 20 октября А. Н. Челинцев заявил о возможной экстенсификации хозяйств крестьян, остерегал от расширения их площади, указывая на то, что она «должна была парализоваться большей просвещенностью крестьянина и более усовершенствованными методами ведения хозяйства, а кроме того, и новой государственной сельскохозяйственной политикой»³³².

Идею об интенсификации сельского хозяйства развивали и члены ЛАР: на II Всероссийском съезде ЛАР Н. П. Огановский указал на необходимость «выработки и проведения в жизнь стройного плана земельной реформы, связанного с обширными работами по землеустройству, мелиорации и расселению крестьянских масс»³³³. Такой план диктовался малоземельем и чересполосицей, на которые обратил внимание на III съезде ЛАР А. В. Чайнов³³⁴. На перераспределение земельного фонда между крестьянами Н. П. Огановский закладывал два года, а на землеустроительные работы – два десятилетия³³⁵.

Б. Д. Бруцкус отмечал, что прирезка земли не решила бы аграрный вопрос, явившись лишь кратковременным паллиативом. Необходимо было широкое землеустройство³³⁶. В этом сходились делегаты съезда, высказавшись за проведение государством мелиоративных и землеустроительных мероприятий³³⁷. З. С. Каценеленбаум предложил для этих целей развивать мелиоративное кредитование и создать государственный мелиоративный банк³³⁸. О проведении землеустроительных мероприятий как о факторе эффективного использования прирезанной в результате дискутируемой аграрной реформы земли Б. Д. Бруцкус повторил 14 октября на заседании комиссии ГЗК о перераспределении земельного фонда. Он считал, что аграрная реформа завершила бы землеустройство, проводимое еще царской властью³³⁹.

На 3-м заседании Совета ЛАР в Москве 24 августа было принято решение о созыве III Всероссийского съезда Лиги в ноябре 1917 г. На нем среди прочего планировалось обсудить судьбу культурных хозяйств в процессе аграрной реформы, основы преобразования лесного хозяйства, проблемы землеустройства и мелиорации, переселения крестьян³⁴⁰.

³²⁸ Труды комиссий по подготовке земельной реформы. Вып. V. Организация территории. Пг., 1918. С. 11–13, 20–21.

³²⁹ Там же. С. 38.

³³⁰ Там же. С. 44–52.

³³¹ Там же. С. 68–79.

³³² ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 42. Л. 16.

³³³ Основные вопросы аграрной реформы на II Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ. М., 1917. С. 11.

³³⁴ Природа крестьянского хозяйства и земельный режим. Труды III Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ. М., 1918. С. 4.

³³⁵ Основные вопросы аграрной реформы на II Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ. М., 1917. С. 12.

³³⁶ Там же. С. 31.

³³⁷ Там же. С. 38.

³³⁸ Там же. С. 41.

³³⁹ Труды комиссий по подготовке земельной реформы. Вып. V. Организация территории. Пг., 1918. С. 7–8.

³⁴⁰ Основные вопросы аграрной реформы на II Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ. М., 1917. С. 44.

Проблемы лесопользования

Наряду с землепользованием вопросы лесопользования являлись одним из спорных компонентов проектируемой аграрной реформы. Главными вопросами были регулирование рубки лесов и обеспечение нужд армии и обороны лесными материалами. На заседании Временного правительства 27 марта А. И. Шингарев выступил с инициативой о досрочном выпуске студентов четвертого курса Лесного института и лесного отделения Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства³⁴¹. На заседании 12 апреля это предложение было одобрено министрами³⁴² и 19 апреля нашло отражение в соответствующем постановлении³⁴³. Досрочно выпущенные лесоводы поступали в распоряжение ряда министерств: земледелия, военного, путей сообщения, торговли и промышленности. Они были востребованы по лесной специальности. В этом решении просматривалась преемственность Временного правительства с действиями дореволюционного правительства, т.к. в 1916 г. также производился досрочный выпуск студентов-лесоводов³⁴⁴.

С июля Министерство земледелия приступило к реализации данного постановления: приказом № 13 от 24 июля по Корпусу лесничих часть специалистов, таких как ученый-лесовод А. Рерих, окончивший Петроградский лесной институт, направлялись на работы по укреплению песков и оврагов. В лесное ведомство помощниками лесничих, таксаторами и пр. активно назначались лица, досрочно завершившие обучение в специализированных институтах³⁴⁵. Назначения молодых лесоводов, в т.ч. досрочно окончивших обучение в Петроградском лесном институте, Ново-Александровском институте сельского хозяйства и лесоводства, низшие лесные школы в ведомство Лесного департамента Министерства земледелия продолжались приказами № 15 от 9 августа³⁴⁶, № 16 от 19 августа³⁴⁷, № 17 от 24 августа³⁴⁸, № 19 от 31 августа³⁴⁹, № 22 от 12 сентября³⁵⁰. Велось дальнейшее комплектование и регулирование кадров лесничих³⁵¹. 14 октября правительство опубликовало свое решение от 27 июля об упразднении должностей лесных кондукторов и о присвоении выпускникам низших лесных школ звания лесоводов. Они поступали в лесное ведомство в штат лесничих. Годовой расход на содержание лесничих определялся в 231 260 руб³⁵².

Уничтожение лесов в тот период хорошо описано историком и краеведом А. М. Большаковым. Так, он сообщал, что с 1915 по 1926 г. в Горицкой волости Кимрского уезда Тверской губернии было вырублено 6,5 тыс. дес. леса, что составляло треть всего лесного фонда губернии³⁵³. По словам местного крестьянина-поэта П. Павлова, дело обстояло так: «Куда ни взглянь, везде шумит/ Пила стальная лесокрада. / За лесом слабо власть следит – / Пили, руби,

³⁴¹ Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 1. Март-апрель 1917 года / отв. ред. Б. Ф. Додонов; сост. Е. Д. Гринько и О. В. Лавинская. М., 2001. С. 181.

³⁴² Там же. С. 283–284.

³⁴³ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1917. № 86. Ст. 493.

³⁴⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1916. № 233. Отд. 1. Ст. 1762.

³⁴⁵ Вестник Временного правительства. 1917. № 126 (172). 9 августа. С. 2.

³⁴⁶ Вестник Временного правительства. 1917. № 138 (184). 24 августа. С. 3.

³⁴⁷ Вестник Временного правительства. 1917. № 140 (186). 26 августа. С. 2.

³⁴⁸ Вестник Временного правительства. 1917. № 152 (198). 13 сентября. С. 2.

³⁴⁹ Вестник Временного правительства. 1917. № 153 (199). 14 сентября. С. 2.

³⁵⁰ Вестник Временного правительства. 1917. № 161 (207). 24 сентября. С. 2.

³⁵¹ Вестник Временного правительства. 1917. № 166 (212). 1 октября. С. 2; № 169 (215). 5 октября. С. 2; № 183 (229). 21 октября. С. 2.

³⁵² Вестник Временного правительства. 1917. № 177 (223). 14 октября. С. 1.

³⁵³ *Большаков А. М. Деревня: 1917–1927 гг. М., 1927. С. 70.*

кому что надо»³⁵⁴. Недобросовестность охраны леса объяснялась нехваткой лесников и малым размером их жалованья. Попустительство лесной охраны было вызвано и тем, что лесниками работали местные крестьяне, с которыми всегда можно было «договориться»³⁵⁵.

О бесконтрольном уничтожении лесов Нижегородской губернии сообщал делегат II сессии ГЗК К. И. Цыпленков. Он указывал на родственника губернского комиссара, который рубил лес и заявлял: «Куй железо – пока горячо. С какой стати я не буду рубить лес, когда потом я за него ничего не получу, потому что вопрос предreshен Всероссийским съездом крестьянских депутатов». Леса активно перепродавались по фиктивным сделкам и хищнически истреблялись помещиками. В свою очередь, крестьяне запрещали истребление лесов, доверяя земельным комитетам регулировать лесопользование³⁵⁶. По сообщению И. С. Кудрявцева, делегата от Новгородской губернии, много лесов рубили новгородские лесопромышленники. Крестьяне вблизи своих сел рубить лес не давали, заявляя, что он им пригодится и что лес лучше рубить вблизи речных сплавов³⁵⁷.

Аналогичная картина наблюдалась в Костромской губернии: например, крестьяне Чухломского уезда протестовали против хищнической рубки леса помещиками на продажу и даже против лесных заготовок на оборону. Как отмечал представитель Костромской губернии С. И. Барыков, такие жалобы и протесты крестьян губернский земельный комитет признавал справедливыми, ведь крестьяне исходили из того, что лес надо охранять и нельзя его так беспощадно вырубать³⁵⁸.

19 апреля А. И. Шингарев поднял вопрос об упорядочении бесконтрольной рубки лесов в целях их сохранения от истребления. На общем заседании членов Временного правительства было решено поручить ему подготовить проект положения о введении специальных комитетов на местах для выдачи разрешений на рубку леса³⁵⁹. На заседании правительства 9 августа обсуждение разработанного Министерством земледелия проекта правил об охране лесов и их рубке решено было отложить³⁶⁰. В Москве готовилось открытие Государственного совещания, что не позволило обсудить этот проект по существу.

Министр продовольствия С. Н. Прокопович, выступая на Государственном совещании, проходившем с 12 по 15 августа в Москве, заявил о том, что законопроект об охране лесов содержал положение о передаче рубки леса для заготовки топлива в ведение Особого совещания по топливу, а регулирование лесов местного значения для удовлетворения крестьянских потребностей в лесных материалах – земельным комитетам. Таким образом, как считал С. Н. Прокопович, подготовленный законопроект учитывал общегосударственные и общественные интересы, т.к. был направлен и на сохранение лесных богатств, защиту лесов от расхищения, и на обеспечение нужд населения в лесе³⁶¹.

Ранее, 1 и 4 августа, на заседаниях Лесной комиссии Министерства земледелия Д. И. Товстолес отметил, что для обеспечения целей и задач лесного хозяйства наилучшей формой его владения будет государственная, установленная после проведения национализации лесов. Именно национализация, по его убеждению, придавала бы устойчивость лесному хозяй-

³⁵⁴ Там же. С. 68.

³⁵⁵ Там же. С. 74.

³⁵⁶ Труды второй сессии Главного земельного комитета. Заседания 1–2 июля 1917 г. Пг., 1917. С. 25–26.

³⁵⁷ Там же. С. 28.

³⁵⁸ Там же. С. 30.

³⁵⁹ Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 1. Март-апрель 1917 года / отв. ред. Б. Ф. Додонов; сост. Е. Д. Гринько и О. В. Лавинская. М., 2001. С. 322.

³⁶⁰ Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 3. Июль-август 1917 года / отв. ред. Б. Ф. Додонов; сост. Е. Д. Гринько. М., 2004. С. 273–274.

³⁶¹ Государственное совещание: стенограф. отчет / предисл. Я. А. Яковлева. М.; Л., 1930. С. 27.

ству, обеспечила бы централизацию его управления, равномерное распределение лесных материалов по территории страны, эффективное лесоустройство.

На заседаниях Лесной комиссии 16 и 24 августа выступил П. А. Вихляев, который утверждал, что социализация лесного хозяйства исправит и уравнивает недостатки природного распределения леса, наделит крестьян «правом потребления лесных материалов». Д. В. Соммерс на заседании комиссии 18 августа допускал переход лесов в земельный фонд для нужд пашенного хозяйства при условии соблюдения общегосударственных и общенародных интересов с опорой на данные статистики о площади подобных лесов, которые могли быть конвертированы в иные виды угодий, а также с учетом действительных потребностей населения, государства и промышленности в лесных материалах.

Относительно вопроса о возмездном выкупе или безвозмездном переходе частных лесов в государственную собственность Лесная комиссия, обсудив его на заседании 12 сентября, вообще не пришла к какому-либо мнению. 15 сентября Д. И. Товстолес поднял вопрос об экономической ценности леса, заявив, что лес, как своеобразный лесной капитал, должен приносить доход. В отличие от других видов капитала, к лесному капиталу нельзя было предъявлять требования приносить наивысший процент прибыли. Члены комиссии, согласившись с коллегой, отметили необходимость завершить лесоустройство всех лесов страны, т.к. годичный прирост древесины был возможен только в правильно организованных лесных хозяйствах. Было рекомендовано провести оценку «лесного капитала». В целях последнего следовало определить методику такой оценки³⁶².

Проблемы лесопользования активно обсуждались и решались в земельных комитетах. На заседании Совета ГЗК I сессии обсуждался вопрос об охране лесов и их рубке, в результате чего были разработаны правила для внесения их на рассмотрение Временного правительства. Закреплялось, что надзор за сохранением и правильным использованием лесов возлагался на земельные комитеты совместно с представителями лесоохранительных комитетов, Особого совещания по топливу и др. Уездные земельные комитеты санкционировали рубку леса в допустимых объемах, пресекали самочинные действия в лесах. По необходимости можно было увеличить нормы рубки леса, но с учетом целесообразности и потребностей в лесных материалах, а не в спекулятивных и хищнических целях³⁶³.

На местах осознавали важность охраны от несанкционированного и бесхозяйственного использования не только земли, но и иных природных ресурсов. Так, постановлениями елецкого уездного земельного комитета от 2–3 июня, помимо его прочих прав, закреплялись полномочия по сохранению посевов, лугов, молодой лесной поросли от потравы скотом, наблюдению за правильной рубкой леса. Последняя разрешалась в объемах, установленных лесоохранительным комитетом. В экстренных случаях допускалась рубка леса сверх установленной нормы, но пропорционально площади леса по волостям. Отдельно закреплялась рекомендация о раннем взмете пара не позднее 20 июня³⁶⁴.

Земельные комитеты всячески сдерживали стремление населения к бесконтрольной рубке леса, пресекая и преследуя отдельные виды аграрных беспорядков: неправильное ведение лесного хозяйства и ненормальное пользование лесными угодьями. Они вводили запреты на повышенные лимиты рубки лесов, утверждали сделки по продаже казенных и частных лесов, наблюдали за правильностью рубки лесов, в т.ч. и по ходатайствам крестьян, охраняли леса от повреждений, боролись с лесными пожарами. Несмотря на циркуляр Временного правительства от 19 апреля, разрешавший пастбу скота в казенных лесах бесплатно или за

³⁶² ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 592. Л. 9–11.

³⁶³ Деятельность Совета Главного земельного комитета // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 1. С. 27.

³⁶⁴ Постановления Елецкого уездного земельного комитета 2–3 июня 1917 г. // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 1. С. 21–22.

небольшую плату, суздальский уездный земельный комитет запретил пастьбу скота в лесных зарослях. Одновременно земельные комитеты содействовали в заготовке топлива для нужд промышленности и железных дорог³⁶⁵.

На II сессии ГЗК представитель Ярославской губернии И. П. Матвеев заявил о необходимости разграничения компетенций земельных комитетов и комитетов по топливу, т.к. между ними возникали разногласия о нормах лесозаготовок для нужд армии и промышленности, которые не учитывали лесистость региона и назначались наобум. Крестьяне не желали рубить леса в большом количестве и требовали принять закон об охране леса. Важно было четче определить деятельность лесоохранительных комитетов, которые «как будто бы и существуют, и как будто бы и нет». В связи с этим, по мнению И. П. Матвеева, Министерству земледелия и ГЗК к лесному вопросу следовало «подойти вплотную», разработать новый закон о лесах, добиться согласованности по земельному и лесному вопросам в Центре, чтобы не возникало недоразумений на местах³⁶⁶. В этом его поддержал представитель соседней Владимирской губернии М. П. Григорьев³⁶⁷.

10 августа председатель ГЗК А. С. Посников издал распоряжение № 209, адресованное губернским земельным комитетам о недопустимости чинить препятствия в заготовке и вывозке дров, о чем свидетельствовали поступавшие сведения с мест. В своем стремлении к охране лесов земельные комитеты «совершенно приостановили производство заготовки дров, издавая распоряжения о воспрещении рубки лесов, препятствуя вывозу дров», что «ставило в угрожающее положение нашу промышленность и железные дороги». А. С. Посников напоминал, что вследствие военно-революционной обстановки оборонные предприятия и железные дороги из-за «расстройства парового транспорта, сокращения добычи минерального топлива» перешли на древесное топливо. ГЗК предписывал не только не препятствовать заготовке топлива на местах, но и всячески содействовать ей, удовлетворяя запросы по топливу железные дороги, всех предприятий и учреждений, работавших на государственную оборону. «Государственные интересы должны стоять на первом плане, и местные интересы необходимо подчинить интересам общегосударственным», – заявлял председатель ГЗК³⁶⁸.

На III сессии ГЗК в августе 1917 г. поднимался вопрос о лесах: члены совета ГЗК планировали выяснить мнение местных земельных комитетов о порядке эксплуатации лесов, об объемах нуждаемости в лесных материалах и возможности выделения лесных участков под расчистку³⁶⁹. Соответствующие пункты нашли отражение в принятом по итогам сессии постановлении ГЗК³⁷⁰. Было принято решение разослать закон о лесах, принятый Временным правительством, а также материалы по лесному делу для «ознакомления губернских земельных комитетов с ходом лесного дела на местах». Совету ГЗК рекомендовалось воздержаться от принятия какого-либо заключения о целесообразности учреждения особых лесных комитетов до обсуждения этого вопроса по существу на планируемой сессии представителей губернских комитетов в Москве 16–17 сентября³⁷¹. Оно состоялось, и по его итогам была разработана

³⁶⁵ Деятельность земельных комитетов по урегулированию земельно-хозяйственных отношений // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 7–8. С. 23–24.

³⁶⁶ Труды второй сессии Главного земельного комитета. Заседания 1–2 июля 1917 г. Пг., 1917. С. 76–78.

³⁶⁷ Там же. С. 125.

³⁶⁸ Всем губернским земельным комитетам // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 4–5. С. 1–2.

³⁶⁹ Кауфман А. А. О работах по подготовке земельной реформы на местах (доклад III сессии Главного земельного комитета). Пг., 1917. С. 4.

³⁷⁰ Там же. С. 14.

³⁷¹ Постановления 3-й сессии Главного земельного комитета // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 4–5. С. 5.

инструкция по применению «Временных правил об охране и рубке лесов», переданная для обсуждения в Комиссию временных переходных мер и Лесную комиссию³⁷².

24 августа состоялось первое заседание Лесной комиссии ГЗК под председательством экономиста А. А. Рыбникова. Член комиссии Н. И. Фалеев озвучил план развития лесного хозяйства, который предполагалось начать осуществлять с 1 января 1918 г. Он включал создание Главного лесного комитета и лесных комитетов в губерниях и уездах. Лесные комитеты совместно с земельными комитетами должны были составлять сметы «удовлетворения потребностей на древесину». Кроме того, планировалось создать Советы лесничеств и Лесные советы для научно-профессионального руководства лесной отраслью. В утвержденном плане работ Лесной комиссии были определены такие вопросы, как форма собственности на лес, использование лесов под пашню, облесение земель, организация лесного хозяйства и пр. На втором заседании, состоявшемся 7 сентября, были заслушаны доклады ряда членов комиссии о государственных лесах³⁷³.

В октябре ГЗК разработал Инструкцию уездным земельным комитетам об охране и эксплуатации лесов. В ней предписывалось запрещать в пределах уезда хищническую вырубку леса. Под последней понималась рубка хвойного и смешанного строевого леса, превышающая 1/60 часть, а дровяного лиственного леса – 1/30 часть лесной площади уезда, и находившейся в одной окружной меже с иными сельскохозяйственными угодьями. Уездные земельные комитеты могли приостанавливать по своему усмотрению опустошительные и выборочные рубки леса. Запрещалась рубка защитных лесов, признанных таковыми лесоохранительными комитетами; рубка, скос, распашка молодняка и пастьба скота по молодняку (молодняком признавался лес, не достигший высоты 4 аршина, или 2,8 м). Не допускалось обращать лесные вырубки в другой вид угодий без разрешения лесоохранительных комитетов. Запрещалась рубка леса на продажу с промышленной целью, если местное население испытывало нужду в строевом и дровяном материале. Ограничение установленных запретов допускалось только в случаях «неотложной надобности в лесном материале» для нужд местного населения и военного ведомства³⁷⁴.

В ответ на повторявшиеся требования крестьян о приостановлении или прекращении хищнического истребления лесов ГЗК и губернские земельные комитеты обратились к гражданам с воззванием, в котором говорилось о том, что условия войны вызывали усиленную рубку леса для нужд армии. При этом подчеркивалась значимость леса в развитии страны, в укреплении песков и оврагов. Население уверялось в том, что вырубки леса проводились под контролем лесоохранительных и земельных комитетов, которые следили за тем, чтобы они не переросли в опустошительные. «Верьте, Граждане, что все совершается сейчас под контролем общественных органов, делается во имя блага народа и с соблюдением его прав и интересов» – этими словами завершалось воззвание³⁷⁵. ГЗК на основе поступавших сведений от Штаба Верховного главнокомандующего о воспрепятствовании ряда волостными земельными комитетами заготовке лесных материалов для армии издал 18 октября 1917 г. циркуляр № 239 губернским земельным комитетам о недопущении подобных действий на местах. Вновь повторялись положения циркуляра от 10 августа № 209, которым необходимо было следовать³⁷⁶.

Тогда же ГЗК разработал «Наставление земельным комитетам по применению “Правил об охране лесов и их рубке”». По сути, оно было основами лесоохранительного закона. Согласно этому документу все казенные леса изымались из ведения земельных комитетов,

³⁷² Совет Главного земельного комитета // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 7–8. С. 3.

³⁷³ Лесная комиссия // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 6. С. 10.

³⁷⁴ ГА РФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–1 об.

³⁷⁵ Там же. Л. 4–4 об.

³⁷⁶ Там же. Л. 5–5 об.

учреждался лесной надзор, в состав которого входили представители земельных комитетов из опытных лесоводов, лесничих и иных лесных специалистов, назначаемых при содействии Всероссийского союза лесоводов. Лесной надзор имел широкие полномочия при осмотре лесов, наблюдении за рубкой, заготовкой и вывозкой лесного материала, пресечении незаконных рубок. Губернские земельные комитеты утверждали представителей лесного надзора, имели право контролировать расчистку леса. Уездные земельные комитеты давали разрешение на расчистку лесов, на пастьбу скота в частных или казенных лесах при определенных условиях, имели право инициировать перевод лесов в категории защитных и водоохранных. Указывалось на необходимость первоочередного удовлетворения нужд армии и промышленности в лесных материалах. Волостные комитеты не должны были препятствовать подобным лесозаготовкам³⁷⁷.

Данные правила в виде отдельного «Положения об охране лесов и их рубке» были вынесены на повестку заседания Земельной комиссии Предпарламента 23 октября под председательством Н. Я. Быховского с участием заместителей министра земледелия Н. И. Ракитникова, П. А. Вихляева, Н. И. Фалеева, председателя ГЗК А. С. Посникова³⁷⁸. Правда, по существу этот документ комиссия так и не рассмотрела.

Участники II Всероссийского съезда ЛАР в июне 1917 г. высказались за национализацию лесов и передачу их в преимущественно кооперативное или земское пользование³⁷⁹.

Проблемы водопользования

Вопросы водопользования лишь изредка обсуждались Временным правительством. В продолжение работ, начавшихся еще в царский период по использованию водной энергии реки Малая Иматра (Положение утверждено Советом Министров от 23 декабря 1916 г.), 25 июля правительство издало постановление о распространении аналогичных мероприятий на р. Волхов и об улучшении судоходства по ней. На данные мероприятия из казны выделялось 32 млн руб.³⁸⁰

При отделе земельных улучшений Министерства земледелия в июле 1917 г. была создана Комиссия по организации водного хозяйства и водного режима в связи с подготовкой аграрной реформы. Руководил комиссией видный специалист по водному праву Д. С. Флексор. Первое заседание состоялось 24 июля, на котором рассматривался план мероприятий по организации водного хозяйства страны. Предполагалось провести водный кадастр, определить меры для сбережения водных запасов с учетом местных особенностей отдельных территорий, разработать общегосударственное водное законодательство и др. В комиссию вошли авторитетные специалисты водного, лесного, сельского хозяйства: В. И. Масальский, В. Г. Глушков, Е. Л. Кениг, И. И. Вихляев, Г. Ф. Чиркин, В. В. Никитин, А. А. Рыбников и др.³⁸¹

Обращает на себя внимание найденная нами докладная записка акционерного общества «Развитие и использование производительных сил России», составленная 10 июля 1917 г. и адресованная министру земледелия. Ее авторами явились директор «Бюро экономических работ» Л. Л. Рума, уполномоченные Уральского земельного инженерного товарищества (А. Скобелев, К. Николаевский, К. Г. Толстой). Они раскритиковали деятельность отдела земельных улучшений, указав на допущенные ошибки: отсутствие у него общего плана мелиоративных работ, сотрудничества с частными организациями, реализация «сложных и ответствен-

³⁷⁷ Там же. Л. 6–13.

³⁷⁸ ГА РФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 35. Л. 28.

³⁷⁹ Основные вопросы аграрной реформы на II Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ. М., 1917. С. 38.

³⁸⁰ Вестник Временного правительства. 1917. № 146 (192). 5 сентября. С. 2.

³⁸¹ РГИА. Ф. 426. Оп. 3. Д. 539. Л. 1–4, 37.

ных мероприятий без надлежащей и авторитетной разработки проектов». Под последним они подразумевали поручение оросительных и осушительных работ дилетантам, в то время как опытные зарубежные специалисты из Индии, Египта, США предлагали свою помощь. Инженеры советовали при проектировании оросительных систем обращаться за экспертизой к мировым специалистам, привлекать к реализации крупных проектов частный капитал, в т.ч. иностранные инвестиции, разработать основы водного законодательства. При этом государство осуществляло бы координирующую и инспектирующую роль³⁸². Иными словами, рекомендовалось наладить частно-государственное партнерство в деле мелиорации и развития водного хозяйства страны.

9 сентября на заседании комиссии обсуждался доклад профессора В. Г. Глушкова об учете и регулировании водных запасов страны. По мнению докладчика, воды России представляли собой «национальное имущество громадной ценности и первостепенного значения для жизни и хозяйства населения». Они должны были находиться в публичной собственности. Для правильной (т.е. рациональной) организации водного хозяйства требовалось провести учет и описание всех водных ресурсов государства. Комиссия дополнила рассуждения ученого выводами о важности составления водного кадастра, проведения единовременных обследований водных ресурсов и в дальнейшем постоянных наблюдений за их свойствами. Регулярные наблюдения за водами следовало начать в тех районах, где остро стоял вопрос водопользования, в иных местностях достаточны были бы гидрометрические и метеорологические пункты. В целях экономии средств необходимо было проводить наблюдения в малоизученных районах, а также для решения особых задач создавать экспедиции. Работа по изучению и учету водных ресурсов страны должна была координироваться единым государственным органом управления, финансироваться правительством. В помощь государственным усилиям важно было привлекать население. Все работы местного значения ложились бы на плечи органов местного самоуправления. Для государственных и общественных нужд водопользования необходимо было осуществлять мероприятия по сбережению и улучшению водных запасов, водного режима. Причем это могло быть сделано в форме сохранения естественных условий или в виде искусственной, водоустроительной деятельности человека. Отдельного внимания заслуживали вопросы законодательного урегулирования водопользования и водосбережения, в т.ч. в связи с охраной лесов в верховьях и по берегам рек³⁸³.

На заседании 16 сентября Д. С. Флексор выступил с докладом о важности общего водного законодательства, которое бы охраняло воды от «хищнической их растраты», вводило бы учет, регулирование и распределение водных запасов страны, регулировало бы борьбу с оврагами. Большое значение юрист придавал популяризации идей бережного отношения к водным источникам, практике подготовки специалистов разных отраслей водного хозяйства, распределению финансирования мероприятий в сфере водопользования между государственными, общественными и частными организациями и учреждениями³⁸⁴.

ГЗК также предлагал поставить на обсуждение вопрос водопользования в стране и передать его на компетентное заключение специальной Водной комиссии комитета. Планировалось на основе местных данных подготовить общероссийский проект правил водопользования³⁸⁵

³⁸² Там же. Л. 65–70.

³⁸³ ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 592. Л. 12–12 об.

³⁸⁴ Обзор деятельности комиссий и подкомиссий при Министерстве земледелия // Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 7–8. С. 17–18.

³⁸⁵ Кауфман А. А. О работах по подготовке земельной реформы на местах (доклад III сессии Главного земельного комитета). Пг., 1917. С. 4–5.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.